

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ,

1885.

ІЮНЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе). Свищ. Т. Буткевича.	733—756
Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова) внѣслѣдствіи митрополита Московскаго (1809—1819) (продолженіе). Н. Кор- сунскаго	757—778
Живое слово (продолженіе). Статья Преосвященнаго Амвросія	779—794
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Исторія философіи въ отношеніи къ откровенію (продолженіе). М. Остроумова	539—558
Ученіе Фейербаха о сущности и происхожденіи религіи. П. Свѣтлова	559—577
Изреченія древнѣйшихъ греческихъ мыслителей, выбранныя изъ сочиненій Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др. (продолженіе). И. К.	578—586
III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	

Содержаніе: Опрежденіе Святейшаго Синода. — Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго общества. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи послѣ годичныхъ испытаній за 1884 учебный годъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Списокъ лицъ, утвержденныхъ епархіальнымъ начальствомъ въ должности наблюдателей за правильнымъ ходомъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ. — Пожертвованіе въ пользу церковно-приходской школы. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго училищнаго совѣта. — Отъ правленія Харьковской духовной семинаріи. — Отъ правленія Булинскаго духовнаго училища. — Отъ совѣта Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОБРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ № 26.

1885.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ канонѣвъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ, въ конторѣ типографіи Окружнаго Штаба, Нѣмецкая, № 26 и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ, Московская, № 7; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова; въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ Тузова, Садовая, д. № 16.

Въ редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлый 1884 годъ, по прежней цѣнѣ, и „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумъваемъ.

Евр. XI, 3.

Дозволено цензурою. Харьковъ. Юля 1 дня 1885 года.

Цензоръ, Протоіерей Т. Павловъ.

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЦЕРКЪ).

(Продолженіе *).

Открывъ два монастыря въ Харьковской епархіи, Иннокентій строго слѣдилъ за тѣмъ, чтобы монашествующіе вели себя сообразно своему званію. Съ этою цѣлію имъ была введена въ мѣстной епархіи и должность благочиннаго монастырей, которая первоначально была возложена имъ на ректора семинаріи и настоятеля Куряжскаго монастыря, архимандрита Агаѳангела. Когда въ 1845 году ректоръ семинаріи Агаѳангелъ былъ переведенъ въ Костромскую епархію, а его мѣсто занялъ архимандритъ Паросій, — Иннокентій въ январѣ 1846 г. далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „за перемѣщеніемъ о. архимандрита Агаѳангела въ Костромскую епархію здѣшніе монастыри остались безъ благочинническаго надзора; взамѣнъ сего опредѣляется благочиннымъ надъ всеми здѣшними монастырями о. ректоръ здѣшней семинаріи архимандритъ Паросій; почему консисторія, приведши его на сію должность къ присягѣ, имѣеть снабдить его инструкціею благочиннической должности и вмѣстѣ съ тѣмъ предписать монастырямъ, чтобы они наблюдали неопустительно въ отношеніи къ новому благочинному опредѣленнаго закономъ отношенія; благочиніе же надъ монастыремъ Куряжскимъ я предоставляю до времени себѣ самому, такъ какъ некому поручить онаго въ настоящее время“.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 9.

О Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ мы скажемъ нѣсколько словъ впоследствии. Теперь-же перейдемъ къ разсказу объ учрежденіи Верхо-Харьковскаго Никольскаго дѣвичьяго монастыря. Мысль Иннокентія объ учрежденіи этого монастыря находится въ неразрывной связи съ мыслию объ основаніи въ Харьковской епархіи училища для дѣвицъ духовнаго званія. Въ первыхъ числахъ октября 1843 года, Иннокентіемъ былъ полученъ указъ Святѣйшаго Синода съ опубликованіемъ Высочайшаго повелѣнія объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ образцоваго училища для дѣвицъ духовнаго званія. Съ того времени явилась у Иннокентія мысль при первой возможности основать такое-же училище и для дѣвицъ духовнаго званія Харьковской епархіи, въ которой дочери священниковъ совершенно лишены были возможности получать какое-либо образованіе. Было однажды время (въ 1844 году), когда эта мысль была, повидимому, даже близка къ своему осуществленію. Богатые помѣщики Степановы изъявили готовность пожертвовать громадный капиталъ на учрежденіе дѣвичьяго монастыря, при которомъ, по убѣжденію Иннокентія, согласны были основать и училище для дѣвицъ духовнаго званія. Вотъ что, между прочимъ, по этому поводу писалъ Иннокентій своему петербургскому другу отъ 11-го апрѣля 1844 года: „Съ самаго полученія указа объ основаніи въ С.-Петербургѣ училищнаго заведенія для дѣвицъ духовнаго званія, мысль—завести нѣчто подобное для Харькова постоянно занимала меня; но недостатокъ средствъ къ тому, казалось, отнималъ всякую надежду увидѣть что-либо въ семь родѣ. И вотъ Господь и въ семь случаѣ явилъ, что невозможное у человѣка—у Него возможно.

„Вблизи Харькова (30 верстъ) есть значительное помѣстье гг. Степановыхъ, принадлежащее двумъ братьямъ и сестрѣ, монашествующей въ Курскомъ Борисоглѣбскомъ монастырѣ. Въ прошедшемъ октябрѣ они погребли своего отца, оставившаго имъ значительное состояніе, между прочимъ, въ капиталахъ. И прежде всѣ они были не расположены къ мірской жизни, вслѣдствіе чего сестра уходомъ ушла въ монастырь изъ дома родительскаго, а послѣ сего случая и болѣзни стар-

шаго брата сдѣлались еще удаленнѣе отъ міра и расположеннѣе къ дѣламъ благимъ. Проведши въ моей домовой церкви большую часть великаго поста, братья явились потомъ ко мнѣ съ предложеніемъ основать въ помѣстьи своемъ женскій монастырь, съ тѣмъ, чтобы при немъ было училищное заведеніе для дѣвицъ духовнаго званія. На все это, кромѣ готовой уже церкви, они рѣшаются употребить до трехъ сотъ тысячъ, но могутъ употребить и больше, коль скоро окажется въ томъ потребность. Дѣло, конечно, благое и общепольное; но, утруждавъ въ короткое время Святѣйшій Синодъ двумя представленіями о двухъ монастыряхъ, намъ показалось затѣйливъ беспокоить его объ учрежденіи третьяго. Думали, гадали и остановились на той мысли, чтобы г. Степанову съ братомъ самому войти съ прошеніемъ къ Ея Высочеству Ольгѣ Николаевнѣ, яко покровительницѣ человеколюбиваго учрежденія для дѣвицъ духовныхъ. Отъ нея уже можетъ перейти дѣло сіе, куда слѣдуетъ, и такимъ образомъ избѣгнется наше выказываніе себя съ монастырями...

„Почему, можетъ придти при семъ на мысль, не учредить училища безъ монастыря? Послѣдняго требуетъ благочестивое чувство учредителей, коимъ хочется монастырь новый сдѣлать памятникомъ для своихъ родителей. Впрочемъ, и заведенію училищному лучше быть подъ сѣнію святой обители, нежели стоять одному. Можетъ быть, есть при семъ даже мысль помѣстить въ будущемъ монастырѣ настоятельницею свою сестру. Но сія мысль, очень естественная въ учредителяхъ, ничему не вредитъ, даже многому можетъ способствовать; ибо сестра ихъ—монахиня вполне достойная сего мѣста, и, безъ сомнѣнія, въ такомъ случаѣ употребить на монастырь и заведеніе все, что можетъ принадлежать ей изъ наслѣдства отеческаго. И такъ, благоволите удѣлить частицу вашего времени на разсмотрѣніе сего дѣла, предложивъ его, кому слѣдуетъ, и дайте намъ знать, яже подобаетъ творити. Мы всѣ съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать вашего приговора, и не только мы, но и бѣдныя сироты, приметающіяся теперь, гдѣ и какъ случится“...

Такъ началось дѣло объ учрежденіи въ с. Стрѣлетчинѣ Ни-

колаевскаго дѣвичьяго монастыря. Впрочемъ, въ надеждѣ—основать вмѣстѣ съ монастыремъ и училище для дѣвицъ духовнаго званія—Иннокентію скоро пришлось разочароваться; Степановы кѣмъ-то настроенные, отказались отъ даннаго ими сначала согласія и даже рѣшительно высказались противъ устройства такого училища. Такимъ образомъ пришлось уже вести дѣло объ учрежденіи одного монастыря. По этому поводу Иннокентій писалъ тому-же другу своему отъ 3 ноября 1844 года слѣдующее: „За полгода назадъ я имѣлъ удовольствіе извѣщать васъ, что для Харьковской епархіи открывається случай благопріятный имѣть еще, кромѣ двухъ обновленныхъ, и новую обитель... Мысль объ устройеніи при новой обители училища для сиротствующихъ дѣвицъ едва-ли, къ сожалѣнію, прійдетъ въ семь случаѣ въ исполненіе. Кто-то внушилъ имъ (т. е. Степановымъ), что безмятежіе иноческаго житія можетъ сильно страдать отъ того, если ввести въ монастырь это заведеніе. Но мы не отчаяваемся, что, по крайней мѣрѣ, впоследствии состоится и сіе благое предположеніе. Средства къ тому найдутся. Они-же сами не прочь отъ того, чтобы сдѣлать на сіе пожертвованіе“...

Такъ какъ намѣреніе объ основаніи при монастырѣ училища для дѣвицъ духовнаго званія было уже оставлено, то петербургскій другъ Иннокентія, бывшій въ то время, между прочимъ, редакторомъ „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, совѣтовалъ Иннокентію предложить Степановымъ, не утруждая Ея Высочества, обратиться съ прошеніемъ непосредственно въ Святѣйшій Синодъ,—присоединяя при этомъ, что объ ихъ дѣлѣ онъ уже сообщилъ частнымъ образомъ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, который отнесся къ этому съ участіемъ и обѣщаль дать дѣлу благопріятный исходъ.—Послѣ этого Степановы и обратились дѣйствительно непосредственно отъ себя съ прошеніемъ въ Святѣйшій Синодъ о дозволеніи учредить въ ихъ имѣніи дѣвичій монастырь во имя Святителя Христова Николая, какъ угодника Божія, котораго особенно чтילה ихъ покойная мать,—при чемъ, представивъ планъ и фасады предполагаемаго монастыря, они обязывались: а) выстроить по приложеннымъ планамъ зданіе для помѣщенія на-

стоятельница и сестеръ съ больничною и теплою церковію, ограду и колокольню, а существующій каменный храмъ распространить; б) внести въ одно изъ кредитныхъ установленій на имя монастыря 150 тысячъ рублей ассигнаціями (т. е. до 43,000 руб. сер.) съ тѣмъ, чтобы проценты съ этого капитала были употребляемы на содержаніе монастыря; в) уступить въ пользу монастыря въ с. Стрѣлетчинѣ господскій домъ съ садомъ, мельницею, рощею и прудомъ, а также и 33 десятины земли, отведенной ихъ отцомъ для приходской церкви и г) употребить впослѣдствіи еще и другія средства къ упроченію существованія предполагаемой обители. По обычаю, къ Иннокентію послѣдовалъ запросъ изъ Святѣйшаго Синода:—возможно-ли учредить монастырь на предложенныхъ Степановыми условіяхъ? Иннокентій тотчасъ-же отвѣтилъ, что не только возможно, но что такой монастырь даже крайне необходимъ для Харьковской епархіи, такъ какъ въ ней есть только одинъ *женскій* монастырь—Хорошевскій, да и тотъ стоитъ на тѣсной горѣ, гдѣ зданія слишкомъ тѣснятся, не имѣя земли для своего распространенія, а слѣдовательно и для помѣщенія тѣхъ, кои желали-бы жить въ немъ для спасенія души своея. Послѣ такого отзыва Святѣйшій Синодъ съ своей стороны также призналъ нужнымъ существованіе въ Харьковской епархіи новой женской обители и, по всеподданнѣйшему докладу г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, 14 марта 1845 года Государь Императоръ изволилъ утвердить опредѣленіе Святѣйшаго Синода на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) новой обители, согласно съ желаніемъ учредителей, именоваться женскою Николаевскою, съ присвоеніемъ ей въ іерархическомъ порядкѣ степени 2 класса; 2) установить въ ней порядокъ и уставъ согласный съ тѣми женскими общежительными монастырями, которыя, сверхъ строгихъ правилъ монашеской жизни, отличаются готовностію на вспомошествованіе ближнимъ; 3) штату быть изъ 24 монашествующихъ сестеръ съ 26 послушницами; 4) состоящую въ Стрѣлетчинѣ приходскую церковь обратить въ монастырскую, а для совершенія богослуженія быть двумъ священникамъ и діакону съ жалованьемъ изъ доходовъ монастыря, священникамъ по 550 рублей ассигнаціями каждому и діа-

кову 400 рублей ассигнаціями въ годъ, и съ предоставленіемъ для каждаго готоваго помѣщенія для житья; 5) способами содержанія для обители должны быть: а) проценты съ капитала 150,000 рублей ассигнаціями, жертвуемаго г.г. Степановыми для обители; б) 33 десятины земли съ прудомъ и небольшимъ лѣсомъ; в) собственные средства, какія могутъ открыться отъ сбора свѣчнаго и кружечнаго.

Настоятельницаю монастыря Иннокентій назначилъ его строительницу дворянку Елисавету Степанову, въ монашествѣ мать Эмилию, которая въ 1846 году въ недѣлю православія и была возведена, по представленію преосвященнаго, въ санъ игуменіи.

Получивъ указъ объ открытіи дѣвичьяго Николаевскаго монастыря, Иннокентій немедленно обратился съ просьбою отъ имени Степановыхъ къ г. оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода о разрѣшеніи въ даръ и на благословеніе новой обители взять одну изъ иконъ Курскаго упраздненнаго монастыря, и въ то же время, отъ 2 іюля 1845 года, писалъ своему петербургскому другу, принимавшему не малое участіе въ устроеніи дѣла объ открытіи Никольскаго монастыря: „благovolите принять благодарность за то благосклонное участіе, которое оказано вами въ дѣлѣ г.г. Степановыхъ или, лучше сказать,—общемъ нашемъ. Они не находятъ словъ, какъ выразить сію благодарность къ его сіятельству и вамъ. На прошедшихъ дняхъ мы распланировали мѣсто для новаго монастыря. Онъ будетъ въ другомъ родѣ, нежели Ахтырскій и Святогорскій монастыри, безъ горъ и юдолей, но съ самою пріятною сельскою фізіономіей. Очень хочется имъ (разумѣются г.г. Степановы) имѣть на благословеніе одну изъ иконъ упраздненнаго монастыря Курскаго, о чемъ и послано прошеніе къ его сіятельству. Дѣло, кажется, не трудное, ибо икона почти по праву, какъ изволите увидѣть изъ прошенія, принадлежитъ намъ. Но можетъ явиться оппозиція со стороны власти предержавшей въ Курскѣ. Посему поворнѣйше просимъ употребить нужное посредство къ избѣжанію всякихъ пререканій“....

Днемъ торжественнаго открытія ново-учрежденнаго Николаевскаго дѣвичьяго монастыря Иннокентій назначилъ 7 октяб-

ря 1845 года *). Впрочемъ, самъ Иннокентій прибылъ въ Стрѣлетчину раньше этого срока. 6 октября онъ осващаль теплый храмъ, устроенный во временномъ помѣщеніи новооткрываемаго монастыря и, по окончаніи Божественной литургіи, произнесъ проповѣдь по поводу начинавшагося торжества. „Кто-бы могъ подумать за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, говорилъ онъ,—что здѣсь, на этомъ пустынномъ мѣстѣ, будетъ храмъ и что въ сему храму стечется на всегдашнюю молитву и обитаніе толикое число душъ, взыскующихъ горняго отечества?“...

7 октября было совершено торжество самаго открытія новой обители. Преосвященный Иннокентій отслужилъ Божественную литургію, послѣ которой вознесено было благодарственное Господу Богу молебствіе, заложены были новыя зданія для помѣщенія монашествующихъ. На литургіи Иннокентій произнесъ, по обычаю, слово, которое онъ началъ благодареніемъ Святѣй, Единосущнѣй и Нераздѣльнѣй Троицѣ. „Мы не знали, говорилъ преосвященный, какъ возблагодарить Господа за первый даръ, за обитель Святотроицкую Ахтырскую; а Онъ, Великодаровитый, преподаль намъ второй, не меньшій—обитель Святогорскую Успенскую; еще не прошла радость о семъ дарѣ, и се ниспосылается третій—обитель Никольская!... Не усумнимся-же, воодушеваясь вѣрою и упованіемъ, не усумнимся въ сей торжественный часъ сдѣлать единожды и навсегда распределеніе трехъ новыхъ обителей нашихъ, и скажемъ: обитель Ахтырская, яко первая по учрежденію, да утверждается неизблемо Вседержавнымъ именемъ Бога Отца! Обитель Святогорская, яко вторая по времени, да красуется и свѣтлѣетъ сладчайшимъ именемъ Бога Сына! Обитель Никольская, яко заключающая число трехъ, да будетъ въ особенный удѣлъ Бога Духа Святаго! Не раздѣляемъ нераздѣлимое и единосущное, точію, по немощи нашей, ищемъ особаго Божественнаго покровя для каждаго новаго мѣста... Се наше желаніе! и се наша молитва! Прими, Пресвятая Троица, сей трехчастный даръ, отъ Тебя ниспосылаемый и Тебѣ отъ насъ паки прино-

*) Въ „Историко-статистическомъ описаніи Харьковской епархіи“ Филарета сказано невѣрно, что этотъ монастырь былъ открытъ 7 октября 1846 года.

симый, прими, укрепи и соблюди его благодатию Твоею, да служить онъ во славу Пресвятаго имени Твоего и къ духовному освященію страны нашей“...

По просьбѣ Степановыхъ Иннокентій взялъ на себя трудъ составить описаніе этого торжества съ цѣлію отпечатанія. Описаніе это было дѣйствительно вскорѣ же и составлено. Отправляя его для напечатанія къ своему петербургскому другу, отъ 27 октября 1845 года, Иннокентій писалъ слѣдующее: „честь имѣю препроводить къ вашему превосходительству краткое описаніе открытія новаго монастыря нашего съ приложеніемъ и того, что было сказано по сему случаю открывавшимъ (т. е. вышеприведеннаго слова). Если подобный матеріалъ будетъ годиться для вашего журнала (разумѣется Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія), то благоволите помѣстить его. Если-же онъ не прійдется подъ цвѣтъ ему, то соблаговолите передать въ какой-либо другой. Намъ хочется только доставить симъ утѣшеніе строителямъ монастыря, кои очень встревожены задержкою въ Святѣйшемъ Синодѣ бумаги о постриженіи сестры ихъ. Посему покорнѣйше просимъ, гдѣ-бы ни напечаталось, прислать намъ нѣсколько оттисковъ отпечатаннаго для нихъ-же“...

Впрочемъ, открытіе Верхо-Харьковскаго Николаевскаго монастыря кое для кого осталось памятнымъ и безъ такого описанія.

Разсказываютъ, что, когда, по случаю открытія этого монастыря, Иннокентій велѣлъ отпѣть по церквамъ въ городѣ Харьковѣ благодарственный Господу Богу молебенъ, на повѣсткѣ объ этомъ одинъ изъ ученыхъ священниковъ (впослѣдствіи протоіерей, магистръ, Ш—цкій) написалъ: „куда какая радость!“ а на повѣсткѣ о продолженіи изданія журнала „Воскреснаго Чтенія“, гдѣ весьма часто помѣщались статьи самого Иннокентія, тотъ-же ученый написалъ: „не стоитъ выписывать: журналъ дрянной!“ Призвавъ къ себѣ этого священника, Иннокентій сказалъ ему: „За хулу на цѣлую академію и на монастырь походите-ка дней нѣсколько въ монастырь“ (т. е. въ архіерейскую домовую церковь *).

*) Вѣнокъ, стр. 112.

Въ 1846 году Николаевскій монастырь былъ уже вполнѣ приведенъ въ надлежащій порядокъ и Иннокентій писалъ въ своемъ предложеніи мѣстной консисторіи: „въ продолженіи истекшаго лѣта обозрѣвъ неоднократно новоучрежденный монастырь Никольскій и находя въ немъ, не смотря на новостъ его, отличный по всѣмъ частямъ порядокъ, особенно-же весьма похвальное благоустройство по церкви и богослуженію, долгомъ справедливости почитаю изъяснить игуменѣ монастыря Эмилии за ея неусыпные труды о семъ полную пастырскую благодарность и сестрамъ за ихъ содѣйствіе къ тому пастырское благословеніе,—предписываю консисторіи дать знать имъ о семъ по надлежащему, объявивъ вмѣстѣ съ симъ діакону сего монастыря, что усердные труды его по образованію въ монастырѣ пѣнія не останутся безъ вниманія и праведнаго возмездія у начальства“.

Въ Харьковѣ Иннокентій, почти съ самаго своего поступленія на Харьковскую кафедру, началъ хлопотать о поновленіи и украшеніи соборовъ—кафедральнаго и городского. Впрочемъ, первый былъ предметомъ его особенной заботливости. Кафедральнымъ соборомъ, съ учрежденія Харьковской епархіи и до того времени, былъ нынѣшній главный храмъ Харьковского Покровскаго монастыря. Храмъ этотъ выстроенъ еще до 1689 года, т. е. во времена патріаршества и раздѣленъ на два этажа: верхній и нижній. Послѣдній до 1815 года считался училищною или коллегіумскою церковію и былъ посвященъ имени трехъ вселенскихъ учителей и святителей—Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго; кафедральный-же соборъ до того времени состоялъ изъ одной лишь верхней церкви—Покровской. Будучи безъ прихода, Харьковскій кафедральный соборъ былъ настолько бѣденъ, что не могъ самъ въ надлежащей степени даже ремонтировать себя и капитальное поновленіе его ко времени Иннокентія было не роскошью, а крайнею необходимостію. Гдѣ-же взяты были средства на обновленіе кафедральнаго собора при Иннокентіи? По его указанію, соборяне вмѣстѣ съ церковнымъ старостою вошли къ нему съ прошеніемъ о дозволеніи имъ заимообразно взять потребное количество денегъ изъ церкви всей Харьковской епар-

хи на одинъ или на два года, смотря по надобностямъ собора, съ уплатою процентовъ или безъ процентовъ совсѣмъ, но только изъ такихъ церквей, гдѣ капиталы окажутся „безъ движенія“. Дѣло, конечно, было рѣшено по желанію соборянъ. И многіе причты, какъ и частныя лица, въ этомъ отношеніи оказали собору живое содѣйствіе. Такъ, напримѣръ, члены причта Сеньковской Успенской церкви Купянскаго уѣзда, взнося на возобновленіе собора, по предписанію консисторіи, 42 р. 40 к. сер., заявили, что они согласны эти деньги и вовсе пожертвовать на кафедральный соборъ. За это Иннокентій велѣлъ „изъявить просителямъ отъ кафедральнаго собора благодарность“. Жертвовали на этотъ предметъ и многія частныя лица, напримѣръ братья Михаилъ и Павелъ Степановы (строители Николаевского монастыря) пожертвовали 2 тысячи руб. серебромъ, казенный крестьянинъ с. Волошской Балоклейки Купянскаго уѣзда, Дмитрій Шевченко—500 рублей. Иннокентій велѣлъ „выдать сему жертвователю похвальный листъ за подписомъ соборнаго начальства“. Жертвовали также и многія другія лица. Такимъ образомъ, въ верхнемъ этажѣ, т. е. въ Покровской церкви внутреннія стѣны были отдѣланы подъ мраморъ алебастровою работою и перемощенъ полъ; это стоило собору 18,397 р. 50 к. ассигнаціями, которые и были уплачены изъ собранной на этотъ предметъ суммы; устройство новаго иконостаса, произведенное подрядчикомъ Воробьевымъ, стоило собору 1999 р. 97 к.; работы—штукатурную, красильную и живописную принялъ на свой счетъ харьковскій купецъ Адрианъ Лукинъ,—а это стоило ему 29,511 р. ассигнаціями. Въ благодарность за это Иннокентій предложилъ ему должность старосты кафедральнаго Покровскаго собора; когда же этотъ соборъ былъ обращенъ въ главную крестовую церковь онъ переименовалъ его въ попечителя ея, давъ консисторіи такое предложеніе: „предписываю предоставить бывшему при кафедральномъ Покровскомъ соборѣ, нынѣ обращенномъ въ главную крестовую церковь при домѣ архіерейскомъ, старостѣ купцу Адриану Лукину именоваться попечителемъ ея, какъ оказавшему особенное усердіе къ сей церкви и ревность о ея благолѣніи и устройствѣ, доказанныя многими пожертво-

ваніями при возобновеніи ея и приведеніи въ настоящій видъ, а какъ имѣются въ виду и будущія нужды сей церкви касательно поддержки ея въ настоящемъ видѣ, къ чему опытность г. Лукина во всякаго рода постройкахъ можетъ быть весьма полезнаю, то доносить мнѣ словесно и письменно о всемъ, что онъ, Лукинъ, найдетъ нужнымъ для благолѣпія и совершенства зданій церковныхъ, а за его труды и усердіе по окончившемуся званію старосты изъявить ему отъ меня совершенную пастырскую благодарность и благословеніе“.

Въ нижнемъ этажѣ собора—въ Трехсвятительской церкви—всѣ передѣлки принялъ на свой счетъ грайворонскій 1 гильдіи купецъ Василій Лелекинъ; передѣлки эти были также не незначительны, именно: онъ вынулъ четыре арки, раздвинулъ входы и окна, устроилъ новыя двери, подѣлалъ двойныя рамы и затворы, перемостилъ въ средней части храма чугунный полъ, а въ алтарѣ сдѣлалъ новый деревянный, наконецъ, општукатурилъ внутреннія стѣны. Предъ царскими вратами, по мысли Иннокентія, подобно тому, какъ существуетъ въ Іерусалимѣ на Голгоѣѣ, имъ поставлено въ большомъ видѣ Распятіе Спасителя съ предстоящими Богоматерію, Апостоломъ Іоанномъ и двумя женами; иконостасъ былъ возобновленъ весь. Все это, по архитекторскому вычисленію, обошлось Лелекину не менѣе, какъ въ 2871 р. 50 к. О такомъ пожертвованіи Иннокентій велѣлъ „донести Святѣйшему Синоду“. Между прочимъ, онъ въ то же время писалъ и своему петербургскому другу: „на прошедшей почтѣ отправлено къ его сіятельству отношеніе о наградѣ одного изъ здѣшнихъ купцовъ медалию за пожертвованіе на церкви. Усерднѣйше молимъ васъ оказать возможное участіе въ семъ дѣлѣ, ибо и награждаемый вполне стоитъ того, и награда его можетъ оказать благотворное дѣйствіе для церквей нашихъ. Дѣлать сіи вещи изрѣдка крайне нужно и вездѣ, а въ здѣшной странѣ, холодной вообще къ церквамъ, тѣмъ паче“. Ободренный такимъ вниманіемъ, Лелекинъ устроилъ въ слѣдующемъ (1846) году подъ сводами той-же нижней церкви, на свой счетъ, пневматическую печь, которая-бы обогрѣвала двѣ церкви—и въ нижнемъ, и въ верхнемъ этажѣ; за устройство этой печи онъ уплатилъ конторѣ пневматиче-

скихъ печей генерала Амосова 10 тысячъ рублей, кромѣ того за пробивку въ стѣнахъ горячихъ и вентиляторскихъ проводовъ и устройство дымовой трубы—1800 р.; наконецъ, принявъ на себя уплату и 5250 р. за росписание стѣнъ внутри той-же церкви. Когда поновленіе храма этого было окончено, Иннокентій освятилъ его въ честь „Страстей Христовыхъ“. Съ этого времени въ этой церкви Иннокентій началъ читать каждую среду акаѳистъ Страстямъ Господнимъ, точно также какъ въ верхнемъ этажѣ—въ Покровской церкви—въ каждую пятницу онъ началъ читать акаѳистъ Покрову Пресвятыя Богородицы.

Заботясь о возобновленіи и украшеніи храма, Иннокентій не оставилъ безъ вниманія и его священно- и церковно-служителей. Не имѣя прихода, кафедральные соборяне принуждены были довольствоваться только однимъ окладомъ казеннаго жалованья. Но такъ какъ окладъ жалованья былъ довольно скуденъ, то члены причта соборнаго бѣдствовали и при первой возможности старались выйти на приходъ. Въ виду этого Иннокентій сдѣлалъ распоряженіе—причислить къ соборному приходу всѣхъ лицъ, живущихъ въ Харьковѣ, но не имѣющихъ собственныхъ домовъ, равно какъ и всѣхъ чиновниковъ. Харьковскому духовенству очень не понравилось это распоряженіе. Священникъ Ш—цкій даже вошелъ по этому поводу къ Иннокентію съ письменнымъ объясненіемъ, на которомъ Иннокентій положилъ такую резолюцію: „о. Іоаннъ имѣетъ вести записку требамъ по своему приходу, кои будутъ совершены соборянами, и, по истеченіи года, представить мнѣ съ мнѣніемъ, ибо изъ настоящаго положенія сего дѣла, какъ показываетъ самое объясненіе его, нельзя извлечь никакого значительнаго результата“.

Одновременно съ обновленіемъ Покровскаго кафедральнаго собора производились работы и по украшенію городского Успенскаго собора вмѣстѣ съ окончаніемъ соборной колокольни. Въ немъ были вычищены, а отчасти и передѣланы иконостасы какъ въ нижнемъ, такъ и въ верхнемъ этажѣ, исправлены жертвенники, устроено два кіота, оштукатурены стѣны и т. п. Всѣ эти работы были произведены подъ непосредственнымъ наблюденіемъ профессора Харьковскаго университета,

архитектора Тона и при ближайшемъ участіи и руководствѣ самого Иннокентія. По мысли Иннокентія, на соборной колокольнѣ сдѣлана и надпись, свидѣтельствующая о тѣхъ чувствахъ, которыя руководили благочестивымъ усердіемъ харьковцевъ. Въ декабрѣ 1846 года Иннокентіемъ былъ полученъ указъ, которымъ сообщалось, что по уваженію къ тому обстоятельству, что колокольня при Харьковскомъ Успенскомъ соборѣ сооружена усердіемъ гражданъ въ ознаменованіе „признательности“ къ Богу, согласно съ заключеніемъ преосвященнаго Иннокентія, Святѣйшій Синодъ признаетъ и съ своей стороны приличнымъ сдѣлать на ней предположенную надпись—„Богу Спасителю за избавленіе отечества отъ нашествія галловъ и съ ними двадцати языкъ“—и предоставилъ право Иннокентію привести въ исполненіе такое предположеніе.

Въ томъ-же (1846) году Харьковскій Успенскій соборъ, по ходатайству Иннокентія, былъ обращенъ въ кафедральный, а бывшій кафедральный Покровскій соборъ—въ главную крестовую церковь архіерейскаго дома при Покровскомъ монастырѣ. И все это, судя по официальнымъ документамъ, дѣлалось какъ-бы не по личному усмотрѣнію Иннокентія, а „по желанію гражданъ“, которымъ онъ всегда надѣялся прикрыть себя отъ укора въ „затѣйничествѣ“. Такъ 27 октября 1845 г. Иннокентій писалъ своему петербургскому другу: „У гражданъ здѣшнихъ, по случаю ежегоднаго перенесенія святой иконы изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій соборъ кафедральный (онъ при моемъ домѣ), болѣе и болѣе усиливается мысль просить о возстановленіи на семъ мѣстѣ прежде бывшаго Покровскаго монастыря. Это было-бы намъ весьма кстати. Но возможное-ли дѣло? Мы уже надоѣли вамъ съ монастырями. Къ сей цѣли два пути: перевести штатъ изъ Куряжскаго, который можетъ остаться приписнымъ къ Покровскому, какъ и было нѣкогда, или введеніе отъ кого-либо денегъ на новый монастырь. Дайте намъ совѣтъ, что лучше, если только это не есть вещь несбыточная. Соборъ самый въ такомъ случаѣ можетъ быть переведенъ въ соборъ Успенскій, который и занималъ мѣсто кафедральнаго во всѣхъ случаяхъ, пока мы не оправили Покровскаго...“

Обративъ бывшій градскій Успенскій соборъ въ кафедральный, Иннокентій ходатайствовалъ и о томъ еще, чтобы свѣчная прибыль поваго кафедральнаго собора уже болѣе не была отсылаема въ кредитныя учрежденія для обращенія въ духовно-учебный капиталъ, а оставалась собственностію собора. Ходатайство это не имѣло, впрочемъ, успѣха. Оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода въ февралѣ 1847 года увѣдомилъ преосвященнаго Иннокентія, что Святѣйшій Синодъ, подробно сообразивъ всѣ обстоятельства по этому предмету, усмотрѣлъ, что такое ходатайство основано на мнѣніи консисторіи примѣнительно къ общему положенію о кафедральныхъ соборахъ; а между тѣмъ Харьковская Успенская соборная церковь, какъ было видно изъ самаго представленія преосвященнаго Иннокентія, весьма благолѣпна, утварью достаточна, находится въ самомъ лучшемъ и многолюднѣйшемъ мѣстѣ города, имѣеть свой приходъ, состоящій изъ 570 мужескаго и 605 женскаго пола душъ, кромѣ того владѣеть въ самомъ городѣ мѣстомъ, на коемъ строится для причта (также по инициативѣ Иннокентія) каменный трехъ-этажный домъ, имѣеть 54 десятины 1108 квадратныхъ сажень писцовой земли, а также лавки, отдающіяся въ наемъ, и изъ получаемыхъ за нихъ денегъ строится церковный домъ, а часть до 1000 рублей ассигнаціями предположена современемъ въ пособіе священно-церковно-служителямъ, — наконецъ, имѣеть капиталъ въ 855 р. 71 к. серебр., внесенный отъ частнаго лица въ пользу церковно-служителей. Вслѣдствіе такихъ соображеній Святѣйшій Синодъ не нашелъ уважительныхъ причинъ къ освобожденію Харьковской соборной Успенской церкви отъ высылки свѣчнаго дохода за переводомъ въ ту церковь архіерейской кафедры, тѣмъ болѣе, что прежняя кафедральная Покровская церковь обращена была въ крестовую архіерейскую, отъ которой также свѣчнаго дохода не было высылаемо, а расходы по духовно-учебной части ежегодно значительно возростали.

Обративъ Успенскій соборъ въ кафедральный, Харьковскую Благовѣщенскую церковь Иннокентій переименовалъ въ градскій соборъ и тотчасъ-же началъ хлопотать о ея поповленіи. Старый чугуяный полъ былъ замѣненъ новымъ деревяннымъ; но когда

причтъ просилъ о разрѣшеніи продать кому-нибудь старый чугунный полтъ, Иннокентій положилъ резолюцію: „дозволить, но чугуны, бывшіе въ церкви, можетъ быть проданы не на всякое употребленіе въ видѣ плитъ“. Кроме того былъ устроенъ новый иконостасъ, горнее мѣсто, жертвенникъ, балдахинъ надъ престоломъ, наконецъ, куполъ былъ раскрашенъ алфрейскою живописью. Новому градскому собору это повеленіе стоило 2603 р. 90 к. серебр. Когда причтъ донесъ Иннокентію объ окончаніи работъ, на его рапортѣ преосвященный написалъ: „На разсмотрѣніе консисторіи; а между тѣмъ предписать, чтобы священно-служители со старостою 1) не медля заставили исправить иконописца то, что замѣчено мною неисправнымъ въ живописи на иконахъ и стѣнахъ; 2) чтобы постарались обсадить ограду церковную приличными деревьями, а деревянный сарай привели въ надлежащій видъ, дабы онъ не безобразилъ собою церкви; 3) чтобы множествомъ иконъ беспорядочно наставленныхъ и безобразныхъ не загромождали стѣны церкви и алтаря, какъ при освященіи мною замѣчено въ алтарѣ Варваровскомъ“.

Къ дѣйствіямъ Иннокентія, имѣющимъ важное нравственно-религіозное значеніе въ жизни Харьковской епархіи, необходимо отнести, какъ мы сказали выше, учрежденіе двухъ крестныхъ ходовъ съ чудотворными иконами Богоматери: 1) съ Озерянской чудотворною иконою изъ Куряжскаго монастыря въ теперешній Покровскій Харьковскій монастырь и обратно, а затѣмъ изъ Куряжскаго монастыря въ с. Озерянку и обратно и 2) съ Ахтырскою чудотворною иконою изъ Ахтырскаго Покровскаго собора въ Ахтырскій Свято-Троицкій монастырь и обратно.

Если судить только по официальному ходу дѣла, то и мысль объ учрежденіи двубратнаго крестнаго хода съ Озерянской чудотворною иконою Божіей Матери также принадлежитъ харьковскимъ гражданамъ, хотя на самомъ дѣлѣ она всецѣло принадлежитъ преосвященному Иннокентію. Изъ одного указа Святѣйшаго Синода видно, что еще въ своемъ отчетѣ за 1842 годъ Иннокентій велъ рѣчь о необходимости учрежденія этого крестнаго хода для большаго возбужденія

въ народѣ религіозности и для болѣе удобнаго удовлетворенія благочестивому желанію харьковцевъ—обращаться чаще съ молитвою къ уважаемому и глубоко чтимому чудотворному образу. Вслѣдствіе этого въ январѣ 1843 года указомъ Святейшаго Синода было предложено Иннокентію войти по этому дѣлу въ Святѣйшій Синодъ съ особымъ представленіемъ. Озерянская чудотворная икона извѣстна по своимъ чудеснымъ благотвореніямъ съ очень давняго времени. Какъ видно изъ „Историко-статистическаго описанія Харьковской епархіи“ Филарета (1, стр. 41), въ первый разъ открылись чудеса ея въ Озерянской пустыни, почему и самая икона называется Озерянской. Въ архивѣ Харьковской духовной консисторіи хранится „дѣло“ объ учрежденіи крестнаго хода изъ Куряжскаго монастыря въ Харьковскій Покровскій кафедральный соборъ. Въ этомъ дѣлѣ находится, между прочимъ, запись народнаго преданія объ Озерянской иконѣ. По этому преданію, „святая икона была обрѣтена во время татарскихъ набѣговъ, въ пустыни, именуемой Озерянской, однимъ изъ ея жителей, который, кося за лѣсомъ траву, за однимъ взмахомъ косы, слышалъ стонъ какъ-бы человѣческой и при этомъ увидѣлъ половину священнаго изображенія на оконечности косы, а другую половину образа и предъ нею горящую свѣчу—при корнѣ дерева, здѣсь-же росшаго. Косарь этотъ, взявши обѣ половины этого образа, внесъ въ свою хижину, и, сложивши ихъ, поставилъ образъ въ приличномъ мѣстѣ и усердно молился ему, оставя свою работу. На другой день рано поутру онъ обрѣтенной имъ святыни въ хижинѣ своей не видѣлъ, ибо она была на мѣстѣ обрѣтенія имъ святыни и *исцѣлена*. Близъ мѣста сего явленія вскорѣ выстроена была церковь, а на самомъ мѣстѣ святомъ тутъ-же заструился ключъ чистой воды“. Когда Озерянская пустынь въ 1787 году была упразднена, святую икону перенесли на нѣкоторое время въ Куряжскій монастырь; но такъ какъ менѣе, чѣмъ чрезъ годъ былъ упраздненъ и Куряжскій монастырь, то Озерянскую икону Божіей матери перенесли въ Харьковскій Покровскій училищный монастырь. Въ 1797 году, по ходатайству тогдашняго харьковскаго генераль-губернатора Леванидова, Куряж-

скій монастырь былъ возстановленъ и чудотворная икона была отнесена въ него для постояннаго пребыванія. Харьковцы всегда питали къ этой иконѣ особенное благоговѣнне и ради нея лѣтомъ массами отправлялись въ Куряжъ „на богомолье“...

4-го февраля 1843 года Иннокентій,—приступая къ исполненію указа о томъ, чтобы относительно учрежденія крестнаго хода онъ вошелъ въ Святѣйшій Синодъ съ особымъ представленіемъ,—отправилъ къ гражданскому губернатору отношеніе, въ которомъ просилъ его „доставить свѣдѣнія о расположенности къ сему гражданъ“. Въ отвѣтъ на этотъ запросъ Иннокентію подано было отъ имени девяноста пяти харьковскихъ гражданъ „съ товарищами“ прошеніе слѣдующаго содержанія: „Имѣя особенное благоговѣнне къ явленной иконѣ Озерянской Божіей Матери, находящейся въ Старо-Харьковскомъ Преображенскомъ Куряжскомъ монастырѣ, мы не можемъ въ осеннее и зимнее время отправляться въ оный монастырь съ нашими семействами для слушанія Богослуженія, тѣмъ болѣе, что въ ономъ монастырѣ не имѣется удобныхъ помѣщеній. Посему, желая, чтобы оная икона отъ 1-го октября по 1-е апрѣля находилась въ Харьковскомъ кафедральномъ Покровскомъ соборѣ, покорнѣйше просимъ учинить къ выполненію желанія нашего архипастырское распоряженіе и насъ удостоить милостивѣйшею резолюціею“. Принявъ это прошеніе, Иннокентій предварительно сдѣлалъ запросъ харьковскому генераль-губернатору князю Николаю Андреевичу Долгорукову,—не находятъ-ли онъ какихъ-либо препятствій съ своей стороны къ удовлетворенію настоящей просьбѣ харьковскихъ гражданъ. Въ отвѣтъ на это генераль-губернаторъ писалъ Иннокентію, что онъ не только не встрѣчаетъ никакого препятствія къ удовлетворенію сей просьбѣ харьковскихъ жителей, но, признавая изъявленное ими желаніе доказательствомъ благочестія ихъ, вполне заслуживающимъ уваженія, находитъ и съ своей стороны „установленіе этого обряда мѣрою весьма полезною для вѣщаго утвержденія жителей здѣшнихъ въ благоговѣйномъ почитаніи церковной святыни“.

Получивъ таковой отвѣтъ отъ генераль-губернатора, Иннокентій передалъ прошеніе харьковцевъ „на разсмотрѣніе консисторіи“. Консисторія нашла его заслуживающимъ уваженія, а ежегодное перенесеніе иконы Божіей Матери съ подобающею торжественностію—дѣйствіемъ весьма благотворнымъ для города, скуднаго древнею святынею и могущимъ служить къ утвержденію жителей его въ духѣ благочестія и уваженія къ предметамъ священнымъ,—почему и съ своей стороны просила Иннокентія удостоить сіе дѣло архипастырскимъ вниманіемъ и, по уваженію къ благочестивому рвенію харьковцевъ, исходатайствовать у Святѣйшаго Синода дозволеніе учредить крестный ходъ для упомянутаго перенесенія святой иконы. Въ своемъ опредѣленіи, въ отношеніи къ просьбѣ харьковцевъ, консисторія измѣнила только сроки крестнаго хода: для перенесенія иконы изъ Куряжа въ Харьковъ она назначала 1 октября, а изъ Харькова въ Куряжъ 21 апрѣля. На этомъ опредѣленіи Иннокентій, впрочемъ, положилъ такую резолюцію: „искребовать еще предварительно мнѣніе отъ о. настоятеля Куряжскаго монастыря,—не найдетъ-ли онъ что нужнымъ къ пополненію сего предположенія“. Настоятель Куряжскаго монастыря, ректоръ семинаріи, архимандритъ Агаѳангель, въ концѣ 1842 года только еще перешедшій въ Харьковскую епархію, отвѣчалъ, что, вступивъ недавно на должность настоятеля Куряжскаго монастыря, онъ почелъ нужнымъ посовѣтоваться съ братіею. Братія, по его словамъ, съ радостію приняла извѣстіе, что граждане Харькова возымѣли благочестивое желаніе искать покровительства у Царицы Небесной, чтимой во святой, чудотворной, издревле прославленной иконѣ Ея. Но они не могутъ при семъ не скорбѣть, что будутъ сами лишаться на столь продолжительное время того благодатнаго утѣшенія, какое всегда находили въ ней среди искушеній и браней, постигающихъ инока на поприщѣ подвижничества и для какового вступили въ монастырь, пренебрегая всѣми трудностями и неудобствами, во множествѣ представляемыми скудостію средствъ Куряжскаго монастыря.

Въ апрѣлѣ 1843 года Иннокентій сдѣлалъ, наконецъ, по этому дѣлу представленіе въ Святѣйшій Синодъ. И 16 октября того

же года Государь Императоръ, вслѣдствіе этого представленія, по положенію Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить ежегодное перенесеніе иконы Озерянскія Божія Матери изъ Куряжскаго Преображенскаго монастыря въ Харьковскій кафедральный Покровскій соборъ съ учрежденіемъ для сего крестныхъ ходовъ: одного — изъ Куряжской обители въ соборъ 30 сентября, наканунѣ храмоваго въ ономъ праздника Покрова Пресвятыя Богородицы, а другаго обратно изъ собора въ монастырь 22-го апрѣля, т. е. наканунѣ праздника святаго великомученика Георгія, какъ мѣстнаго праздника Куряжскаго монастыря и такого времени, съ коего начинается обыкновенно въ монастырѣ стеченіе богомольцевъ, съ тѣмъ, чтобы наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ народѣ во время таковыхъ ходовъ оставлено было на обязанности мѣстныхъ городского и сельскаго полицейскихъ начальствъ.

Между прочимъ, получивъ увѣдомленіе объ этомъ отъ министра внутреннихъ дѣлъ и предложивъ военному губернатору г. Харькова и харьковскому гражданскому губернатору сдѣлать надлежащее распоряженіе по этому предмету, — генералъ-губернаторъ князь Долгоруковъ спрашивалъ Иннокентія отношеніемъ, не признаеть-ли онъ нужнымъ составить положеніе о необходимомъ при утвержденныхъ крестныхъ ходахъ церемоніалѣ и сообщить затѣмъ ему. На этомъ отношеніи Иннокентій положилъ резолюцію: „препоручить немедленно составить приличный церемоніалъ для сего о. ректору семинаріи, о. протоіерею Могилевскому, о. протоіерею Кустову и о. протоіерею Зимину и, рассмотрѣвъ въ консисторіи, представить съ мнѣніемъ“. Составленный такимъ образомъ церемоніалъ, по рассмотрѣніи министромъ внутреннихъ дѣлъ и оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода, съ нѣкоторыми незначительными, впрочемъ, измѣненіями, былъ утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ. Впослѣдствіи замѣтили, что въ этомъ церемоніалѣ пропущены учащіе и учащіяся въ учебныхъ заведеніяхъ. Иннокентій началъ ходатайствовать о восполненіи этого пробѣла, — и дѣло тянулось до 27-го сентября 1846 года. Само собою разумѣется, что церемоніалъ былъ составленъ самый пышный и самый торжественный.

Первый крестный ходъ было предположено совершить 30-го сентября 1844 года. Сдѣланы были всѣ надлежащія приготовления. Между прочимъ, благочинный Малиновскій испрашивалъ у Иннокентія разрѣшенія „взять изъ харьковскихъ церквей церковныхъ денегъ 500 рублей ассигнаціями на покупку матеріаловъ для устроенія 15 хоругвей, необходимыхъ для благолѣпія будущаго крестнаго хода изъ Куряжа въ Харьковъ съ тѣмъ, чтобы сія деньги были потомъ возвращены, если окажутся, какъ можно надѣяться, добротные датели на устроеніе означенныхъ хоругвей“. И Иннокентій велѣлъ „дозволить, если не окажется особыхъ препятствій, немедленно“. 30-го сентября крестный ходъ дѣйствительно состоялся. Погода, говорятъ, была превосходная; народъ повсюду толпился массаами; харьковцы почти всѣ приняли участіе въ этомъ торжествѣ. За городомъ, на Холодной горѣ, Иннокентій со всѣмъ городскимъ духовенствомъ и мѣстными властями встрѣтилъ чудотворную икону. По обычаю, онъ произнесъ здѣсь прекрасное слово; затѣмъ, взявъ на руки икону, крестообразно на всѣ четыре стороны осѣнилъ ею молившійся народъ. Крестный ходъ былъ совершенъ по церемоніалу. Иннокентій былъ очень доволенъ. Настоятелю Старо-Харьковскаго Преображенскаго второкласснаго монастыря, о. архимандриту Агаѳангелу и братіи, участвовавшей въ крестномъ ходѣ съ прославленною иконою Озерянскія Божія Матери изъ монастыря въ городъ Харьковъ, онъ велѣлъ изъявить отъ своего лица архинастырскую благодарность за порядокъ и благочиніе, сохраненные при этомъ; такую же благодарность со внессіемъ въ послужной списокъ, по предложенію Иннокентія, консисторія объявила настоятелю кафедральнаго Покровскаго собора, о. протоіерею Александру Кустову съ ключаремъ того же собора и градскимъ благочиннымъ протоіереемъ Александромъ Малиновскимъ „за особенныя ихъ труды и распорядительность“ по случаю того же самаго крестнаго хода. Святѣйшему Синоду Иннокентій тогда же доносилъ о совершеніи крестнаго хода, при чемъ добавилъ, что народъ громко и единодушно благословлялъ имя благочестивѣйшаго монарха за сіе новое трогательное и поучительное для него священное зрѣлище. Въ то же время писалъ онъ

и своему петербургскому другу: „новый крестный ходъ нашъ изъ Куряжа въ Харьковъ, 30-го сентября, совершился благополучно. Украина наша показала при семъ случаѣ, что она не такъ холодна и равнодушна къ церковнымъ процессіямъ, какъ объ ней думаютъ обыкновенно“.

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ остановить нѣсколько вниманіе на нѣкоторыхъ частностяхъ, вызванныхъ учрежденіемъ этого крестнаго хода и довольно характеристическихъ для личности преосвященнаго Иннокентія. Для крестнаго хода, именно для совершенія молебствія на Холодной горѣ за Харьковомъ, нужно было устроить складной амвонъ. Съ просьбою объ этомъ Иннокентій обратился къ городской думѣ; но дума отказалась на свой счетъ принять издержки по устройству такого амвона, предлагая каедральному собору устроить его на церковныя суммы. Узнавъ объ этомъ, Иннокентій обратился съ просьбою о содѣйствіи къ харьковскому военному губернатору. Что сдѣлалъ губернаторъ по этому ходатайству, мы не знаемъ, но только дума вскорѣ послѣ этого увѣдомила консисторію, что во исполненіе предписанія военнаго губернатора города Харькова и харьковскаго гражданскаго губернатора, устройство складнаго амвона для крестнаго хода во время перенесенія иконы изъ Куряжскаго монастыря „въ каедру“ и обратно въ монастырь она отдала съ торговъ и деньги за фланель (для покрытія амвона) уплатила кому слѣдуетъ; относительно-же расходовъ при водоосвященіяхъ заявила, что они должны быть производимы не изъ городской суммы, а изъ доходовъ собора. Противъ этого послѣдняго заявленія Иннокентій замѣтилъ слѣдующее: „отвѣтить и касательно расходовъ по водоосвященіямъ, что они по всей Россіи производятся не на церковную сумму, а на кждивеніе обывателей“.

Не оставилъ Иннокентій безъ вниманія и тѣхъ трудностей и неудобствъ, во множествѣ представляемыхъ скудностію средствъ Куряжскаго монастыря, на которыя жаловались Иннокентію куряжскіе монахи, указывая на нихъ, какъ на препятствіе къ перенесенію на зиму въ Харьковъ чудотворной иконы. Между прочимъ онъ далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „По велику чрезъ перенесеніе на зиму святой Озерянской иконы

Богоматери изъ Куряжа въ Харьковъ, Куряжскій монастырь можетъ потерпѣть нѣкоторый ущербъ въ доходахъ своихъ, что для него, по ограниченности способовъ его къ своему содержанию, должно быть чувствительно, и справедливость требуетъ, если возможно, вознаградить сей недостатокъ, дабы новый крестный ходъ былъ всеѣмъ въ отраду душевную и никому въ причину къ сѣтованію, то предписываю консисторіи, учинивъ точную справку касательно сего предмета, сообразить и представить, въ какомъ видѣ потребно сдѣлать вознагражденіе монастырю, откуда оное заимствовать и на какихъ основаніяхъ, утвердить-ли окончательно или въ видѣ опыта временнаго, взявъ при томъ во вниманіе нынѣшнее положеніе кафедральнаго собора, находящагося въ долгахъ по случаю своего обновленія для принятія святой иконы“. Вслѣдствіе этого предложенія консисторія предписала указами обоимъ настоятелямъ Куряжскаго монастыря и кафедральнаго собора—немедленно доставить точныя свѣдѣнія, первымъ,—сколько получалось ежегодно доходовъ отъ 30 сентября до 22 апрѣля въ теченіи прошлыхъ десяти лѣтъ отъ пребыванія въ монастырѣ святой Озерянской иконы Богоматери, а вторымъ,—сколько доходовъ получено въ 1844—45 годахъ во время пребыванія въ соборѣ чудотворной иконы и сколько имѣется на соборѣ долговъ по случаю его возобновленія для принятія святой иконы. Дѣло, понятно, кончилось ничѣмъ:—настоятель Куряжскаго монастыря не могъ показать доходовъ больше, чѣмъ сколько официально значилось въ приходо-расходныхъ книгахъ; сумма-же эта была слишкомъ незначительна, а настоятель собора указалъ на множество долговъ, произведенныхъ соборомъ по случаю его обновленія, и на незначительность прибыли за время пребыванія въ соборѣ святой иконы.

Въ тѣсную связь съ ежегоднымъ перенесеніемъ изъ Куряжа въ Харьковъ чудотворной иконы должно поставить и устройство въ Харьковѣ на Холодной горѣ часовни. Уже въ 1844 году, по распоряженію Иннокентія, составленъ былъ планъ этой часовни и отправленъ на разсмотрѣніе къ губернатору. Разсмотрѣвъ планъ, и увидѣвъ, что въ немъ назначена жилая комната, губернаторъ просилъ преосвященнаго увѣдомить его,—

будутъ-ли въ этой часовни постоянные жильцы и, если будутъ, то не нужно-ли отвести къ ней мѣсто и для двора. На этотъ запросъ Иннокентій приказалъ „отвѣчать, что при сей церемоніи необходимо имѣть жилую комнату и что, кромѣ того, предполагается со временемъ устроить церковь и богоугодное заведеніе, почему и просить отвести мѣста для двора побольше“. Черезъ мѣсяцъ послѣ этого, препровождая разсмотрѣнный Харьковскою губернскою строительною коммисіею фасадъ на постройку на Холодной горѣ часовни, губернаторъ увѣдомлялъ преосвященнаго, что имъ уже предписано харьковскому губернскому землемѣру отвести какъ подъ постройку часовни, такъ и для двора земли мѣрою длины 11, а ширины 10 квадратныхъ сажень. На этомъ отношеніи Иннокентій написалъ: „дать знать благочинному, чтобы онъ принялъ отведенное мѣсто и донесъ мнѣ, а касательно постройки часовни изготовить, куда слѣдуетъ, представленіе“.—Вслѣдствіе этого представленія 17 апрѣля 1847 года былъ полученъ указъ Святѣйшаго Синода, которымъ разрѣшено было устроить часовню на Холодной горѣ „для срѣтенія Озерянской иконы Богоматери при перенесеніи ея изъ Куряжскаго Преображенскаго монастыря въ бывшій Харьковскій кафедральный соборъ“.

Почти одновременно съ ходатайствомъ объ учрежденіи крестнаго хода изъ Куряжа въ Харьковъ или даже нѣсколько раньше этого Иннокентій ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ и объ учрежденіи крестнаго хода въ Ахтыркѣ съ перенесеніемъ чудотворной Ахтырской иконы Богоматери изъ городского собора въ Свято-Троицкій Ахтырскій монастырь, по примѣру того, какъ это было уже совершено самимъ Иннокентіемъ при открытіи Ахтырскаго монастыря 3-го іюля 1843 года. Это ходатайство Иннокентія также не осталось безуспѣшнымъ. 8-го апрѣля 1844 года, вслѣдствіе представленія преосвященнаго Иннокентія, по положенію Святѣйшаго Синода, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: разрѣшить торжественное перенесеніе изъ Ахтырскаго собора въ новооткрытый Троицкій монастырь чудотворной иконы Божія Матери съ учрежденіемъ для сего крестнаго хода изъ собора въ субботу пятидесятницы на вечерню, а изъ

монастыря обратно въ соборъ въ день всѣхъ святыхъ по окончаніи литургіи. Церемоніаль этого крестнаго хода, по порученію Иннокентія, былъ составленъ ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Агаѳангеломъ. Въ первый разъ это торжество было совершено при личномъ участіи самого Иннокентія, который остался имъ вполне доволенъ, что видно изъ его предложенія даннаго въ томъ-же году мѣстной консисторіи: „о. настоятелю Ахтырскаго монастыря, игумену Сергію, съ назначеніемъ того-же монастыря іеромонахомъ Арсеніемъ за порядокъ и благочиніе во время крестнаго хода съ чудотворною иконою Богоматери изъ города Ахтырки въ монастырь и обратно—изъявить отъ меня пастырскую благодарность“. Въ 1845 году Иннокентій самъ не участвовалъ въ торжествѣ перенесенія чудотворной Ахтырской иконы, но отправлялъ вмѣсто себя ректора семинаріи, архимандрита Агаѳангела, какъ благочиннаго монастырей. На этотъ разъ крестный ходъ былъ совершенъ еще съ большимъ торжествомъ. По довесенію Агаѳангела, кромѣ духовенства города Ахтырки въ крестномъ ходѣ участвовало тогда и духовенство окрестныхъ селеній, стеченіе народа было большее, нежели въ прошломъ году; богомольцы пріѣзжали и приходили не только изъ Ахтырскаго и другихъ уѣздовъ Харьковской губерніи, но изъ Курской, Полтавской и даже Черниговской губерніи. Погода была ясная, теплая и сухая; порядокъ въ шествіи никѣмъ и ничѣмъ не нарушался; надзоръ градской и земской полиціи за идущимъ народомъ „былъ бдителенъ и неусыпѣнъ“; икона Божіей Матери несена была въ кіотѣ, устроенномъ нарочно для этого случая однимъ изъ ахтырскихъ купцовъ, прекрасной работы и стоящемъ болѣе тысячи рублей.

М. Бункевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета (Дроздова),

въ послѣдствіи митрополита Московскаго

(1809—1819).

(Продолженіе *).

Мы говорили уже, что на вопросъ о внѣшнемъ характерѣ проповѣди, — ея формѣ, стилѣ и произношеніи Филаретъ могъ находить пространныя указанія и наставленія въ разныхъ тогдашнихъ руководствахъ и пособіяхъ по краснорѣчію вообще и въ частности—церковному. Дѣйствительно, возьмите хотя для примѣра указанное уже нами „Руководство къ церковному краснорѣчію“, и вы увидите, что тамъ пространно говорится и о родахъ рѣчи ораторской (стр. 3 и дал.), и о изобрѣтеніи (стр. 11 и дал.), и о расположеніи частей (стр. 58 и дал.), равно какъ и о всѣхъ частяхъ проповѣди (стр. 59—141), и объ ораторской благопристойности (стр. 141 и дал.), и о изображеніи (т. е. выраженіи мыслей въ словѣ, стр. 173 и дал.), о стилѣ (стр. 192 и дал.), о фигурахъ и тропахъ (стр. 227 и дал.), и объ ораторскомъ дѣйствованіи: памяти, голосѣ и тѣлодвиженіи (стр. 348—362) и т. д. При томъ всѣ эти наставленія сопровождаются множествомъ примѣровъ изъ поученій знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ древняго и новаго времени; изъ новыхъ преимущественно—Массильона, Бурдалу, Боссюэта и др. Но хотя Филаретъ естественно и не могъ пренебре-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 24.

гать всѣми этими указаніями, наставленіями и правилами, однако никогда не упустилъ изъ виду того, что поученіе есть проповѣдь слова Божія, что оно имѣетъ главною цѣлію „назиданіе Церкви“¹⁾, и что многія изъ этихъ правилъ идутъ болѣе къ произведеніямъ свѣтской словесности²⁾. Для „духовнаго поученія“, какъ проповѣди слова Божія, онъ существенными „понятіями“ или пунктами изъ этихъ правилъ считалъ только слѣдующія: а) изобрѣтеніе предметовъ поученія; б) расположеніе частей онаго; в) подтвержденіе и г) изложеніе избранныхъ истинъ съ одной и внѣшнее приличіе поученія, или сообразность предлагаемаго ученія съ обстоятельствами: мѣста, времени, лицъ, какъ поучающаго, такъ и слушающихъ—съ другой стороны³⁾. И самъ онъ въ своихъ проповѣдяхъ строго слѣдуетъ этимъ правиламъ, хотя и безъ рабскаго усилія всегда и всѣ ихъ непремѣнно выдержать въ проповѣди. Да впрочемъ въ отношеніи къ формальной сторонѣ поученія Филаретъ былъ уже далеко не повичекъ. Мы помнимъ, что съ этой стороны онъ хорошую школу выдержалъ уже въ Троицкой лаврской семинаріи. Видѣли мы уже и примѣры такого отношенія его къ дѣлу на проповѣдяхъ, произнесенныхъ имъ въ 1806 году⁴⁾. Теперь, какъ само собою повятно, проповѣди его съ этой стороны являются лишь болѣе совершенными и въ то же время замѣчается больше свободы въ употребленіи всѣхъ помянутыхъ выше формальностей, меньше опасенія опустить какое-либо изъ указываемыхъ въ учебникахъ правилъ. Несравненно болѣе нужно было Филарету позаботиться объ усовершенствованіи другихъ внѣшнихъ качествъ своей проповѣди, въ особенности же о языкѣ или слогѣ (стилѣ) своей проповѣди и о томъ, что называлось и называется проповѣдническимъ дѣйствованіемъ, куда относятся не только произношеніе, но и тѣлодвиженіе. Въ Петербургѣ у нашего проповѣдника уже не то было общество слушателей, какое было въ Троицкой Сергіевской лаврѣ. Здѣсь требованія отъ проповѣди съ этой стороны были не-

1) См. „Обозрѣніе богосл. наукъ“ и пр. стр. 69 цит. изд.

2) Тамъ-же.

3) Тамъ-же.

4) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г.

сравненно строже, нежели въ прежнемъ скромномъ убѣжищѣ его. Здѣсь былъ высшій центръ тогдашняго просвѣщенія, и то, что сошло бы съ рукъ въ Сергіевской Лаврѣ, не могло пройти безнаказанно въ Петербургѣ. Къ тому же въ Сергіевской лаврѣ и всѣхъ - то проповѣдниковъ было немного, а хорошихъ и того меньше, также какъ и строгихъ судей проповѣдничества. Въ Петербургѣ—другое дѣло. Тамъ блисталъ своимъ краснорѣчіемъ Теофилактъ, тамъ были другіе опытные въ проповѣдничествѣ люди, каковы: самъ м. Амвросій, только въ 1810 году выпустившій въ свѣтъ цѣлыхъ 3 тома своихъ проповѣдей,—архіеп. Меѳодій, Иривей и др. Тамъ же были и строгіе судія проповѣдничества, каковы, кромѣ сейчасъ означенныхъ проповѣдниковъ и изъ свѣтскихъ лицъ: Сперанскій, во время оно даже составившій „Правила высшаго краснорѣчія“, изданныя въ свѣтъ черезъ 52 года послѣ составленія ихъ, именно въ 1844г.;—Лабзинъ весьма опытный въ стилистикѣ и именно по части духовной письменности; болѣе или менѣе знаменитые литераторы того времени (Державинъ, Шишковъ, Гречъ и мн. др.) и т. д. И что же? Благодаря своимъ необыкновеннымъ духовнымъ дарованіямъ, постояннымъ упражненіямъ письменнымъ (лекціи, ученые труды и проповѣди) и устнымъ (лекціи, бесѣды съ разными лицами и проч.), чтенію и изученію произведеній письменности современной и другихъ временъ, знанію и постоянному употребленію классическихъ языковъ (чтеніе на латинскомъ языкѣ, переводы съ греческаго и латинскаго и под.), наконецъ благодаря разнообразнѣйшимъ сношеніямъ съ людьми того времени, Филаретъ усовершилъ свою проповѣдь съ этой стороны до высшей степени. Проповѣди Филарета и тогда считались и доселѣ остаются образцами краснорѣчія. Такъ уже въ 1813 году одинъ изъ помянутыхъ выше судей краснорѣчія, М. М. Сперанскій, по поводу вышедшей около того времени вторымъ изданіемъ книги Шишкова: *О старомъ и новомъ слогѣ російскаго языка*, высказалъ замѣчательное сужденіе: „а я не знаю ни того, ни другаго: я знаю только слогъ Карамзина и Филарета“¹⁾. Въ томъ-же году издатель „Сына Отечества“ Н. П. Гречъ

¹⁾ Корфъ, Жизнь графа Сперанскаго. ч. 2, стр. 78 примѣч. Спб. 1861.

отзывается о Филаретѣ, какъ уже извѣстномъ „многими изящными произведеніями въ духовномъ краснорѣчіи“¹⁾. Равнымъ образомъ еще въ началѣ этого года извѣстный намъ А. Н. Оленинъ, прося письмомъ (отъ 5 января) Филарета написать „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ 1812 года“, выражается въ этомъ письмѣ между прочимъ такъ: „безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прескрасныхъ выраженій изъ сочиненной будто-бы вами рѣчи или разсужденія о *нравственныхъ причинахъ*“ и пр.; или: „не было еще доселѣ удобнѣйшаго случая краснорѣчивому перу духовной особы, смѣло вступить въ поприще свѣтской словесности“. И затѣмъ, изложивъ общія мысли на помянутую тему, Оленинъ говоритъ: „вотъ что, по мнѣнію моему, предлежитъ описать краснорѣчивому перу вашему“²⁾. Ясно, что уже къ 1813 году слава Филарета, какъ „краснорѣчиваго оратора и стилиста“, была упрочена. Дальше тоже самое шло, конечно, не къ уменьшенію, а къ возвышенію совершенствъ внѣшняго характера слова Филарета. Мы помнимъ, что напримѣръ въ 1814 году ему поручается высшая редакція литературнаго произведенія такого знаменитаго писателя, какъ Г. Р. Державинъ, и при томъ самимъ-же Державинымъ. Въ то-же время, какъ мы помнимъ, его имя является въ числѣ именъ знаменитѣйшихъ проповѣдниковъ русскихъ въ „Сборникѣ образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ прозѣ“, изданномъ „Обществомъ любителей отечественной словесности“ въ Петербургѣ³⁾. И при этомъ не безъ намѣренія, какъ мы отчасти и указали выше, отмѣчается въ одномъ изъ періодическихъ изданій того времени, что въ такомъ сборникѣ, какъ сборникъ „образцовыхъ“ именно проповѣдей, выборъ былъ тѣмъ затруднительнѣе, что „сія часть литературы у насъ обильнѣе всѣхъ прочихъ“ и что при всемъ томъ вельзя „не отдать совершенной

¹⁾ „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч. VI, стр. 122.

²⁾ См. тотъ-же журналъ и за тотъ-же годъ, ч. VIII, стр. 219; 220 и 221.

³⁾ 1-я часть Сборника вышла въ концѣ 1814 года (помѣта цензора отъ 4 декабря сего года), хотя на выходномъ листѣ значится по обычаю уже слѣдующій 1815 годъ.

справедливости выбору гг. издателей“¹⁾. Между тѣмъ какъ въ 1 части этого сборника стоитъ имя Филарета, какъ краснорѣчиваго проповѣдника, во 2-й части того-же сборника появляется извѣстное уже намъ его „Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ“ и проч., какъ образецъ краснорѣчія свѣтскаго среди другихъ образцовыхъ въ томъ-же родѣ произведеній древнѣйшихъ, классическихъ и новѣйшихъ временъ. Въ 1816 году знакомый намъ Сперанскій о „Начертаніи церковно-библейской исторіи“ Филарета также говоритъ, что въ немъ „и слогъ и мысли превосходные“²⁾. Въ 1817 году издатель „Сына Отечества“ Гречъ, обзрѣвая богословскую литературу 1815—1816 годовъ и по справедливости включая въ число произведеній ея также проповѣди, прямо говоритъ: „изо всѣхъ отличаются преимущественно труды почтеннаго ректора С.-Петербургской духовной академіи архимандрита Филарета“, и, перечисливъ его труды (слова, рѣчи и ученая работы), добавляетъ, что они „назначаютъ ему почетное мѣсто между писателями вообще и особенно богословами греко-россійской Церкви“³⁾. Но все это отзывы объ общемъ внѣшнемъ характерѣ и достоинствахъ духовнаго писательства Филарета вообще и проповѣдничества въ частности. Разсмотримъ-же, въ чемъ именно состоятъ черты этого характера и этихъ достоинствъ, заслужившихъ столь лестные отзывы, и именно черты проповѣди Филарета съ этой стороны. Достоинства, внѣшнія качества характера проповѣди, какъ духовно-литературнаго произведенія, обнаруживаются въ языкѣ и слогѣ ея. Языкъ проповѣди, какъ *провозвѣщеніе ученія слова Божія и св. Церкви народу*, долженъ заключать въ себѣ естественно три основныя стихіи, именно свойства и особенности: языка библейскаго, языка церковнаго и языка народнаго. Проповѣдникъ слова Божія долженъ не только мыслить мыслию Библии и Церкви, но и говорить языкомъ Библии и Церкви. Черезъ это слово его становится ближе къ своему идеалу: слову Божию и

¹⁾ „Сынъ Отечества“ за 1815 г. ч. XXIII, стр. 161.

²⁾ Письма къ дочери, въ „Русс. Архивѣ“ за 1878 г. стр. 1113. Срав. отзывъ Греча въ „Сынѣ Отечества“ за 1816 годъ, ч. XXXIII, стр. 28—29.

³⁾ „Сынъ Отечества“ за 1817 г. ч. XXXIV, стр. 13.

слову Церкви. Но въ то-же время, такъ какъ онъ говоритъ предъ слушателями изъ современнаго ему народа, и еще ближе,—предъ опредѣленными слушателями какого-либо круга или общества въ этомъ народѣ, то его языкъ долженъ быть и языкомъ не только того народа, среди котораго онъ проповѣдуетъ, а и того именно общества, среди котораго онъ проповѣдуетъ. И насколько первыя двѣ стихіи языка проповѣди являются общими для всякой проповѣди требованіями отъ ея языка, настолько-же въ послѣднемъ отношеніи языкъ проповѣди долженъ условливаться потребностями мѣста и лицъ слушающихъ, не говоря о поучающемъ. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ проповѣди Филарета являются образцовыми. Не даромъ онъ такъ ревностно, какъ мы говорили о томъ выше, изучалъ Библию и ученіе и преданіе св. Церкви. Не даромъ изучалъ и отечественныя произведенія литературныя. Не даромъ вращался въ кругу множества лицъ современнаго ему петербургскаго общества, предъ которымъ обыкновенно выступалъ на церковную кафедру, въ своей проповѣди. Не даромъ изучалъ всевозможныя изгибы мысли и выраженія и среди массы воспитывающагося молодаго поколѣнія то въ семинаріи, то въ училищахъ, то въ академіи петербургскихъ, „тонкимъ взоромъ“ наблюдая за этимъ всѣмъ и пропустивъ такимъ образомъ подъ своимъ взоромъ не одно поколѣніе въ теченіи 1809—1819 годовъ. Какъ именно отразились въ проповѣди Филарета три основныя стихіи ея языка: свойства и особенности языка библейскаго, церковно-славянскаго и языка современнаго ему русскаго образованнаго общества, это яснѣе будетъ видно изъ образцовъ его проповѣди, которые представлены будутъ нами въ свое время.

Что касается до слога проповѣди, то понятно, что она, какъ произведеніе словесное, должна обладать всѣми лучшими качествами слога грамматическими, логическими и эстетическими. Въ первомъ отношеніи слогъ ея долженъ отличаться чистотою, правильностію и стройностію; во-второмъ — точностію, опредѣлительностію, связностію и ясностію; въ третьемъ—живописностію (естественностію или изобразительностію, обнаруживающеюся въ употребленіи мыслей въ простомъ или пере-

носомъ значенія ихъ) и энергією, обнаруживающеюся не столько въ фигуральности, сколько въ величественной простотѣ и соразмѣрности тоновъ рѣчи, при возможномъ однако-же разнообразіи въ повышеніи и пониженіи ихъ съ помощію вопросовъ, восклицаній, плавности и пр., но въ то же время безъ всякой принужденности. Какъ все это выразилось въ проповѣди Филарета, слогъ рѣчи котораго даже такіе стилисты, какъ Сперанскій, ставили на ряду съ слогомъ самаго образователя новаго слога—Карамзина, это мы также лучше всего увидимъ на примѣрахъ изъ его проповѣдей, которые мы приведемъ послѣ. А теперь дополнимъ недостающее въ предшествующемъ нашемъ обзорѣ касательно условій развитія такого образцоваго слога у Филарета. Какъ само собою понятно, слогъ грамматическій развитъ до совершенства у Филарета подъ условіемъ неустанныхъ грамматическихъ-же упражненій въ своей собственной письменной (духовно-литературной) дѣятельности,—въ чтеніи и изученіи литературныхъ произведеній своего времени,—въ чисто грамматическомъ изученіи правилъ образцоваго слога,—въ критическомъ разсмотрѣніи литературныхъ, ученическихъ и другихъ произведеній того-же времени и т. д. Что-же касается до слога логическаго, то образцовыя качества его въ проповѣдяхъ Филарета достигнуты неуспѣшною работою его отъ природы свѣтлаго и сильнаго ума надъ собственной и чужою мыслию. Въ этомъ отношеніи великимъ подспорьемъ для Филарета служили какъ его до-петербургскія умствениныя работы, такъ и въ особенности философскія занятія въ семинаріи Петербургской въ 1809—1810 годахъ. Хотя съ неохотою Филаретъ принялъ свое назначеніе на „холодную философію“ вмѣсто желанной „богословіи“, однако и здѣсь, какъ во всемъ, покорный волѣ Божіей и волѣ начальства, онъ, по принятіи должности преподавателя философіи, съ обычнымъ усердіемъ и ревностію взялся за дѣло, такъ что въ нѣсколько мѣсяцевъ оказалъ такой успѣхъ, какой другіе преподаватели не успѣли-бы, можетъ быть, оказать и въ нѣсколько лѣтъ, какъ то обнаружилось на экзаменахъ въ іюнь, іюль и декабрь 1809 года. Можно пожалуй сказать: много-ли пользы было отъ этого успѣха для самого-то Филарета и въ настоя-

щемъ случаѣ — для развитія качествъ его логическаго стиля или слога? Но у Филарета при занятіяхъ какимъ-бы то ни было предметомъ, научнымъ или литературнымъ, было прекрасное правило, которому стоить слѣдовать и въ наше многоученое время. Онъ самъ всегда слѣдовалъ этому правилу, хотя высказалъ его довольно поздно, именно въ письмѣ къ младшему брату своему отъ 6 марта 1818 года: „писано мнѣ о книгахъ тебѣ потребныхъ. Но ученіе.. не многими книгами, а размышленіемъ о читанномъ и слышанномъ. Теперь можешь читать философскія сочиненія Цицерона, что и для знанія и для языка полезно“ ¹⁾ и т. д. Помимо того, къ той-же выработкѣ логическаго стиля Филарета служила его постоянная умственная работа надъ своею и чужою мыслию, какъ мы сказали. Эта работа была такъ многоразлична и разнообразна, да притомъ въ ббльшей своей части и настолько извѣстна уже намъ изъ предшествующаго, что указывать на нее въ подробностяхъ было-бы и излишне и потребовало-бы много времени и мѣста. Въ дополненіе къ прежде сказанному и исчисленному мы укажемъ еще лишь на работы Филарета по рецензій студентскихъ упражненій въ сочиненіи разсужденій и проповѣдей. Въ библіотекѣ Московской духовной академіи хранится рукописный экземпляръ таковыхъ упражненій окончившаго курсъ со степенью магистра, воспитанника II курса (выпуска 1817 года) Петербургской духовной академіи Михаила (въ монашествѣ Макарія) Глухарева, извѣстнаго послѣ миссіонера, переданный въ библіотеку въ 1853 году, любившимъ его какъ сына, бывшимъ учителемъ его и ректоромъ академіи—Филаретомъ, митрополитомъ Московскимъ Разсужденія и проповѣди относятся къ 1815 — 1817 годамъ. Большая часть ихъ просмотрѣна Филаретомъ. На нѣкоторыхъ есть помѣтки послѣдняго, въ родѣ того, какъ: „есть мысли“; или: „немного, но съ довольнымъ размышленіемъ“; или: „основаніе мыслей очень хорошо“; или: „есть и порядокъ и сила въ мысляхъ, и точность въ выраженіяхъ“ ²⁾ и т. д. Это показываетъ, что при чтеніи и разсмотрѣніи такихъ и подобныхъ сочиненій у Фи-

¹⁾ Письма Филарета къ роднымъ, стр. 222.

²⁾ № 16 допол. рукоп. библ. Моск. дух. акад. т. 4, 7 об., 11, 119.

ларета на первомъ планѣ была мысль и ея выраженіе въ словѣ. Онъ самъ много работалъ умомъ, потому и въ сочиненіяхъ другихъ желалъ главнымъ образомъ работы мысли. Отъ того-то онъ и былъ такъ строгъ къ неточному выраженію мыслей словами, требователемъ до мелочности къ опредѣлительности и ясности выраженія мысли. И строже, требовательнѣе всего онъ былъ въ этомъ отношеніи самъ къ себѣ. Изъ образцовъ проповѣди Филарета мы увидимъ, какъ точенъ, опредѣлителенъ, связанъ и ясенъ былъ стиль ея. Но сказанное сейчасъ не значитъ однако-же, что Филаретъ уже исключительно работалъ умомъ, былъ лишь сухимъ мыслителемъ и не пользовался дарами Божиими, выдѣленными ему въ изобиліи для другихъ способностей души его и, между прочимъ, для воображенія, играющаго столь важную роль въ дѣлѣ выработки стиля эстетическаго. Нѣтъ! Мы хорошо знаемъ, что Филаретъ не чуждъ былъ даже поэтической настроенности, которой онъ платилъ дань еще въ Троицкой лаврской семинаріи и къ которой не оставался равнодушнымъ даже до старости. Собственно отъ петербургскаго періода дѣятельности Филарета мы имѣемъ съ этой стороны нѣсколько живописныхъ изображеній окрестностей Петербурга, петербургскихъ собственно достопримѣчательностей и пр. въ письмахъ его къ роднымъ ¹⁾; занятія его по временному преподаванію риторики въ семинаріи въ 1809 году; участіе въ редакціи Державинской оды „Христосъ“ и нѣкоторыя другія. Благодаря этому и въ проповѣдяхъ его въ обиліи встрѣчаются тѣ качества рѣчи, которыя обуславливаются прямо воздѣйствіемъ воображенія, каковы: живописность, образительность и пр., и которыя характеризуютъ собою эстетическія черты стиля проповѣди. На примѣрахъ изъ проповѣдей Филарета мы увидимъ ясно подтвержденіе этого.

Наконецъ Филарету предстояло озаботиться еще, со стороны внѣшняго-же характера проповѣди, и о сообщеніи ея слушателямъ, причемъ должно было принять во вниманіе какъ дѣйствованіе при сообщеніи ея, такъ и самое произношеніе. „Наружность приличнѣйшая священному оратору, — говорится въ руководствѣ къ церковному краснорѣчію, — есть та, кото

¹⁾ См. напр., стр. 122, 123, 125 и др.

рая даетъ другимъ чувствовать высоту евангельскаго служенія. Видъ простой и постоянный, позиція благопристойная, нѣкоторый благочестивый страхъ, изображающійся во всей его осанкѣ, напоминаютъ важность его должности и привлекаютъ къ нему слушателей“ и т. д. ¹⁾). Вообще по этой части Филаретъ могъ находить много руководственныхъ указаній въ различныхъ книгахъ того времени, сюда относящихся. Да при томъ онъ такъ много видѣлъ и слышалъ современныхъ ему проповѣдниковъ, что наука эта, въ которой онъ искуссился уже и въ Сергіевой лаврѣ на должности учителя и проповѣдника, не была для него трудна. Тоже и въ отношеніи къ произношенію проповѣди или дѣйствованію голосомъ. Въ томъ и другомъ отношеніи онъ, какъ проповѣдникъ, обладая натурою въ высшей степени подвижною, былъ чрезвычайно разнообразенъ, т. е. въ осанкѣ, поступи, во взорѣ, въ тѣлодвиженіяхъ, въ голосѣ и пр. Вотъ какъ описываетъ его съ этой стороны извѣстный намъ Петръ (Фотій) Спасскій: „Филаретъ былъ. . . росту средняго, смугль видомъ, волосы средніе, темно-русые, бороду долгую имѣлъ; лицомъ всегда свѣтль, веселье казалося; у него были глаза острые, пронизательные; видъ постенъ, строгъ и пріятель ²⁾); поступь его была не скорая, важная. Голосъ тихъ, тонокъ, но ясенъ; рѣчь внятная; говорилъ остро, высоко, премудро, но все болѣе къ уму; менѣе-же къ сердцу. Свободно дѣлалъ изъясненіе священныхъ писаній: какъ-бы все лилось изъ устъ его... Казалося онъ во время оно ораторъ мудрый, краснорѣчивый, писатель искусный. Все доказывало, что онъ много въ наукахъ занимался“ ³⁾). Припомнимъ также выраженія письма А. Н. Оленина къ Филарету отъ 5 января 1813 года, характеризующія его краснорѣчіе устное, равно такъ и письменное. Но какъ въ отзывѣ Фотія исключается какъ-бы сердечность Филарета при живомъ устномъ сообщеніи мыслей, такъ и въ отзывѣ Оленина о ней,

¹⁾ Стр. 362. Спб. 1803.

²⁾ Было написано: „но весьма пріятель“; при исправленіи-же, сдѣланномъ самимъ авторомъ записокъ въ 1834 году, первыя двѣ частицы зачернены и вмѣсто ихъ написано только союзъ *и*.

³⁾ Цит. рукоп. акад. библ. ч. I, л. 47. Сравн. стр. 105—106 матеріаловъ для біографіи Филарета въ IV кн. Читеній въ общ. люб. дух. проsv.

повидимому, нѣтъ рѣчи. Однако-же Филаретъ былъ далеко не безсердеченъ, что, какъ само собою понятно, не могло-бы такъ или иначе не выражаться при сообщеніи имъ проповѣдей слушателямъ. Самъ-же Фотій въ слѣдующихъ за приведенными словами отзыва о Филаретѣ говоритъ: „изъ разныхъ повѣствованій объ немъ слышно было, и самому лично извѣстно, что былъ весьма сердоболѣнъ, милостивъ“ ¹⁾ и пр. Равнымъ образомъ и у Оленина, крсмъ выраженій: „безпрерывно въ слухѣ моемъ отдаются звуки прекрасныхъ выраженій изъ сочиненной вами рѣчи“; или: „краснорѣчивому перу вашему“ и под., встрѣчается и выраженіе: „благочестивое перо ревностнаго служителя православной Церкви не токмо на каедрѣ“ ²⁾ и пр. Короче сказать, полная гармонія силъ души, такъ счастливо сочетавшаяся въ Филаретѣ, естественно и даже необходимо выражалась и въ проповѣдническомъ дѣйствованіи его строгимъ и стройнымъ согласіемъ деталей съ цѣлымъ и обратнымъ воздѣйствіемъ общей настроенности на отдѣльные, нужные на извѣстный случай тоны этого настроенія. Отсюда-то и вытекала та цѣлостность высокаго и сильнаго впечатлѣнія проповѣди Филарета на слушателей, которая съ одной стороны влекла ихъ къ тому, чтобы болѣе и болѣе внимать слову проповѣди его, а съ другой вызывала такіе искренне похвальные и даже восторженные отзывы современниковъ о его проповѣди, какіе мы отчасти уже приводили выше.

Что-же именно и какъ проповѣдывалъ въ Петербургѣ Филаретъ, это должны повѣдать намъ самыя проповѣди его, къ разсмотрѣнію которыхъ мы теперь и приступимъ.

Мы помнимъ, конечно, ту первую проповѣдь іеромонаха Филарета на день Благовѣщенія 1810 года, которая вызвала столь разнорѣчивые толки въ Петербургѣ, что одни считали ее настоящею Массильоновскою проповѣдію, а другіе говорили, что составитель ея „обокралъ“ только Массильона; одни, благодаря этой проповѣди, усердно искали знакомства съ вновь про-

¹⁾ См. цит. рукопись библиотеки Моск. дух. акад. и кн. Чтеній въ обл. люб. дух. просв.

²⁾ „Сынъ Отечества“ за 1813 г. ч. VII, стр. 220.

явившимся 27-лѣтнимъ проповѣдникомъ; другіе, напротивъ, въ тайнѣ завидовали ему и негодовали на него, какъ на выскочку, и которая въ концѣ концовъ была напечатана на иждивеніе Св. Синода, послуживъ началомъ славы Филарета, какъ проповѣдника, въ Петербургѣ. Эта проповѣдь, какъ мы замѣчали въ свое время, послужила также и началомъ, поводомъ въ сближенію оберъ-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына съ Филаретомъ и главнымъ образомъ потому, что она отвѣчала духовному настроенію князя, уже въ то время, подъ вліяніемъ Лабзина, Сперанскаго и др. начинавшаго вдаваться въ мистицизмъ, котораго столь ревностнымъ поборникомъ онъ оказался послѣ. Интересно, поэтому, будетъ познакомиться съ самою проповѣдію, произведшею такое на многихъ впечатлѣніе. Проповѣдь сказана на текстъ: *и дастъ Ему Господь Богъ престолъ Давида Отца Его, и воцарится въ дому Иаковли во вѣки* (Лук. 1, 32—33) и развиваетъ мысль о томъ, въ чемъ состоитъ царство Христово. Въ этомъ отношеніи проповѣдь Филарета дѣйствительно отчасти совпадаетъ съ проповѣдію Массильона, также на день Благовѣщенія произнесенною, потому что эта послѣдняя исходитъ изъ того-же текста, только взятаго въ начальныхъ его выраженіяхъ: *сей будетъ велиій* (Лук. 1, 32) и раскрываетъ мысль объ истинномъ величіи Христа. Но затѣмъ какая великая разница и въ развитіи темы, и въ постановкѣ дѣла и въ приемахъ обоснованія и раскрытія второстепенныхъ мыслей проповѣди! Для точнѣйшаго сличенія той и другой проповѣди, приводимъ ту и другую полностью. И прежде всего вотъ проповѣдь Массильона по русскому переводу *Ив. Ястребцова*, напечатанному въ Петербургѣ въ 1808 году, съ одобренія Св. Синода:

„Сей будетъ велиій. Луки 1, 32.

„Государь! ¹⁾ Когда люди предвѣщаютъ о юномъ царѣ, что онъ будетъ великъ и славенъ: сіе гаданіе возбуждаетъ въ нихъ мысль о побѣдахъ его и временномъ благоденствіи. Будущее величіе поставляютъ токмо въ бѣдствіи народовъ; и тѣ пред-

¹⁾ Проповѣдь говорена была Массильономъ въ присутствіи короля французскаго Людовика XV.

знаменованія, изъ которыхъ заключаютъ о славѣ царствованія, обращаются въ плачевныя предвѣстія гибели другихъ державъ.

„Но не сими печальвыми знаменіями величія благовѣствуетъ Ангелъ Дѣвѣ Маріи, яко Христось велій наречется. Языкъ истины далекъ отъ неправды и суетныхъ словесъ ласкателей. Не тако вѣщаетъ Богъ, яко-же человекъ! Иисусъ Христось будетъ велій, потому, что Отроча свято, наречется Сынъ Божій (Луки 1, 35); Той спасетъ люди своя (Матѣ. 1, 21); и царствію Его не будетъ конца (Луки 1, 33). Таковы суть свойства царя, нынѣ благовѣстующаго: величіе святости, милосердія, нескончаемости.

„Государь! не полагай величія въ знаменитости породы, въ пышныхъ титулахъ, въ блескѣ побѣдъ, или въ обширности твоей державы и силы. Буди благочестивъ, полезенъ людямъ; и жизнь, и царство содѣлай вѣчнымъ примѣромъ для грядущихъ временъ, и наречешься велій!

„Се знаменія истиннаго величія: побесѣдуемъ о нихъ вратко.

„Предвѣчное происхожденіе Иисуса Христа, титуло Сына Божія, существенное святости Его, есть вкупѣ титуло величія и превосходства. Не потому нареченъ велій, что считаетъ царей и патриарховъ между предками своими, и что августѣйшая кровь течетъ въ жилахъ Его. Велій, яко есть святы, и Сынъ Вышняго. Величество сіе имѣетъ начало свое въ Богѣ, изъ нѣдръ Коего исходитъ; и велія тайна судьбы Его, благовѣстующая нынѣ, почерпаетъ всю славу въ божественномъ рождествѣ Его.

„И въ насъ, слушатели, великое токмо то, что отъ Бога происходитъ. Пусть сильныя земли гордятся тѣмъ, что имѣютъ, подобно Иисусу Христу, князей и царей между предками: но ежели все преимущество ихъ состоитъ въ славѣ предковъ, и все величіе—въ одномъ имени; ежели титула суть единственные ихъ добродѣтели; ежели надобно восходить къ вѣкамъ прошедшимъ, чтобъ найти въ нихъ нѣчто, достойное нашего уваженія: то знаменитая порода унижаетъ токмо и безчеститъ ихъ, даже въ самомъ понятіи свѣта; имя ихъ непрестанно будутъ противопологать ихъ особѣ, память предковъ обратится въ посрамленіе потомковъ; бытописанія, въ которыхъ изобра-

жены великія дѣянія отцевъ и праотцевъ, суть непреложные свидѣтели, явно возстающіе на недостойныхъ преемниковъ рода... Всякой ищетъ въ наслѣдникѣ славы прародительской; взыскуетъ отъ имени его добродѣтелей, нѣкогда украшавшихъ отечество, и сія громада славы, имъ наслѣдусмая, есть не что иное, какъ тяжесть, которая гнететъ и подавляетъ.

„Со всѣмъ тѣмъ большая часть вельможъ выставляетъ на челѣ своемъ гордость породы. Обыкновенно считаютъ степени величія по вѣкамъ, которые уже не существуютъ,—по достоинствамъ, которыми не сами отличались,—по дѣяніямъ, которыя не имъ принадлежатъ,—по предкамъ, отъ коихъ остается токмо бранный прахъ,—по памятникамъ, которые время испровергло,—и мнятъ, что они выше прочихъ потому, что остается у нихъ болѣе домашнихъ доказательствъ быстротечности временъ, и что могутъ производить болѣе титлъ, нежели другіе, отъ суетности дѣлъ человѣческихъ!

„Конечно, высокая порода есть важное преимущество, съ которымъ, по общему всѣхъ согласію, искони соединяется право на отличія и уваженіе: но это одно преимущество, а не добродѣтель; это обязанность къ славѣ, а не награда ея; это домашній урокъ и благородное побужденіе къ великимъ дѣламъ; но не то, что дѣлаетъ великими; это наслѣдіе чести и достоинства, но оно исчезаетъ, какъ скоро наслѣдуетъ имя безъ добродѣтелей, содѣлавшихъ его славнымъ. Въ такомъ случаѣ мы начинаемъ съ себя, такъ сказать, новое племя. Имени нашему будетъ принадлежать благородство, а лицу—стыдъ и безчестіе.

„Итакъ, есть-ли въ понятіи самаго свѣта порода безъ добродѣтели—пустое титло, изобличающее насъ въ низкости духа, то что-же она предъ лицомъ Бога, поставляющаго въ насъ великимъ и существеннымъ токмо дары благодати Своя?

„Единое убо рожденіе по вѣрѣ составляетъ знаменитѣйшее изъ всѣхъ титло. Великій, кто, подобно Іисусу Христу, нарицайся сыномъ Божиимъ, хранитъ превосходство отрожденія своего въ Богѣ. Имъ-то возносится христіанинъ паче царей и князей земныхъ; чрезъ него входитъ въ права своего Испытателя; чрезъ него—все въ свѣтѣ наше, весь міръ нашъ; па-

тріархи и всѣ святые мужи прошедшихъ вѣковъ—предки наши; мы наслѣдники вѣчнаго царствія; predeterminedенные суди ангеловъ и челоуѣковъ; власти, яже узрять нѣкогда у ногъ своихъ царства и державы вѣка сего.

„Но не довольно, по словамъ св. Іоанна, имѣть одно имя; надлежитъ дѣйствительно быть таковыми. *Да чада Божія наречемся и будемъ* (1 Іоан. 3, 1). Есть-ли бы сыны царей вопреки священной породѣ, имѣли низкость духа, уподобиться жизнию простолюдинамъ; есть-ли бы они, потерявъ изъ виду престоль, на который со временемъ должны вознестися, стали пресмыкаться во прахѣ, и за удовольствіе вмѣняли образомъ мыслей и занятій своихъ подходить къ черни: то какое поруганіе имени ихъ! какой позоръ для царства, которое ожидало-бы таковыхъ монарховъ!

„Но стократъ виновнѣе чада Божія, когда унижаются до того что живутъ подобно сынамъ челоуѣческимъ! Благодать крещенія вознесла тебя, государь, выше славы твоего рода. По праву крови, ты сынъ царевъ, и самъ царь земли; по праву отрожденія благодатнаго, ты сынъ Божій, наслѣдникъ вѣчнаго царствія.

„Итакъ по всему, чего требуетъ царская порода, суди, государь, о важности божественнаго отрожденія. Есть-ли сыны царевы должны быть превыше прочихъ челоуѣковъ; есть-ли малѣйшая въ нихъ слабость показываетъ степень униженія, малѣйшій недостатокъ служить укоризною и пятномъ, помрачающимъ блескъ породы; ежели даже неодинаковость права вмѣняется имъ въ преступленіе; словомъ, ежели свѣтъ требуетъ отъ нихъ вдругъ, чтобы они были могущественнѣе, прозорливѣе, снисходительнѣе, нѣжнѣе, благороднѣе всѣхъ: то чего не востребуешь Богъ отъ сыновъ благодати? какой невинности! какой непорочности сердца! какого благородства въ мысляхъ! какого владычества надъ чувственностію! какого презрѣнія ко всему бренному и невѣчному! Сколь великимъ надобно быть тому, кто хочетъ сохранить превосходство толь высокаго происхожденія!

„Первое свойство величія Іисуса Христа есть величіе святости. *Сей будетъ велиій, и Сынъ Вышняго наречется*. Второе, величіе милосердія. *Той бо спасетъ люди своя*.

„Нисходитъ Иисусъ Христосъ на землю, да водворитъ въ человѣцѣхъ миръ и благоволеніе. Столько вѣковъ стонали мы подъ игомъ рабства и проклятія: Онъ приходитъ расторгнуть оковы плѣна и даровать свободу. Мы были врагами Бога, отчужденными Его обѣтованій: Онъ приходитъ примирить насъ съ Богомъ и содѣлать достойными чадами Новаго Завѣта. Мы жили въ мірѣ, не имущемъ закона, вѣры и Бога: Онъ приходитъ на землю, да будетъ нашимъ закономъ, нашею истиною, нашимъ спасеніемъ. Словомъ, пришествіе Иисуса Христа возобновляетъ всю природу, очищаетъ оскверненное, укрѣпляетъ немощное, спасаетъ погибшее, собираетъ расточенное.

„Въ томъ и заключается истинное величіе, чтобъ быть полезнымъ роду человѣческому. Цари и князи вѣка не могутъ назваться великими, развѣ устроая счастье подданныхъ, развѣ даруя имъ свободу, миръ и обиліе.

„Я сказалъ *свободу*—не ту, которая поблажаетъ страстямъ и своевольству; то новое иго и постыднѣйшее рабство: щить бо и огражденіе царствъ есть жизнь по вѣрѣ. Опять не ту свободу, которая или возстааетъ противъ законной власти, или старается раздѣлить единство оныя, или, подъ видомъ ограниченія, покушается уничтожить ее совсѣмъ. Блаженство народовъ заключается токмо въ покорности и благоустройствѣ. Какъ скоро уклоняются граждане отъ опредѣленной точки повиновенія, то и правительство теряетъ свою силу: всякій захочетъ быть самъ себѣ закономъ; крамолы, мятежи, коварства и ненаказанность зарождаются отъ независимости. Не можетъ государь править счастливо, развѣ держа подданныхъ во власти своей, и вкупѣ содѣлывая подчиненность любезною и пріятною!

„Свобода, на которую вышняя власть должна уступить право послѣднему изъ рабовъ, есть свобода законовъ. Государь! ты властитель живота и имущества нашего, но не можешь иначе располагать ими, какъ посредствомъ законовъ. Положимъ, что единъ токмо Богъ выше тебя; но законы должны имѣть болѣе власти, нежели ты самъ. Не надъ рабами поставленъ ты царемъ, но надъ свободнымъ и воинственнымъ народомъ; покорность наша тѣмъ благонадежнѣе, что основана на сердеч-

ной преданности и любви къ законнымъ государямъ. Они все могутъ надъ нами, поклику любовь сія не полагаетъ предѣловъ покорности; надобно же, чтобы и государь полагалъ самъ предѣлы власти своей. Неограниченная преданность не должна служить предлогомъ къ неограниченнымъ требованіямъ; въ противномъ случаѣ, государь не будетъ отецъ и покровитель своего народа, но первый врагъ и утѣснитель. Не царствуетъ онъ надъ подданными, но порабощаетъ ихъ.

„Изъ этого заключай, государь, что не самодержецъ, а законы должны управлять народомъ. Ты только первый служитель пользы общественной и главный блюститель цѣлости законовъ. Черезъ нихъ токмо и власть твою не будемъ почитать игомъ тягостнымъ, но паче правиломъ, которымъ надлежитъ руководствоваться; прибѣжищемъ, въ которомъ ищутъ покрова и заступленія; отеческою любовію, которая по мѣрѣ любви подданныхъ, увѣряется въ собственной безопасности. Мы свободны, какъ скоро управляютъ нами законы; и тогда, безгласное повиновеніе есть наше блаженство: ибо оно составляетъ наше спокойствіе и ограду. Страсти, несправедливыя предпріятія, необузданныя желанія, прихоти, соединяемыя съ правами высшей власти, не только не распространяютъ, но паче обезсиливаютъ ее. Думаешь быть спльнѣе, когда хочешь быть выше законовъ; но это несправедливо. Мняйся стояти, падаешь! Все, что ни дѣлаетъ власть неправедною и ненавистною, разрушаетъ ее. Источникъ могущества царей находится въ сердцѣ народа. Самовластители, которые ничего не знаютъ выше себя, всегда теряютъ права своей власти, какъ скоро лишаются любви подданныхъ.

„Я сказалъ еще: *миръ и обиліе*, сіи блага, принесенныя Иисусомъ Христомъ на землю. Велий нареченъ Сынъ Божій и потому, что благодѣтельствуетъ роду человѣческому.

„Такъ, государь! надобно содѣлаться полезнымъ для человѣковъ, чтобъ быть великимъ во мнѣніи человѣческомъ. Одна благодарность могла нѣкогда боготворить благодѣтелей. Люди поклонялись землѣ, которая питала ихъ; солнцу, которое освѣщало ихъ; добрымъ государямъ, на примѣръ: Юпитеру Критскому, Озириду Египетскому, которые подавали мудрые за-

коны, были отцами отечества, устроили счастье подданныхъ. Любовь и почтеніе, отъ признательности происшедшее, толь было живо, что обратилось въ богослуженіе.

„Надлежитъ возбудить въ народѣ сердечное участіе въ нашихъ дѣлахъ, когда хотимъ содѣлать славу ихъ бессмертною; а сего, безъ благотворенія, ожидать не можно. Таланты наши и преимущества, есть-ли токмо возвышаютъ насъ передъ другими, и не споспѣшествуютъ ихъ счастью, паче ослѣпляютъ чуждые взоры, нежели привлекаютъ. Знатность, сама собою, возбуждаетъ одну зависть, а не любовь и уваженіе. Въ похвалахъ народныхъ замѣчаютъ что-то самолюбивое; всегда тщеславіе, или польза личная бываетъ настоящимъ ихъ источникомъ; рѣдкіе любятъ втунѣ расточать похвалы, отъ которыхъ нельзя не чувствовать, что сами унижаютъ себя!.. Но благодарность побѣждаетъ и тщеславіе. Сама гордость охотно терпитъ, чтобы благотворный человѣкъ былъ вкупѣ начальникомъ

„Государь, имѣющій однѣ воинскія добродѣтели, никакъ не увѣренъ въ томъ, чтобы могъ сохранить имя великаго и въ потомствѣ: онъ трудился токмо для себя и ничего не сдѣлалъ для подчиненныхъ; а подпору и величіе государя составляетъ любовь подданныхъ! Можетъ онъ прослыть великимъ завоевателемъ, но никогда—великимъ государемъ. Выиграетъ много сраженій, но не пріобрѣтетъ сердець: покорить грады иноплеменныхъ, но истощитъ свои: словомъ, искуснымъ будетъ военачальникомъ и худымъ народоправителемъ.

„Но государь, поставляющій славу въ благополучіи подданныхъ, предпочитающій миръ и тишину, яко единственный источникъ всеобщаго благоденствія, громкимъ побѣдамъ, которыя служатъ его токмо видамъ; государь, поставляющій драгоценнѣйшее сокровище въ пріобрѣтеніи сердець, мудростію законовъ и примѣрами собственными изгоняющій своеволие и безчиніе изъ своихъ владѣній; государь, который силенъ исправить злоупотребленія, сохранить цѣломудріе нравовъ народныхъ, содержать каждаго изъ подчиненныхъ на мѣстѣ, ему приличномъ, ограничить роскошь, всегда пагубнѣйшую для государства, нежели брань и другія напасти; воздать вѣрѣ праотцевъ своихъ силу, славу, величество и единообразіе, под-

держатъ въ народѣ благоговѣніе къ оной; подданныхъ почитать дѣтьми, и власть самодержавія обращать въ пользу ввѣрившихъ ему оную: таковой государь всегда останется великимъ и любезнымъ по добродѣтелямъ своимъ, а не по сану. Отцы будутъ повѣствовать дѣтямъ о благополучіи, которымъ наслаждались при толь добромъ государѣ: дѣти будутъ повторять сіе правнукамъ, и въ каждомъ семействѣ память о немъ, соблюдаемая изъ рода въ родъ, содѣлается какъ-бы домашнимъ монументомъ, поставленнымъ внутрь отеческихъ стѣнъ, въ вѣчную славу любимаго государя.

„Такъ! не золотые кумиры, не пышныя надписи даютъ право на безсмертіе. Рано, или поздно, время сокрушитъ ихъ, яко дѣло рукъ человѣческихъ. Тщетно Римъ и Греція размножали древле, въ безчисленныхъ лицеизображеніяхъ, своихъ государей и кесарей; тщетно истощали чудесную силу искусства на то, чтобы содѣлать ихъ драгоцѣнными для грядущихъ племенъ. Изъ всѣхъ гордыхъ памятниковъ древности едва-ли одинъ дошелъ до насъ. Что пишется на мраморѣ и мѣди, скоро и легко изглаживается: но что пишется на сердцахъ, пребываетъ во вѣки.

„Послѣдняя печать величія Иисуса Христа есть нескончаемость славы Его: *и царствію Его не будетъ конца*. Иисусъ Христосъ вчера и днесъ той-же и во вѣки. Благотворенія продлятъ Его царство и силу; во всѣ времена люди будутъ признавать Его своимъ Избавителемъ, Архіереемъ присно живымъ, и ходатайствующимъ о людехъ предъ Отцемъ небеснымъ. Онъ будетъ Царь самой вѣчности; торжествующая Церковь на небеси такъ-же содѣлается Его царствіемъ и достояніемъ, какъ и воинствующая на земли. — Се, величіе вѣчности!

„И, конечно, суетна слава, долженствующая окончиться вмѣстѣ съ нами: таковую славу даютъ больше титламъ, а не добродѣтелямъ нашимъ. Это ложный блескъ, окружающій наше мѣстопробываніе, но не исходящій отъ насъ. Лыстецы превозносятъ заслуги наши до небесъ; а совѣсть ни единой похвалы не оправдываетъ! Слава мірская не что иное, какъ обманъ, или слѣдствіе заблужденія людей: почему и не уди-

вительно, ежели она, вмѣстѣ съ нами, скончается. Еще курится оиміамъ народной хвалы надъ прахомъ умершаго Владыки; но пройдетъ одинъ день, и все исчезло! Тотъ, кто рачалъ похвалы усопшему, самъ послѣ стыдится оныхъ; языкъ лести обращается въ какое-то неупотребительное, грубое для слуха нарѣчіе, которымъ за низкость почитаютъ говорить. Повидимому, стыдятся незаслуженныхъ похвалъ и самые памятники, на которыхъ онѣ существуютъ какъ-бы для того, чтобы торжественно напоминать потомству о суетности ихъ. Никакое убо ласкательство не переживаетъ своихъ героевъ: наемные пѣснопѣвцы во славу государей увѣковѣчиваютъ, но свою подлость и корыстолюбіе.

„Истиннаго величія царямъ надобно искать въ вѣкахъ послѣдующихъ; чѣмъ болѣе времена отдаляются, тѣмъ паче слава ихъ растетъ и укрѣпляется, есть-ли токмо источникъ ея въ любви народной. Суетны и лживы похвалы, данныя государямъ при жизни, когда не повторяются онѣ по смерти ихъ. Здѣсь-то потомство, всегда справедливое въ сужденіяхъ, или низводитъ царей отъ славы, которою они обязаны были могуществу и сану своему; или сберегаетъ для нихъ то отличіе, которое пріобрѣли не властію, а добродѣтелію. Надобно, чтобы жизнь государя великаго могла служить правиломъ и для преемниковъ престола, и чтобы его царствованіе обратилось въ примѣръ для послѣдующихъ.

„Не одніѣ побѣды царя Давида поставили его образцемъ для царей, преемниковъ его, — и Саулъ такъ-же одерживалъ побѣды надъ Филистимлянами и Амаликами, — по страхъ Господень, любовь къ подданнымъ, ревность къ закону и вѣрѣ отцевъ, смиреніе предъ Богомъ въ скорбѣхъ, умѣренность во счастіи и благоденствіи, почтеніе къ пророкамъ, приходившимъ къ нему отъ имени Вышняго, наставлятъ его въ обязанностяхъ царя, и обращать очи его на собственныя слабости; торжественныя слезы покаянія, ими-же окропляютъ престолъ свой; богатство, уготованное имъ на созданіе храма Господня; довѣренность къ первосвященнику и служителямъ алтаря; тщаніе внушить сыну своему Соломону правила добродѣтели и мудрости; словомъ, благоустройство и правосудіе законовъ,

изданныхъ въ пользу народа,— вотъ что дѣлало Давида примѣромъ, достойнымъ подражанія.

„Равно и ты, государь, не побѣды надъ врагами торжествуя, содѣлаешься великъ и препрославленъ: но любовію къ подданнымъ, благочестіемъ, ревностію въ вѣрѣ отцевъ твоихъ, радѣніемъ о благѣ общественномъ.

„О государь, Богомъ избранный! люби народъ свой; и сіи самыя слова, толь часто влагаемыя во ушеса твоя, выну да обрящутъ свободный доступъ къ твоему сердцу. Буди человеколюбивъ, кротокъ и снисходителенъ: состражди нашимъ бѣдствіямъ, входи въ нужды общественныя, и будешь государемъ великимъ; и вѣкъ царствованія твоего уравнился вѣкамъ славы монархіи. Тамъ, гдѣ люди почти рождаются добрыми подданными, надобно, чтобы и государь былъ добрымъ государемъ!

„Другаго рода славы нѣтъ для сильныхъ земли. Величіе сана ихъ заключается въ любви народной, которая едина продолжаетъ изъ вѣка въ вѣкъ память добрыхъ царей. Коль славно и по смерти царствовать надъ преданными сердцами! быть увѣреннымъ при жизни, что во всѣ грядущія времена или будутъ сѣтовать народы, что не жили въ ихъ царствованіе; или радоваться о томъ, что нынѣ живутъ при царѣ добромъ, который во всемъ подобенъ благочестивымъ предшественникамъ! Коль почтенно заставить говорить о себѣ и въ потомствѣ, яко-же царица Савская рекла нѣкогда о Соломонѣ: блаженны тѣ, которые зрѣли его и жили подъ мирною сѣнію законовъ его! блаженъ вѣкъ, явившій землѣ толь мудраго и благаго самодержца! блаженны грады и веси, обильные миромъ, веселіемъ и незлобіемъ счастливейшихъ патриархальныхъ временъ!

„Великій Боже! Ты единъ даеши благихъ царей людямъ Твоимъ, и сей есть величайшій изъ даровъ Твоихъ на землѣ. Еще содержиши въ руцѣ Твоей августѣйшее отроча сіе, Тобою оправданное царствовать надъ нами. Еще не изшелъ онъ изъ-подъ руки, образующей юность его, и приводящей въ совершенство. Господи Боже! еще есть время: настави его и научи творити счастье народовъ, для которыхъ блюдеши его, и да не отягчитъ Твоея благи моленіе наше, толикократно

здѣсь возобновляемое; сопряжено бо есть со спасеніемъ людей Твоихъ, выну покоящихся подъ кровомъ милосердія Твоего.

„Токмо при благихъ царяхъ и Твое, о Боже! царство утверждается; вѣра надъ заблужденіями торжествуетъ; гнусное невѣріе изгоняется, или принуждено таять свое безобразіе; строптивые умы познаютъ, что покорность и единомысліе могутъ доставить имъ безопасное прибѣжище и покровъ; служители алтаря святаго, мирные въ прехожденіи званія своего, и бодрственно пекущіеся о цѣлости ввѣренной имъ паствы, съ удовольствіемъ зрятъ согласіе царственной власти съ правами священства, и всѣ сердца, уже совокупленныя у подножія престола, приносятъ той-же союзъ и согласіе къ подножію алтаря.

„Умножи, Господи Боже, въ юномъ монархѣ нашемъ сіи благословенные дары, каковыхъ чають народы отъ благихъ токмо царей. Не просимъ, да ополчиши руку его на враги, и побѣдитъ языки иноплеменные: молимъ, да будетъ отцемъ своего народа. Сей есть нашъ второй Моисей, Тобою спасенный отъ смерти: да будетъ, подобно первому Моисею, избавителемъ и спасителемъ новаго Израиля. Аминь“ ¹⁾.

Послушасемъ теперь слово русскаго Массильона—Филарета на тотъ-же день.

И. Юрсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Стр. 113.—133 избранныхъ словъ Массильона, ч. I цит. изд.

ЖИВОЕ СЛОВО.

(Продолженіе).

III.

Затрудненія, встрѣчаемыя при первыхъ опытахъ импровизаціи.—Средства узнать въ себѣ способность къ импровизаціи.—Разборъ нѣкоторыхъ мнѣній относительно пріобрѣтенія навыка къ импровизаціямъ.

Прошло болѣе года со времени напечатанія послѣдней статьи нашей о „живомъ словѣ“, или ораторскомъ искусствѣ импровизаціи *), и доселѣ мы не давали обѣщаннаго продолженія. Просимъ извиненія у читателей въ этомъ замедленіи, если они были сколько-нибудь заинтересованы нашимъ предметомъ. Были двѣ причины нашего замедленія. Во-первыхъ, недосуги, а главное—выжиданіе, не скажетъ-ли кто-нибудь изъ трудящихся на этомъ поприщѣ, въ печати, съ своей стороны, на наши мысли какого-нибудь указанія, замѣчанія, пополненія и проч. Какъ хотите, а и скучно, и робко одному человѣку говорить о такой важной отрасли ораторскаго искусства, у насъ почти совершенно новой. Появлялись въ нѣкоторыхъ изданіяхъ указанія на трудъ нашъ, и даже поощрительныя; но былъ одинъ только отзывъ въ № 36 „Руководства для сельскихъ наставителей“ за 1884 г., съ нѣкоторыми указаніями на способы пріученія себя къ импровизаціямъ (о которыхъ мы скажемъ наше мнѣніе въ своемъ мѣстѣ), но намъ казалось этого мало. Но какъ-бы то ни было, мы обязаны сдержать данное нами слово,—изложить наши личные опыты и

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 8.

наблюденія относительно искусства импровизаціи *). Мы признаемъ это дѣломъ совѣсти не только въ смыслѣ исполненія даннаго слова, но и по гораздо высшему побужденію,—именно предложить на общую пользу то, что Господь привелъ намъ испытать, или приобрѣсть, или замѣтить въ теченіи нашей жизни по этой отрасли краснорѣчія съ главною цѣлію—оказать посильное содѣйствіе къ развитію склонности и навыка къ импровизаціямъ въ нашихъ сослужителяхъ и хотя на одну линію подвинуть впередъ этотъ родъ слова, обѣщающій нашей Церкви и особенно простому нашему народу неисчислимыя благіе плоды.

Но здѣсь мѣстоимѣніе *мы*, служащее для писателя покровомъ скромности, мы должны замѣнить открытымъ выраженіемъ *я*. Нельзя сообщать исключительно свои *личные* опыты и наблюденія, не выдавши себя *лицемъ*. По тону моей рѣчи читатели увидятъ, что въ этомъ случаѣ мною руководитъ не тщеславіе, а потребность для дѣла. Да и поздно мнѣ дѣйствовать изъ какихъ-либо стороннихъ видовъ и расчетовъ; я оканчиваю мое земное поприще и служеніе Церкви, и только не желаю унести съ собою въ могилу то, чѣмъ, какъ опытомъ жизни, могу подѣлиться съ своими сослужителями и особенно съ молодыми и начинающими, на которыхъ мы возлагаемъ всѣ наши надежды въ дѣлѣ охраненія православной вѣры и христіанскаго просвѣщенія нашего народа въ наше трудное время.

Тридцать лѣтъ (худо-ли, хорошо-ли, не мнѣ судить) я упражнялся въ устной проповѣди. Много было ошибокъ, много напрасно потрачено было труда, много прошло лѣтъ въ дѣятельности, такъ сказать, не вполне сознательной, не руководимой какими-либо законами и правилами, почти инстинктивной. Да и гдѣ было взять эти законы и правила? Во время служенія моего священникомъ въ Москвѣ у меня былъ передъ глазами примѣръ моего сосѣда по приходу Вознесенскаго, у Серпуховскихъ воротъ, протоіерея С. Г. Терновскаго,—примѣръ завидный для молодаго священника; но я и не помышлялъ о возможности подражанія. Вы-

*) „Вѣра и Разумъ“ 1884 г., № 7, стр. 567.

ступилъ я на поприще импровизаціи, какъ говорится, совершенно случайно, т. е. неожиданно, но, конечно, не безъ всеблагаго указанія Промысла Божія, особенно въ такомъ важномъ дѣлѣ. Расскажу это съ особеннымъ удовольствіемъ, такъ какъ въ этомъ имѣю случай изъяснить благодарность памяти моего благодѣтеля, давно уже усопшаго, который подвинулъ меня на это дѣло.

Въ Москвѣ еще свѣжа память объ умномъ и весьма замѣчательномъ по характеру и дѣятельности баринѣ прежняго типа Ѳедорѣ Васильевичѣ Самаринѣ, отцѣ пзвѣстнаго Юрія Ѳедоровича. Съ самаго начала моего священническаго служенія въ 1849 году я имѣлъ честь (дѣйствительную честь) по семейнымъ моимъ обстоятельствамъ сдѣлаться ему пзвѣстнымъ. Въ то время здоровье Ѳедора Васильевича уже слабѣло, онъ духовно располагался уже къ приготовленію себя на путь къ вѣчной жизни и пригласилъ меня къ себѣ для чтенія книгъ и собесѣдованія по одному и по два раза въ недѣлю. Такъ тщательно онъ заботился объ очищеніи своей совѣсти, такъ внимательно въ чувствѣ покаянія останавливался на каждомъ шагѣ своей прошедшей жизни, такъ старался щедрою благотворительно тію (и между прочимъ чрезъ мои руки) покрыть сознаваемые имъ грѣхи, что представлялъ для меня поучительный примѣръ живой вѣры и твердаго христіанскаго характера. При частыхъ сношеніяхъ велась между нами продолжительная и разнообразная бесѣда. Однажды я пріѣхалъ къ нему на другой день большаго праздника и какъ-то по ходу рѣчи сталъ ему жаловаться на безпорядочность нашего простаго народа при исполненіи обрядовъ, и особенно за всенощными бдѣніями при поклоненіи свв. иконамъ и помазаніи св. елеемъ. И вотъ, къ какому разговору между нами подало поводъ это мое замѣчаніе:

— Что-же вы народъ не останавливаете? говоритъ Ѳедоръ Васильевичъ.

— Да какъ мы его остановимъ,—отвѣчаю я,—когда и полиція часто не знаетъ, что съ нимъ дѣлать?

— Вы обязаны говорить народу и учить его, когда замѣчаете въ храмѣ безпорядки; кто-же и долженъ это дѣлать, если не вы?

— Такъ, но мы можемъ говорить это въ проповѣдяхъ только по праздникамъ; одни изъ народа придуть въ церковь и услышатъ наше слово, а другіе нѣтъ; да и тѣ, которые слышатъ, скоро забываютъ, или не считаютъ себя обязанными исполнять слышанное.

— Говорите чаще, говорите всякій разъ и въ ту самую минуту, когда замѣчаете беспорядокъ, обличайте на мѣстѣ нарушителей порядка,—тогда всѣ будутъ васъ слышать и привыкнуть слушаться!

— Ну, къ этому мы не привыкли,—говорю я; не водится у насъ и не умѣемъ мы говорить сейчасъ, въ данную минуту, по требованію обстоятельствъ.

— Какъ вамъ не стыдно говорить это,—отвѣчаетъ, возвышая голосъ, вспыльчивый Федоръ Васильевичъ:—вы говорите со мной по цѣлымъ часамъ, говорите свободно о самыхъ разнообразныхъ предметахъ и не можете сказать нѣсколько словъ вашимъ прихожанамъ, когда это крайне нужно!—Вы, особенно вы,—непремѣнно должны это дѣлать! Не умѣете,—учитесь, привыкайте!

Крѣпко задумался я, возвращаясь домой отъ почтеннаго старца. Вотъ какъ, думаю, умные люди,—сторонніе, понимаютъ наши обязанности, и какіе прекрасные даютъ намъ совѣты! Что же мы? Да, „стыдно намъ!“ У меня была умная семья, были въ ней родственники, получившіе высшее образованіе; я сообщилъ имъ мысль Самарина; всѣ единодушно ее одобрили. Я рѣшился въ слѣдующее же воскресенье произнести не писанное слово. Обстоятельства благопріятствовали: у насъ строилась трапезная церковь, богослуженіе совершалось въ небольшой холодной церкви, и была по праздникамъ одна ранняя литургія, къ которой собрался почти одинъ простой народъ. Слушатели, думаю, будутъ у меня простые; если и замнусь и ошибусь въ чемъ-нибудь, не взыщутъ. Приготовился я, обдумалъ проповѣдь; предмета избраннаго тогда мною теперь не помню. Началъ служить литургію въ озабоченномъ состояніи духа. По той мѣрѣ, какъ приближалось время проповѣди, я сталъ чувствовать возрастающее безпокой-

ство, и когда надо было отверзать царскія врата послѣ приобщенія, и мнѣ слѣдовало приказать поставить аналогій, мною овладѣлъ такой страхъ, что я едва прочиталъ заамвонную молитву, чуть не лихорадка приняла меня,—и я для проповѣди не вышелъ... Прихожу домой,—спрашиваютъ: „что съ вами? почему вы не говорили слова?“ — „Оробѣлъ“ — отвѣчаю я. — „Чего? почему?“ — „И самъ не знаю“.—И горько, и стыдно было мнѣ моего малодушія, но тѣмъ не менѣе преодолѣть страхъ на этотъ разъ было выше силъ моихъ. Всѣ дни недѣли до слѣдующаго воскресенья я былъ въ грустномъ настроеніи духа, съ Самаринимъ разговора объ этомъ не возобновлялъ, опасаясь справедливаго отъ него замѣчанія и пристыженія. На канунъ слѣдующаго воскресенья я рѣшился повторить опытъ. Далъ своимъ домашнимъ, которые такъ-же сочувствовали моей заботѣ, честное слово, что упаду у аналогія, но выйду. Это была недѣля предъ началомъ постной тріоды и предстояло чтеніе Евангелія о Закхее. Размышляя о содержаніи предстоящаго Евангелія, думаю про себя: вѣдь смогу же я рассказать, какъ малорослый Закхей влѣзъ на дерево, чтобы видѣть Іисуса Христа, какъ увидѣлъ его и обратился къ нему Господь, какъ былъ въ его домѣ и что говорилъ и прочее. Вѣдь маленькія дѣти это рассказываютъ. Въ крайнемъ случаѣ смущенія, запутанности въ словахъ, опасности замолчать, скажу „аминь“ и сдѣлаю видъ, что почувствовалъ нездоровье. Пришедши къ Богослуженію, чтобы обязать себя, я заранѣе распорядился, чтобы былъ поставленъ аналогій, сказалъ, что будетъ проповѣдь; а про себя повторилъ: „упаду, но выйду!“ Вышелъ, перекрестился, и какъ только сказалъ первыя слова о Закхее,—страхъ исчезъ совершенно, я почувствовалъ какую-то радость, что побѣдилъ, по видимому, непобѣдимое пренятствіе,—говорилъ совершенно спокойно и развязно,—вывелъ изъ событія приличное назиданіе; однимъ словомъ, сказалъ проповѣдь во всей формѣ. Пришелъ я домой совершенно счастливый, родные меня поздравляютъ съ успѣхомъ, у нѣкоторыхъ на глазахъ выступили слезы,—и съ тѣхъ поръ день праведнаго Закхея я встрѣчаю, какъ великій празд-

ниѣ и, кажется, во всѣ тридцать лѣтъ не оставлялъ этого дня безъ проповѣди.

Не знаю, случалось-ли съ другими при первыхъ опытахъ устной проповѣди что-либо подобное тому, что было со мною. Можетъ быть другіе были тверже духомъ, смѣлѣе и счастливѣе меня въ этомъ отношеніи, но я увѣренъ, что многихъ и очень многихъ людей способныхъ останавливаетъ отъ импровизацій эта трудность перваго опыта, трудность перейти этотъ Рубиконъ страха и смущенія при мысли стать на кафедре на виду многочисленныхъ слушателей, выдержать пристально устремленные на васъ глаза, трудность сохранить хладнокровіе, не растерять приготовленныхъ мыслей, найти имъ приличныя выраженія и т. п. Для того я и рассказываю, что было со мною со всею искренностію, чтобы опытомъ доказать, что въ этомъ страхѣ—главная опасности представляетъ воображеніе, что въ существѣ вы окажетесь на кафедрѣ тѣмъ же способнымъ говорить человѣкомъ, какъ въ классѣ на профессорской кафедрѣ, какъ въ многолюдномъ собраніи гостей и въ другихъ случаяхъ частной жизни. Въ послѣдствіи это чувство страха и нерѣшительности, при первомъ выходѣ на кафедру для импровизаціи, мнѣ представлялось похожимъ на состояніе человѣка, собирающагося купаться въ холодной водѣ: то рукою попробуетъ онъ воду, то ногу въ ней опуститъ,—холодно, страшно,—и до тѣхъ поръ, пока онъ не бросится съ размаха въ воду, онъ не испытываетъ удовольствія отъ купанья въ холодной водѣ. Надо только проповѣднику ученія Христова отбросить въ сторону самолюбіе, желаніе отличатся, но задаться мыслию исполнить обязанность проповѣдывать Слово Божіе, употребить въ дѣло данный Богомъ талантъ и послужить Церкви Божіей съ усердіемъ. При этомъ не страшны будутъ и первыя неудачи, пріятное чувство исполненнаго долга вознаградитъ за трудъ борьбы съ самимъ собою, а навмѣь обратитъ этотъ родъ проповѣди въ истинное наслажденіе.

Здѣсь, однакожь, слѣдуетъ замѣтить, что есть люди, у которыхъ много храбрости и смѣлости, при недостаткѣ таланта, а

импровизаціи непременно его требуютъ. И замѣчательно, что всю трудность импровизаціи понимаютъ люди наиболѣе даровитые, а съ необычайною смѣлостію рѣшаются на нихъ люди малоспособные и часто такіе, которымъ безъ грѣха слѣдовало бы запретить ихъ. Отъ чего это происходитъ? Главнымъ образомъ отъ того, что бездарные всегда обладаютъ большею самоувѣренностію. Если они говорятъ много и проворно, они легко поддаются искушенію быть импровизаторами на соблазнѣ въ храмахъ. Непослѣдовательность и запутанность въ мысляхъ, неточность выраженій, недостатокъ вкуса и чувства приличія въ выборѣ словъ дѣлаетъ этихъ импровизаторовъ людьми опасными въ дѣлѣ служенія Церкви. Поэтому нужно по отношенію къ нимъ особенное наблюденіе церковной власти. Можетъ быть, это замѣчаніе будетъ для кого-нибудь и обидно, но въ дѣлѣ такой важности, какъ церковная проповѣдь, не должно быть мѣста никакимъ стороннимъ побужденіямъ, особенно относительно пощады человѣческаго самолюбія.

Какъ же однако убѣдиться каждому лично относительно себя, способенъ - ли я къ импровизаціи, и не заблуждаюсь-ли относительно самого себя? Во-первыхъ, надо имѣть предшествовавшіе опыты устной рѣчи, свободной, ясной, приличной, какъ говорилъ Самаринъ „по цѣлымъ часамъ о самыхъ разнообразныхъ предметахъ“ въ частныхъ бесѣдахъ, на урокахъ по Закону Божию и т. под. Во-вторыхъ, надобно замѣчать за собою, есть-ли у меня быстрота соображенія и находчивость, которая обыкновенно обнаруживаются при возраженіяхъ и внезапныхъ вопросахъ, и чловѣка, не обладающаго живымъ умомъ, могутъ ставить, какъ говорится, въ тупикъ. Это не потому нужно, чтобы при устной проповѣди слушатели дѣлали намъ возраженія, а потому, что при импровизаціи самъ ораторъ неожиданно можетъ войти въ такую связь и соотношеніе мыслей, гдѣ для него потребуется особаго рода ловкость, чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія. Это качество необходимо и при выборѣ выраженій, когда для развиваемой мысли не встрѣчается сразу приличнаго слова, или подвертываются выраженія слишкомъ обыденныя, вульгарныя,

несоотвѣтствующія достоинству церковной кафедры. Въ третьихъ,— и это едва-ли не самое важное,—импровизаторъ не долженъ въ сужденіи о достоинствѣ своихъ рѣчей полагаться на собственное о себѣ мнѣніе, а слѣдить за мнѣніемъ другихъ. Для этого полезно имѣть между слушателями, особенно въ первое время, преданныхъ людей, которые бы безъ жалости указывали вамъ ваши промахи и недостатки, и потомъ внимательно слѣдить за выраженіемъ лицъ слушателей и за ихъ сужденіями о произносимыхъ вами поученіяхъ, которыя всегда можно узнать разными косвенными путями. Самоувѣренность и упрямство импровизатора, не обращающаго вниманія на замѣчанія и разумные совѣты другихъ,—это вѣрный способъ усвоить дурную манеру рѣчи, или никогда не освободиться отъ своихъ недостатковъ. Кто хочетъ преуспѣянія въ какомъ бы то ни было серьезномъ дѣлѣ, тотъ не долженъ шадить своего самолюбія; а въ дѣлахъ трудныхъ, къ которымъ относится и импровизація, долго надобно учиться.

Здѣсь предстоитъ вопросъ: какъ же учиться? Въ указанномъ мною выше № 36 „Руководства для сельскихъ пастырей“ предлагаются (необъявившимъ своего полного имени авторомъ) по этому предмету практическіе совѣты. Совѣтъ практическій—дѣло великое: онъ можетъ того, кому предлагается, во благо его поставить на прямой путь, но можетъ и сбить съ этого пути. Разберемъ эти совѣты безпристрастно. Послѣ общихъ разсужденій о важности импровизацій въ дѣлѣ церковной проповѣди, авторъ говоритъ: „трудно, конечно, *сдѣлаться настоящимъ ораторомъ*,— для этого нужно прежде всего родиться съ соответствующими задатками на него. Тѣмъ не менѣе *пріобрѣсти навыкъ* къ импровизаціонной хорошей рѣчи дѣло далеко не невозможное: стоитъ только хотя немного систематически поработать надъ собою въ этомъ направленіи“. Это совершенно справедливо, только слова: „стоитъ только *немного* поработать надъ собою“ надобно замѣнить другими: „только надо *много* работать надъ собою“. За этимъ сказавши мнѣ комплиментъ, за который покорнѣйше благодарю, авторъ продолжаетъ: „правила и законы импровизаціи

преосвященный Амвросій обѣщаетъ вывести на основаніи наблюденій и опыта. Но такъ какъ эта статья пока еще не доведена до конца, то скажемъ здѣсь и отъ себя два три слова, какимъ путемъ всего естественнѣе по нашему мнѣнію идти въ дѣлѣ приученія себя къ импровизаціи“.

Этотъ *самый естественный* путь въ дѣлѣ приученія себя къ импровизаціи, или восхожденія въ этомъ дѣлѣ къ достаточному совершенству, авторъ раздѣляетъ на *три ступени*. Приведемъ подлинныя его слова, потому что трудно вкратцѣ передать признаки, составляющіе, по мнѣнію автора, особенности, или существенныя принадлежности каждой указанной имъ ступени.

„На первой ступени, говорятъ онъ, всего лучше, и кажется всего цѣлесообразнѣе въ этомъ отношеніи выходить на кафедру не иначе, какъ предварительно основательно разучивши наизусть заранѣе составленную—свою-ли то, или чужую печатную проповѣдь во всемъ ея составѣ. Такое предварительное разучиваніе и заучиваніе готовой проповѣди даетъ возможность проповѣднику отнестись къ ней гораздо съ большею сознательностію, приучить его къ свободному собесѣдованію безъ помощи тетради или книги и въ тоже время поставить его въ несравненно болѣе близкое и живое отношеніе къ слушателямъ, такъ какъ ничто уже не будетъ мѣшать ему смотрѣть на слушателей во все стороны, вліять на нихъ одушевленіемъ своего лица и глазъ, слѣдить за силою впечатлѣнія имъ производимаго, усиливать и ослаблять на извѣстныхъ мѣстахъ голосъ и вообще болѣе разнообразно видоизмѣнять, смотря по надобности, дивцію. На этой-же ступени должно съ теченіемъ времени стараться выраженія и цѣля фразы, даже въ послѣдствіи отаѣлы подлинника замѣнять подходящими своими, сформировавшимися уже въ самый моментъ произношенія проповѣди“.

Если взять во вниманіе нашъ общій обычай читать проповѣди по тетрадкѣ, то эта указанная г. Б. ступень есть дѣйствительно нѣкоторый подъемъ еверху, т. е. къ болѣе приличному и цѣлесообразному произнесенію написанной проповѣди, — собственной, или даже чужой. Но собственно импровизаціи съ этой ступени

мы и издали не увидимъ. Авторъ, разбирая мои статьи, совсѣмъ не обратилъ вниманіе на то, съ какою заботливостію я старался отличить произнесеніе наизусть составленной заранѣе проповѣди отъ импровизаціи въ собственномъ смыслѣ. И я указалъ на большое преимущество этого способа произнесенія проповѣдей предъ чтеніемъ по тетрадкѣ, относительно вліянія на слушателей обращеніемъ лица во все стороны, выраженіемъ глазъ, голоса и пр.; но мнѣ казалось, что я объяснилъ достаточно и то, что въ сущности это все-таки не болѣе, какъ заученный урокъ *). Произнести его твердо, отчетливо, живо—это достоинство,—но слушателю замѣтно будетъ (какъ я говорилъ) по связности, гладкости, послѣдовательности читаемаго наизусть слова, что оно заранѣе написано, что въ немъ нѣтъ живаго примѣненія къ данной минутѣ, роду слушателей, случайнымъ обстоятельствамъ, что проповѣдникъ бесѣдовалъ сначала изъ кабинета. Развѣ это не правда? Если нѣтъ, то авторъ сначала доказалъ-бы мнѣ это, а не выставилъ-бы за ступень импровизаціи то, что относится къ передачѣ заранѣе приготовленнаго сочиненія, т. е. совершенно къ иной области краснорѣчія, къ иному роду дѣятельности духа, имѣющему свои особенности и свой отличительный характеръ. Что человекъ, привыкшій наизусть произносить заученныя проповѣди, съ каждымъ разомъ становится смѣлѣе и развязнѣе—это вѣрно, но также вѣрно и то, что для него будетъ совершенно новое положеніе, явятся новыя ощущенія, потребуется иная работа ума, когда выйдетъ на кафедру безъ готевой рѣчи съ однимъ намѣченнымъ ея содержаніемъ и долженъ будетъ *создавать ее сейчасъ на мѣстѣ*. Повѣрьте,—ему также нужно будетъ въ дѣлѣ импровизаціи начинать сначала и выдержать весь тотъ искукъ, который выдерживаетъ и проповѣдникъ, никогда не говорившій наизусть своихъ писанныхъ проповѣдей и рѣшившійся пріучаться прямо къ импровизаціямъ. Напрасно авторъ предлагаетъ оратору, заучившему свою проповѣдь, въ видѣ перехода импровизаціи на этой ступени, „съ теченіемъ времени стараться вы-

*) „Вѣра и Разумъ“ 1884, № 7, стр. 561.

раженія и цѣлыя фразы, даже въ послѣдствіи отдѣлы подлиннива, замѣнять подходящими своими, уже въ самый моментъ произношенія проповѣди“. Этотъ совѣтъ неисполнимъ, потому что противорѣчить, такъ сказать, самой натурѣ писанной проповѣди и импровизаціи. Сспособный ученикъ найдетъся въ урокъ, произносимомъ наизусть, замѣнять слова учебника своими, тоже можетъ сдѣлать и ораторъ съ своей заученной проповѣдью, но это должно выходить само собою, а стараться объ этомъ нельзя. Произносящій свой урокъ съ кафедръ, или на экзаменѣ, непременно долженъ видѣть передъ собою и не опустить изъ вниманія содержанія, или мыслей имъ передаваемыхъ. Слова замѣняются одни другими *на ходу*, но разбѣреть ихъ намѣренно и замѣнять одни другими тутъ некогда. И при изложеніи мыслей на бумагѣ не тотчасъ попадаетъ на умъ слово, когда хотимъ замѣнить одно другимъ, а при произнесеніи рѣчи публично, когда вся забота направлена къ тому, чтобы ничего изъ заученнаго не забыть, не пропустить и все пересказать какъ должно, да еще съ желаніемъ произвести усиленіе впечатлѣніе на слушателей, — это вѣрный способъ запутаться и растеряться. Профессоръ на лекціи, знающій свой предметъ обстоятельно и идущій по набитой дорогѣ, да притомъ сидящій въ аудиторіи какъ дома, можетъ дѣйствительно остановиться въ произнесеніи лекціи, какой-нибудь отдѣлъ пополнить особымъ замѣчаніемъ, поясненіемъ, привести цитаты, потомъ возвратиться къ приготовленной лекціи и даже употребить извѣстный оборотъ: „мы говорили о томъ-то“. Но въ церковной проповѣди на кафедрѣ это невозможно. Каждое слово церковное, хотя-бы даже составляло часть длиннаго ряда задуманныхъ по плану проповѣдей, — есть (какъ вѣроятно со мною согласятся преподаватели гомилетикъ) особое цѣлое, требующее отдѣльной основной мысли, достаточной полноты, ясности и законченности; слѣдовательно, для оратора оно не то, что лекція объ извѣстномъ и перепзвѣстномъ предметѣ, а въ немъ всегда есть нѣчто новое, требующее новаго труда и обработки. Если оно заучено и произносится наизусть, — переры-

вать его нельзя съ тѣмъ, чтобы вставить въ видѣ упражненія въ него новыя импровизированныя мысли на кафедрѣ; ихъ надобно вновь изобрѣтать, создавать, что и самому опытному оратору не подь-сяду. Если написанное слово не полно, зачѣмъ-же оно не полно? Если полно, что-же еще въ немъ можно добавить? Все будетъ лишнее. Притомъ, импровизація—это полетъ; она такъ отнесетъ проповѣдника въ сторону, что онъ не будетъ знать, какъ возвратиться къ прерванной рѣчи и какъ связать новыя явившіяся предъ нимъ мысли съ тѣми, которыя онъ оставилъ на колнуги въ заученной рѣчи. Да, наконецъ, проповѣдникъ, въ заботѣ произнести отчетливо готовое слово, не найдетъ въ себѣ этой свободы, этой силы творчества, которой требуетъ природа импровизаціи. Она должна быть начинаема и оканчиваема, именно какъ импровизація, какъ родъ слова самостоятельный, свободный и своеобразный, не смѣшиваемый ни съ какимъ другимъ родомъ слова.

Если читатель со мною согласенъ, то его рѣшительно удивитъ *вторая ступень*, называемая авторомъ *смѣшанною импровизаціею*. „На этой второй ступени, говоритъ г. Б., должно заучивать, а впоследствии только всесторонне обдумывать одни главные мысли въ проповѣди въ порядкѣ ихъ послѣдовательнаго развитія и раскрытія въ ней, или, другими словами, должно предварительно обдумать и во всѣхъ частяхъ обсудить съ большею или меньшею подробностію одинъ планъ будущей проповѣди. Не лишнее также при этомъ и прочитать что-нибудь подходящее, чтобы тѣмъ обогатить и привести въ большую ясность и въ надлежащую систему свои представленія объ извѣстномъ предметѣ. На этой ступени особенно должно остерегаться заблаговременнаго составленія въ умѣ самыхъ формъ и оборотовъ рѣчи, и еще болѣе уклоненій, во время произношенія уже проповѣди съ церковной кафедры, отъ главнаго предмета проповѣди. Вся забота проповѣдника должна быть обращена исключительно на содержаніе проповѣди, на ясность мыслей и на ихъ взаимоотношеніе, такъ чтобы предметъ ея сталъ какъ-бы передъ глазами проповѣдника и ему оставалось-бы только передавать другимъ

то, что онъ самъ видитъ. Заранѣе-же придуманныя формы и обороты рѣчи будутъ постоянно держать въ своего рода путахъ свободное слово проповѣдника и заставлятъ этого послѣдняго слѣдить не столько за развитіемъ основныхъ мыслей проповѣди, сколько за подходомъ къ заранѣе составленной формѣ“.

На этой *второй ступени* авторомъ даются желающему учить-ся импровизаціи два совѣта, что дѣлать и чего не дѣлать. Въ смыслѣ дѣланія онъ долженъ заучивать (чужой?) и въ послѣдствіи только всесторонне обдумывать планъ своей проповѣди съ большею или меньшею подробностію и что-нибудь прочитывать подходящее къ его предмету, съ понятію цѣлію изучить предметъ и привести свои мысли въ *надлежащую систему*. Это обычный совѣтъ, который дается всякому учащемуся сочинять всякаго рода словесныя произведенія. Собрать мысли, привести ихъ въ порядокъ и потомъ дѣлать съ ними, что слѣдуетъ. Что же слѣдуетъ дѣлать съ ними импровизатору, и *какъ* дѣлать? Вотъ въ этомъ-то и состоитъ сущность дѣла: обогатившись мыслями, уложивши ихъ въ головѣ въ порядокъ, выйти на кафедру и передать ихъ слушателямъ ясно и послѣдовательно, живымъ словомъ, изобрѣтая его на мѣстѣ, въ минуту произнесенія. *Какъ* это сдѣлать, собственно какъ импровизировать,—этого разсматриваемый нами совѣтъ и не указываетъ. И такъ, авторъ и здѣсь совсѣмъ не касается импровизаціи, ни *чистой*, ни *смѣшанной*. Очевидно, онъ не испытывалъ, какъ легко или трудно удержать въ умѣ приготовленный планъ проповѣди, и можно-ли удерживать его во всей цѣлости и полнотѣ, какъ владѣть не только содержаніемъ, но и собою, своими душевными силами, приводимыми импровизаціею въ особое движеніе и напряженіе, такъ что рѣдкій изъ импровизаторовъ отходить отъ кафедры, не почувствовавъ сильнаго возбужденія и потомъ упадка силъ. Вотъ, если бы этому именно училъ авторъ и здѣсь указалъ бы ступени первая и послѣдующія, т. е. первые приемы, дальнѣйшіе успѣхи и потомъ совершенство,—онъ дѣйствительно училъ-бы импровизаціи; а то онъ предлагаетъ общія мѣста относительно составленія сочиненій *писан-*

ныхъ, такъ какъ въ импровизаціи подобныя совѣты во всей полнотѣ не примѣнимы, какъ напримѣръ—приведеніе мыслей въ систему съ цѣлію удержанія этой системы во время самой импровизаціи. Кто въ ней упражнялся, тотъ знаетъ, что чѣмъ строже составленъ планъ, тѣмъ труднѣе его вышолнить: всякая система разлетится въ пухъ и прахъ и у опытнаго импровизатора, тѣмъ болѣе у того, кто еще не привыкъ владѣть собою и не сталъ хозяиномъ своего дѣла. Особенно начинающихъ подобныя совѣты, при невозможности ихъ исполненія, могутъ отбить отъ дѣла и привести въ отчаяніе. Импровизація не можетъ быть *смѣшанной*, она должна быть *чистою*, т. е. одна импровизація, въ томъ видѣ, какой даетъ ей этотъ особенный родъ ораторскихъ произведеній, совершенно отличный отъ всѣхъ другихъ и не допускающій смѣшенія ни съ какимъ другимъ. Говоря о томъ, *чего не дѣлать*, авторъ противорѣчитъ самому себѣ. Онъ требуетъ, чтобы при импровизаціи все вниманіе проповѣдника было устремлено на содержаніе проповѣди (а оно—вниманіе—къ несчастію при первыхъ опытахъ поглощается тѣмъ, что мнѣ дѣлать съ самимъ собою) и чтобы онъ не заботился заранѣе придумывать фразы и обороты рѣчи, такъ какъ они будутъ держать „въ своего рода путяхъ“ свободное слово. Какъ же онъ прежде совѣтовалъ заучивать и чужія проповѣди, и по временамъ отступать отъ заученнаго и давать мѣсто свободному живому слову? Вотъ это заученное и можно назвать по преимуществу *путами*, а не свои заранѣе пришедшія на умъ фразы при обдумываніи предмета,—такъ какъ извѣстно, что эти фразы рѣдко удается при импровизаціи произнести на своемъ мѣстѣ; большею частію бываетъ такъ, что проповѣдникъ выражаетъ свои мысли не такъ, какъ предполагалъ, а иногда и лучше; бываетъ и то, что онъ жалѣетъ о хорошихъ выраженіяхъ, которыя имѣлъ въ виду прежде, но которыя улетѣли изъ вниманія при произнесеніи.

Отъ этой ступени, заключаетъ авторъ, называемой иначе смѣшанною импровизаціею, до *чистой импровизаціи* уже одинъ шагъ. Здѣсь, повидимому, авторъ хочетъ указать третью ступень восхож-

денія къ импровизаціи, съ которой уже можно легко шагнуть на чистое поле живаго, свободнаго отъ всякихъ путъ, летучаго слова. Но къ сожалѣнію, здѣсь то именно, въ эту рѣшительную минуту, когда проповѣдникъ можетъ сдѣлать шагъ невѣрный и опасный, совѣтники и оставляютъ его на произволъ судьбы. Что же онъ говоритъ? „Предметъ проповѣди подскажетъ тогда проповѣднику злоба даннаго момента“. *Злоба момента*,—это вѣроятно значить—день, случай, обстоятельства, присутствующіе слушатели,—однимъ словомъ вся совокупность условій, въ которыхъ въ известное время становится проповѣдникъ и которыя вызываютъ его на проповѣдь. Эта *злоба* подскажетъ ему предметъ проповѣди. А что дѣлать ему съ этимъ предметомъ и какъ передать его живымъ словомъ, этого *злова дня* не говоритъ. А въ этомъ-то вся и трудность, какъ въ данную минуту воспользоваться обстоятельствами и сказать приличное устное слово объ известномъ уже предметѣ, какъ на примѣръ о томъ, чтобы простой народъ тихо и въ порядкѣ подходилъ прилаживаться къ иконамъ и помазанію елеемъ, чего я не могъ сдѣлать, и за что журилъ меня А. В. Самаринъ. Отдавая бѣднаго импровизатора *на злобу момента*, авторъ съ своей стороны опять ограничивается общимъ мѣстомъ, заимствованнымъ изъ правилъ церковнаго краснорѣчія: „знакомство съ Священнымъ Писаніемъ, говоритъ онъ, и святоотеческими твореніями дастъ ему средства для раскрытія избраннаго предмета въ духѣ ученія Церкви; знакомство съ житіями святыхъ поможетъ ему облечь раскрываемый предметъ въ наглядныя формы изображенія, сужденіямъ проповѣдника сообщитъ большую силу убѣдительности, самой проповѣди—близкій жизненный интересъ и занимательность; *наконецъ такое или иное* настроеніе импровизатора и слушателей придастъ проповѣди извѣстный тонъ, и характеръ, и извѣстную форму“.

Тутъ все есть, что нужно для обогащенія проповѣди содержаніемъ для ея живости, пизщества, своеобразности и проч.; но всѣмъ этимъ можетъ воспользоваться въ полной мѣрѣ проповѣдникъ, составляя проповѣдь въ кабинетѣ, сидя за столомъ снобой-

но, въ состояніи ни чѣмъ непрерываемаго размышленія. Онъ и на кафедрѣ, конечно, можетъ всѣмъ этимъ воспользоваться, если сохранить такое спокойное настроеніе; а если его постигнетъ *иное?*... Вотъ съ этого-то и надобно было бы начать наставленія, *какъ* на кафедрѣ соблюсти спокойствіе, самообладаніе, полное вниманіе къ предмету и слову, въ которое предметъ облачается и въ слушателямъ, которымъ онъ изъясняется. Кто собирается быть импровизаторомъ на церковной кафедрѣ, тотъ конечно слушалъ уже уроки церковнаго краснорѣчія и знаетъ, откуда почерпается содержаніе слова церковнаго, какъ оно излагается на бумагѣ и проч. Но какъ слово неписанное можетъ приближаться къ достоинствамъ писаннаго, какъ научиться проповѣднику носить съ собою всеоружіе слова и пользоваться имъ во всякую минуту, не заглядывая въ кабинетъ, въ книги и тетради, — вотъ въ чемъ вопросъ!

Признаюсь, прочитавши вышеприведенныя замѣчанія автора, я съ грустію подумалъ: какъ можно давать такіе совѣты? — Мы можемъ сказать, что я съ гордостію обѣщаль сказать нѣчто новое, особенное, передать то, чего свѣтъ не видалъ; нѣтъ, я обѣщаль изложить только свои *опыты*, которые кому-нибудь могутъ пригодиться, изъ которыхъ кто-нибудь и что-нибудь можетъ извлечь для себя. Конечно, только изъ совокупности опытовъ многихъ людей извлекаются и правила и законы; но мы этихъ многихъ опытовъ пока еще не имѣемъ; а одинъ человѣкъ обѣщать многого не можетъ и не долженъ. Мы обязаны дѣйствовать на пользу Церкви по слову Божію — *не высокая мудрствующе, а смиренными вѣдущесе* (Рим. 12, 16).

А.

(Продолженіе будетъ).

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

ВЪ ОТНОШЕНИИ КЪ ОТКРОВЕНІЮ

(Продолженіе *).

Глава IV.

О различныхъ типахъ философскихъ системъ.

51. Въ какихъ отношеніяхъ типы характеризуются.—52—54. Представленіе міра, человѣка и абсолютнаго бытія.—55. Представленіе существеннаго въ бытіи.—56. Представленіе абсолютнаго основанія.—57. Философія представленія, какъ космологическій типъ.—58—60. Понятіе міра, человѣка и Бога.—61. Различеніе существеннаго отъ несущественнаго въ понятіи.

51. Въ каждой философской системѣ, какъ нами уже было замѣчено въ началѣ нашего разсужденія, можно найти три неотъемлемыя черты: во-первыхъ, стремленіе объять всю совокупность существующаго, какъ единый космосъ, во-вторыхъ, стремленіе разсматривать этотъ космосъ по его дѣйствительному бытію или съ его существенной стороны, и въ-третьихъ, стремленіе уяснить себѣ дѣйствительное бытіе этого космоса изъ абсолютнаго основанія. Различные типы философскихъ системъ должны поэтому характеризоваться различнымъ образомъ во всѣхъ трехъ этихъ пунктахъ. И нашею ближайшею задачею будетъ именно указаніе отличительныхъ признаковъ каждаго типа во всѣхъ этихъ трехъ отношеніяхъ. Для этого мы должны поставить себѣ и рѣшить слѣдующіе вопросы: какъ, т. е. въ какой связи представляется совокупность существую-

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 10.

шаго съ точки зрѣнія представленія, понятія или идеи? какъ съ каждой изъ этихъ точекъ зрѣнія понимается существенное въ бытіи и какъ, наконецъ, представляется съ этихъ точекъ зрѣнія само абсолютное основаніе всякаго бытія? Рѣшеніе этихъ вопросовъ мы вынуждены начинать съ точки зрѣнія представленія по тѣмъ-же самымъ основаніямъ, по которымъ представленіемъ начали обзрѣніе исторіи сознанія. Непосредственную точку зрѣнія мы можемъ возстановить только посредственно. Поэтому естественно, что исходная точка зрѣнія развитія можетъ быть уяснена и возстановлена въ сознаніи только въ концѣ самаго развитія, которое вырастаетъ изъ нея, какъ изъ зерна.

52. Представленіе о всей совокупности бытія есть въ сущности сложное представленіе о всемъ мірѣ, какъ единомъ объектѣ, состоящее изъ множества отдѣльныхъ представленій о частяхъ этого объекта. Части эти суть отдѣльные предметы, соотвѣтствующіе отдѣльнымъ представленіямъ. Такъ какъ представленіе цѣлаго міра слагается именно изъ представленія этихъ частей, то въ построеніи представленія о всей совокупности бытія въ сущности повторяется тоже самое, что и въ построеніи представленія объ отдѣльномъ предметѣ. Какъ въ построеніи представленія объ отдѣльномъ предметѣ различныя оощуаемыя качества относятся нами къ различнымъ пунктамъ пространства въ различные моменты времени и объединяются въ одно цѣлое, какъ взаимопроникающія другъ друга свойства и рядомъ лежащія части одного представляемаго въ этомъ объединяющемъ актѣ объекта; такъ и въ построеніи представленія о цѣломъ космосѣ различныя по качествамъ своимъ предметы относятся нами въ различныя мѣста міроваго пространства и въ различные моменты времени и объединяются, какъ части одного цѣлаго бытія нашею представляющею силою въ представленіи единого космоса. Это значитъ, что связь между качественно различными частями космоса не только повторяетъ въ себѣ связь между частями предметовъ, но что она какъ разъ та самая, какую вноситъ представленіе и которая, слѣдовательно, въ представленіи содержится. Въ представленіи міра, какъ цѣлаго, нужно слѣдовательно, различать качественно

разнообразное содержаніе предметовъ отъ ихъ связи между собою. Если мы обратимъ вниманіе на эту связь, то эта связь представится прежде всего пространственной, ибо мы видѣли, что безъ отнесенія предметнаго содержанія къ разнымъ пунктамъ пространства ихъ различеніе невозможно. Это должно вести насъ къ построенію геометрической формы или фигуры міра, какъ цѣлаго, всѣ части коего находятся между собою въ извѣстныхъ пространственныхъ отношеніяхъ. Но представленіе чего-либо въ пространствѣ возможно лишь въ различные моменты времени; поэтому части міра или его геометрическіе элементы должны представляться въ извѣстномъ отношеніи ко времени, т. е. сохраняющими или измѣняющими свое геометрическое, пространственное отношеніе во времени. Измѣненіе въ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ есть движеніе, посредствомъ котораго въ сущности совершаетъ наше представленіе размѣщеніе вещей въ пространствѣ и посредствомъ котораго они размѣщаются независимо отъ представленія *). Если мы теперь обратимъ вниманіе на содержаніе, данное въ этихъ формахъ, то оно представится намъ въ видѣ качественно различныхъ элементовъ, наполняющихъ эти формы, вступающихъ въ различныя комбинаціи, выходящихъ изъ состава однихъ предметовъ, входящихъ въ составъ другихъ, переходящихъ изъ одной формы въ другую, словомъ оно представится намъ въ видѣ качественно-опредѣленной, измѣнчивой матеріи, которой свойственны извѣстныя силы, проявляющіяся во взаимодействіи этихъ элементовъ. Но такъ какъ въ каждомъ предметѣ содержаніе и форма объединяются представляющею силою, какъ численно многое въ численномъ тождествѣ или единствѣ предмета, то какъ формальная, такъ и матеріальная стороны космоса оказываются подлежащими законамъ числа. Отъ того въ построеніи системы міра съ точки зрѣнія представленія всегда выступаетъ элементъ математическій. Если при этомъ беретъ перевѣсъ представленіе содержанія космоса, то образуется динамическое воззрѣніе; если-же форма, то чи-

*) Это размѣщеніе производится воззрѣніемъ или точнѣе, какъ выше было замѣчено, ощущеніемъ мускульнаго движенія.

сто механическое единство этихъ возрѣній представляетъ взглядъ органической.

53. Чтобы представить качественно-разнообразное содержаніе міра въ пространствѣ, пужно, какъ сказано, размѣстить въ пространствѣ отдѣльные пространственные предметы. Это значитъ, что нужно отличить ихъ другъ отъ друга по пространству, представивъ между ними извѣстное разстояніе, если такое между ними существуетъ, или представивъ ихъ совсѣмъ рядомъ. Но такое соотнесеніе предметовъ въ пространствѣ возможно лишь чрезъ соотнесеніе ихъ къ намъ самимъ. Сначала мы должны каждый предметъ по пространству отличить отъ насъ самихъ, что и совершается именно въ возрѣніи, а потомъ уже можемъ представить разстояніе ихъ другъ отъ друга тоже чрезъ возрѣніе. Тоже самое нужно сказать и относительно различенія предметовъ во времени. Чтобы отнести ихъ къ разнымъ моментамъ, одинъ какъ предыдущій, другой какъ послѣдующій, въ ихъ отношеніи другъ къ другу, необходимо сначала соотнести какъ тотъ, такъ и другой къ настоящему моменту нашего собственнаго существованія: предыдущій будетъ отъ насъ въ одномъ разстояніи времени, послѣдующій въ другомъ; разность между тѣмъ и другимъ временемъ будетъ обозначать ихъ разстояніе во времени по отношенію другъ къ другу. Отсюда слѣдуетъ, что представленіе вещей, какъ различеніе ихъ въ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, невозможно безъ представленія насъ самихъ, такъ что это представленіе насъ самихъ входитъ въ представленіе всѣхъ окружающихъ насъ предметовъ, отъ которыхъ мы себя отличаемъ и которые себѣ противопологаемъ. Но представляя себя въ средѣ окружающихъ насъ объектовъ въ пространственныхъ и временныхъ отношеніяхъ, мы тѣмъ самымъ объективируемъ себя, т. е. воспринимаемъ себя, какъ такой-же объектъ, находящійся съ другими во взаимодействіи. Это воспріятіе самихъ себя производитъ въ насъ представленіе нашей геометрической или пространственной фигуры, наполненной организованною матеріею и способной къ самодвиженію. Вслѣдствіе этого мы представляемъ себя, какъ тѣло на ряду съ другими тѣлами. Различіе, какое мы находимъ между по-

сторонними тѣлами и своимъ, состоитъ здѣсь въ томъ, что постороннія тѣла мы воспринимаемъ посредствомъ простаго воспріятія, а свое собственное посредствомъ двойнаго воспріятія въ осязаніи, ибо осязающій членъ воспринимается здѣсь осязаемымъ, а осязаемый воспринимается осягающимъ. Черезъ эту двойственность въ осязаніи собственнаго тѣла, каждая часть его воспринимается, какъ моя. По той-же самой причинѣ каждая часть представляется ощущающею, и ощущение является разлитымъ во всей фигурѣ тѣла, какъ мое ощущение. Это то, что называется самоощущеніемъ *). Какъ такой самоощущающій и самодвижущійся объектъ, наше существо есть объектъ фізіологическаго изученія, которое можетъ вести къ образованію или механическаго взгляда на человѣческое существо, если ощущение сводятъ къ движенію, или гилозоистическаго, когда ощущение признается свойствомъ матеріи, или виталистическаго, когда образованіе органическихъ отравленій приписываютъ особой силѣ, способной въ ощущенію. Во всѣхъ этихъ случаяхъ наше существо представляется намъ, очевидно, какъ простой объектъ въ средѣ предметовъ природы. Съ точки зрѣнія представленія, слѣдовательно, наше я, хотя и противопологается *не я*, но является въ качествѣ нашего-же собственнаго тѣла, находящагося въ средѣ другихъ тѣлъ космоса. Отсюда мы можемъ и самый космосъ представить по подобію нашего тѣла—одушевленнымъ, и тогда получимъ чистый гилозоизмъ **). Мы видимъ, слѣдовательно, что здѣсь ни въ какомъ случаѣ нѣтъ противоположенія нашего я природѣ въ качествѣ инородной духовной сущности; ибо человѣкъ сначала не замѣчаетъ своей души, какъ справедливо говоритъ Вуттке ***). И даже когда онъ начинаетъ замѣчать ее, то, стоя на точкѣ зрѣнія представленія и воспріятія, представляетъ ее въ видѣ тѣни или облика своего собственнаго

*) Ср. D r b a l, Lehrbuch d. empirisch. Psychologie. 3-е изд. § 101.

***) Къ гилозоизму приходитъ въ настоящее время извѣстный Геккель, по мнѣнію коего въ атомахъ существуетъ удовольствіе и неудовольствіе, желаніе и отвращеніе. Die Perigenesis der Plastidüle. 38. См. H e r b a r t, Psych. § 133. V o l k m a n n, Psych. § 110 и 111.

***) W u t t k e. Geschichte des Heidenthums. 1852. 1. S. 107.

тѣла *), т. е. тоже въ видѣ образа тѣлеснаго объекта, а не въ видѣ инородной, духовной сущности.

54. Итакъ съ точки зрѣнія представленія какъ внѣшній міръ, такъ и наше собственное существо являются объектами: міръ, какъ объектъ сложный, состоящій изъ многихъ отдѣльных частей, а наше существо, на ряду со всѣми другими существами и предметами природы, какъ часть среди другихъ частей этого міра. Но каждая отдѣльная часть міра является намъ въ качествѣ отдѣльнаго предмета только потому, что она представляется намъ ограниченою въ пространствѣ и времени величиною, которая содержитъ въ себѣ опредѣленную мѣру качественно опредѣленной реальности. Каждая часть потому только и есть отдѣльный предметъ, что она конечна. Какъ совокупность такихъ конечныхъ предметовъ, и міръ весь есть тоже величина конечная по своей реальности. Это значитъ, что космосъ въ нашемъ представленіи можетъ быть данъ и представленъ лишь, какъ конечное. Но конечное, какъ конечное, можетъ быть представлено только въ отличіе и въ противоположность безконечному **). Слѣдовательно, міръ и каждая часть міра могутъ быть представлены, какъ конечные объекты, лишь въ противоположность безконечному объекту. Если каждая часть міра относится нами въ воззрѣніи къ опредѣленнымъ пунктамъ пространства и къ опредѣленнымъ моментамъ времени, то она представляется намъ таковою въ отличіе отъ такого объекта, который относится по своему бытію къ каждому пункту пространства и къ каждому моменту времени. Если каждая часть міра представляетъ опредѣленное качественное содержаніе или реальность, то только въ отличіе отъ безпредѣльной реальности, относимой ко всѣмъ пунктамъ пространства и ко всѣмъ моментамъ времени. Если

*) „Развитіе представленія я въ человѣчествѣ“. „Мысль“. 1882. № 3. Статья г. Гр и б а н о в с к а г о.

***) Возраженіе, что конечное существо не можетъ представить безконечнаго по самой своей конечности, ведетъ къ тому, что человѣкъ, имѣющій отъ роду 30 лѣтъ, не можетъ представить себѣ 1000 лѣтъ потому только, что онъ не можетъ прожить тысячелѣтія. Въ основѣ этого возраженія лежитъ мысль, что подобное познается подобнымъ. Но чтобы представить и вычислить огромныя пространства, самому не нужно быть безмѣрнымъ.

каждый предметъ ощущается нами, какъ вѣшняя, имѣющая извѣстную величину, сила, то потому лишь, что мы отличаемъ безконечную, вездѣсущую и вѣчную силу. Поэтому нельзя не согласиться съ Максомъ Мюллеромъ, что воспріятіе безконечнаго составляетъ условіе всякаго воспріятія и ощущенія вообще *). Какъ такое условіе, безъ коего невозможно никакое представленіе конечной вещи, оно предшествуетъ въ нашемъ сознаніи представленію этихъ вещей и не можетъ быть образовано вполнѣдствіи, какъ нѣкоторые предполагаютъ, такъ какъ каждое представленіе конечнаго уже предполагаетъ представленіе безконечнаго. Съ этой точки зрѣнія безконечное есть самый положительный фактъ изъ всѣхъ фактовъ представленія, въ сравненіи съ которымъ всѣ факты, какъ конечные объекты, представляютъ лишь чистое отрицательное противоположеніе, совершенно не представляемое безъ той безконечной реальности, какой оно отрицательно противопоставляется въ сознаніи **).

Но если безконечное есть фактъ, безъ представленія коего невозможно представленіе никакого другаго конечнаго факта, то ясно, что въ основѣ всякаго изслѣдованія фактовъ и, слѣдовательно, въ основѣ всякаго основаннаго на этихъ фактахъ положительнаго міросозерцанія должны лежать этотъ первоначальный фактъ безконечнаго. Позитивизмъ дѣлаетъ ошибку, устраняя этотъ фактъ изъ своего міросозерцанія, какъ это превосходно замѣтилъ Пастъръ ***). Итакъ построеніе философ-

*) Max Müller, *Origine et développement de la religion étudiées à la lumière des religions de l'Inde*. Paris. 1876, p. 32—41. Мнѣ кажется, что ошибка Макса Мюллера состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ не ясно различаетъ безпредѣльное и неопредѣленное, что точно различалъ Декартъ, *Oeuvres*, pag. Jules Simon. Paris. 1872 p. 147. Этому различію у схоластиковъ соотвѣтствуетъ *infinitum actu* и *infinitum potentia*. Thomas Aquin. *Summa theol.* I, 7, 4; III, 10, 3; 11. 81.

***) Насколько безконечное обладаетъ положительнымъ характеромъ, видно изъ слѣдующаго: если къ безконечному приложить 0, и если къ нему приложить миллиардъ,—результатъ получится тотъ-же. Въ сравненіи съ нимъ миллиардъ миллиардовъ=0. „Конечное уничтожается въ присутствіи безконечнаго и обращается въ ничто“, говоритъ Паскаль, *Pensees*, Amsterdam, 1711, p. 41. 1.

***). Не могу не привести здѣсь слѣдующаго отрывка изъ рѣчи этого знаменитаго естествоиспытателя, произнесенной имъ 27 апрѣля 1882 г. при вступленіи во Французскую академію въ похвалу своему предшественнику Литтре: „Неодно-

ской системы въ сферѣ представленія въ сущности зиждется на представленіи безконечнаго, насколько представленіе безконечнаго входитъ въ представленіе цѣлаго космоса, обуславливая не только представленіе каждой отдѣльной его части, но и всей ихъ совокупности, которая, какъ совокупность частей конечныхъ, и сама представляется конечною *). Такимъ

кратно, говоритъ Мистръ, Литтре опредѣляетъ позитивизмъ, рассматриваемый съ практической точки зрѣнія, слѣдующимъ образомъ: „Я называю позитивизмомъ все, что дѣлается въ обществѣ для того, чтобы организовать это общество согласно съ позитивнымъ, т. е. наилучшимъ понятіемъ о мірѣ“. Я готовъ принять это опредѣленіе, но съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы его примѣнять съ безусловною строгостію, но великій я бросающійся въ глаза пробѣлъ этой системы состоитъ въ томъ, что она въ своемъ позитивномъ представленіи о мірѣ совершенно не принимаетъ въ расчетъ самаго важнаго позитивнаго понятія, понятія о безконечномъ. Что находится за этимъ звѣзднымъ сводомъ? Новая звѣздная небеса. Хорошо, а за ними? Человѣческой умъ, побуждаемый непобѣдимой силою, никогда не перестанетъ спрашивать: а что-же далѣе? Захочетъ-ли онъ остановиться во времени и пространствѣ? Такъ какъ та точка, на которой онъ остановился, будетъ конечною величиною, превосходящею собою только всѣ предшествовавшія конечныя величины, то едва человѣческой умъ начинаетъ вглядываться въ нее, какъ уже снова раздается неумолимый вопросъ, и человѣкъ опять не можетъ заставить умолкнуть голосъ своей любознательности. Его не удовлетворяютъ отвѣты въ родѣ того, что „далѣе идутъ безпредѣльныя пространства времени и величины“. Никто не понимаетъ этихъ словъ. Тотъ, кто провозглашаетъ существованіе безконечнаго, и отъ этого никто не можетъ избавиться, накопляетъ въ одномъ этомъ утвержденіи болѣе сверхъестественности, чѣмъ ея можно пайти во всѣхъ чудесахъ всѣхъ религій; ибо понятіе о безконечномъ имѣетъ тотъ двойкій характеръ, что оно въ одно и тоже время непостижимо и неопровержимо. Когда это понятіе охватываетъ умъ человѣческой, тогда ничего другаго не остается, какъ повергнуться въ прахъ подавляющей тоски. Да и въ эту минуту нужно просить помилованія у своего разсудка: всѣ пружины умственной жизни грозятъ ослабнуть; чувствуешь, какъ тебя уже охватываетъ возвышенное изступленіе Паскаля. Это позитивное и основное понятіе, со всѣми его послѣдствіями, проявляющимися въ жизни обществъ, устраняется безо всякаго основанія позитивизмомъ“. См. „Московскія Вѣдомости“ 1882 г. № 117. Намекъ на Паскаля вѣроятно имѣетъ въ виду слѣдующую его мысль: *Nous connoissons qu'il y a un infini et ignorons sa nature. P e n s e e s. Amsterdam. 1711 p. 41.* Ср. *Иоанна Дамаскина*, „Точное изложеніе правосл. вѣры“. 1, 4; стр. 9: „Божество безпредѣльно и непостижимо, и одно только въ Немъ постижимо — Его безпредѣльность и непостижимость“.

*) Отъ конечнаго нѣтъ перехода къ безконечному; ибо сколько бы мы ни увеличивали сумму конечныхъ предметовъ, она будетъ всегда выражаться конечнымъ числомъ. Безконечное же число невозможно, какъ это доказываетъ знаменитый абб. *Муаньо*. См. Семь лекцій общей физики *Коши*, съ прилож. статей *Муаньо*. Спб. 1872.

образомъ послѣднимъ объективнымъ условіемъ представленія міра, какъ цѣлаго, служить фактъ безконечнаго.

55. Если мы теперь спросимъ, что въ представляемомъ такимъ образомъ цѣломъ съ точки зрѣнія представленія должно почитаться дѣйствительно сущимъ въ противоположность являющемуся, то отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ зависѣть отъ самой формы представленія. Если представленіе есть различіе объективнаго содержанія въ пространствѣ и времени, то дѣйствительною сущностію будетъ съ этой точки зрѣнія считаться всякое цѣлое, пребывающее, въ пространствѣ и времени, явленіемъ — измѣнчивыя части и отношенія этого цѣлаго къ другимъ вещамъ, поскольку съ измѣненіемъ этихъ частей и отношеній цѣлое все-таки остается тѣмъ-же самостоятельнымъ цѣлымъ, какимъ было и прежде. Степень реальности здѣсь, слѣдовательно, опредѣляется временемъ: то, что продолжаетъ существовать при измѣненіи другаго, напримѣръ — своихъ принадлежностей, почитается имѣющимъ болѣе дѣйствительной реальности, чѣмъ то, что въ это время подвержено измѣненію. Слѣдовательно наименѣе подверженное измѣненію во времени, наиболѣе пребывающее, неизмѣнное и постоянное, съ этой точки зрѣнія должно считаться существеннымъ, въ противоположность текучему, измѣняющемуся, непостоянному, которое должно считаться явленіемъ, преходящимъ и несущественнымъ. Поэтому, напримѣръ, сущностію матеріальныхъ явленій съ точки зрѣнія представленія считаются тѣ химическіе или физическіе элементы, которые остаются неизмѣнными при всѣхъ измѣненіяхъ этихъ предметовъ. Съ другой стороны, существенными съ этой точки зрѣнія могутъ считаться и тѣ матеріальныя формы, которыя остаются постоянными при измѣненіи пополняющаго ихъ матеріала. Подобнымъ образомъ въ самомъ измѣненіи явленій во времени наиболѣе существенными должны считаться измѣненія наиболѣе постоянныя, въ противоположность непостояннымъ и мимолетнымъ. Такъ какъ всякое измѣненіе есть послѣдовательность во времени, то всегда одинаковая послѣдовательность должна съ этой точки зрѣнія считаться необходимою послѣдовательностію и то, что всегда непосредственно предшествуетъ чему-либо, будетъ считаться причиною, а то,

что всегда непосредственно слѣдуетъ за чѣмъ-либо во времени,—слѣдствіемъ. Словомъ, существенное въ вещахъ съ точки зрѣнія представленія опредѣляется по схемамъ, напоминающимъ схемы времени Канта *), поскольку все, сущее въ пространствѣ или въ немъ выражающее свою дѣятельность, опредѣляется отношеніемъ ко времени. Зависитъ это, конечно, отъ того, что представленіе, какъ мы видѣли выше, есть объединеніе воспріятій въ непрерывномъ рядѣ мгновеній, при чемъ каждый прошедшій моментъ воспріятія отождествляется съ настоящимъ и чрезъ то возникаетъ образъ объекта воспріятія. Если же каждый объектъ воспріятія представляется непремѣнно во времени, то естественно, что и реальность этого объекта измѣряется, такъ сказать, временемъ, или собственно, наполненіемъ времени, такимъ или другимъ пребываніемъ во времени.

56. По той же самой причинѣ какъ само абсолютное основаніе всѣхъ вещей, такъ и его отношеніе къ міру съ точки зрѣнія представленія опредѣляется отношеніемъ къ пространству и времени. Такъ какъ условіемъ представленія космоса, какъ совокупности конечныхъ вещей, служитъ безконечное, то всякое законченное построеніе космоса въ представленіи долж-

*) По Канту, количество мы воображаемъ въ схемѣ ряда времени, потому что считать можно только во времени. Я могу вообразить себѣ количество не иначе, какъ произведши въ моемъ воображеніи нѣсколько единицъ одну за другою. Если я послѣ перваго же начала задержу дѣятельность воображенія, то произойдетъ единица; если продолжу—получу многое; не полагая никакихъ границъ дѣятельности воображенія, получу все. Качество воображается въ схемѣ *содержанія времени*: наполненное время есть реальность, не наполненное—отрицаніе. *Отношеніе* воображается въ схемѣ *порядка времени*: субстанціальность воображается, какъ постоянное пребываніе реального во времени, причинность—необходимымъ слѣдованіемъ во времени одного за другимъ, взаимодействіе—совмѣстнымъ бытіемъ опредѣленій одной субстанціи съ опредѣленіями другой. *Модальность* воображается въ схемѣ времени *взятаго цѣликомъ*, т. е. времени вообще: возможность—какъ существованіе въ произвольный моментъ времени, дѣйствительность, какъ существованіе въ опредѣленный моментъ, а необходимость—какъ существованіе во всякое время, всегда. *Kants, Werke herausgegeben, Rosenkranz. 1838. В. II, S. 126—128.* Очевидно, всѣ эти схемы суть различныя формы представленія пространственныхъ вещей во времени, вносящія въ вещи такія различія, безъ которыхъ никакая вещь не можетъ быть представлена. Съ другой стороны, поскольку вещи служатъ только объектомъ представленія, очевидно существенное въ нихъ не можетъ быть опредѣлено помимо этихъ различій и этихъ формъ представленій.

но необходимо приходитъ, какъ къ послѣдному основанію вещей, именно къ безконечному. Но безконечное можетъ входить въ представленіе лишь настолько, насколько оно имѣетъ отношеніе къ его формамъ, т. е. къ пространству, времени и движенію. Поэтому безконечное въ представленіи можетъ быть дано лишь, какъ вездѣсущее, вѣчное и неизмѣнное или неподвижное: вездѣсущее, поскольку оно наполняетъ всякое пространство и не вмѣщается въ немъ; вѣчное, поскольку оно существуетъ во всякое время и раньше времени, если можно такъ выразиться; неподвижное, поскольку оно наполняетъ пространство и время и потому не можетъ подлежать ни пространственному, ни временному измѣненію, а слѣдовательно, и движенію. Такъ какъ съ точки зрѣнія представленія рѣчь въ сущности можетъ идти лишь о построеніи міра въ представленіи-же, а не объ объясненіи его въ собственномъ смыслѣ: то и отношеніе абсолютнаго основанія всѣхъ вещей къ вещамъ имѣетъ здѣсь значеніе лишь настолько, насколько служитъ условіемъ этого построенія. Поэтому оно является условіемъ пространственнаго бытія вещей, поскольку оно опредѣляетъ пространственныя ихъ отношенія, — временнаго, поскольку опредѣляетъ ихъ временныя измѣненія, и движенія, поскольку производитъ то и другое вмѣстѣ. Безусловное основаніе всѣхъ вещей въ своемъ отношеніи къ нимъ съ точки зрѣнія представленія есть, слѣдовательно, такое существо, безъ представленія бытія коего непредставимо бытіе конечныхъ вещей. Это существо въ представленіи поэтому является вѣчнымъ, первоначальнымъ, безконечнымъ существомъ и движителемъ, безъ котораго не было-бы временныхъ, конечныхъ вещей и движенія ихъ *), — словомъ, въ качествѣ того перваго, вѣчнаго и неподвижнаго движителя всѣхъ вещей, о которомъ говорили

*) Здѣсь за точку отправленія рефлексіи взято конечное; но если взять безконечное, то къ конечному можно перейти лишь черезъ представленіе творчества. Творчество въ представленіи можетъ, однако, казаться лишь простою послѣдовательностію, въ которой вслѣдъ за вѣчнымъ существованіемъ безконечнаго является изъ ничего конечное (Римл. 4, 17; Евр. 11, 3), ибо ни способы, ни дѣятельность творчества не представимы, поскольку они не выражаются въ пространственно-временной формѣ.

древніе еще до Сократа *). Къ сожалѣнію очень часто при построеніи философскихъ системъ съ точки зрѣнія представленія многіе мыслители безконечному объекту придаютъ конечные предикаты, не имѣя достаточно интеллектуальной силы, чтобы въ своей рефлексіи на воспріятіе безконечнаго подняться надъ всѣми опредѣленіями конечнаго къ ихъ первоначальному условію. Отъ этой ошибки происходитъ то, что безконечное представляется только имманентнымъ всѣмъ вещамъ, и слѣдовательно забывается истинная его природа, въ силу которой оно не только вездѣсуще и вѣчно пребываетъ съ вещами и въ вещахъ **), но и трансцендентно по отношенію ко всему конечному; ибо въ противномъ случаѣ оно, вмѣщаясь въ конечномъ, само было-бы конечно.

57. Если мы теперь сопоставимъ всѣ вышеописанныя главнѣйшія черты, отличающія построение философскихъ системъ съ точки зрѣнія представленія, то окажется, что въ изученіи окружающей природы преобладаетъ элементъ физико-математическій или механический, что въ изученіи человѣка преобладаетъ элементъ физиологическій (біологическій), что, наконецъ, въ представленіи Божества преобладаетъ представленіе Его объективныхъ свойствъ или такъ называемыхъ свойствъ бытія Божія. Очевидно, что съ точки зрѣнія представленія построение философской системы касается преимущественно объективныхъ свойствъ міра, человѣка и Бога, насколько эти свойства опредѣляются формами представленія: пространствомъ и временемъ. Сущее представляется здѣсь совокупностію конечныхъ вещей въ пространственно-временныхъ отношеніяхъ ихъ другъ къ другу подъ условіемъ бытія безконечнаго, вездѣсущаго и вѣчнаго, безъ котораго непредставимо никакое ихъ существованіе. Очевидно, этотъ типъ построения философскихъ

*) Это представленіе о безконечномъ вполнѣ выражено въ первыхъ трехъ стихахъ оды Державина „Богъ“:

О Ты, пространствомъ безконечный,
Живый въ движеніи вещества,
Теченіемъ времени превѣчный...

**) „Еда небо и землю не Азь наюляю, рече Господь“ (Иерем. XXIII, 24). *Іоанна Дамаскина*, „Точное излож. правосл. вѣры“. I, 4; стр.7—9. *Макарія Догм. Богосл. I*, 148.

системъ можно назвать типомъ по преимуществу космологическимъ, ибо онъ носитъ на себѣ всѣ черты рациональной космологіи. Вслѣдствіе этого этотъ типъ построения нужно считать наиболѣе близкимъ къ естествовѣдѣнію и стоящимъ въ связи съ уснѣхами этой отрасли наукъ. Для болѣе нагляднаго представленія этого типа, достаточно поэтому вызвать въ своемъ воображеніи тотъ рядъ космологическихъ системъ, который извѣстенъ читателю изъ исторіи. А затѣмъ я перехожу отъ философіи представленія къ характеристикѣ построения философскихъ системъ съ точки зрѣнія понятія или логическаго мышленія.

58. Мышленіе есть рефлексія на представленіе, представленіе представленія. Представленіе само по себѣ всегда есть представленіе отдѣльнаго предмета, находящагося въ извѣстномъ пунктѣ пространства въ извѣстный моментъ времени,— словомъ, единственнаго предмета. Но какъ скоро это представленіе подверглось рефлексіи мышленія, стало объектомъ его, оно изъ единичнаго становится общимъ и чрезъ то возводится на степень понятія, а соотвѣтствующій ему предметъ становится единичнымъ экземпляромъ, выражающимъ это представленіе въ дѣйствительности; ибо рефлексія на представленіе отвлекаетъ его отъ предмета, рассматриваетъ его само по себѣ, какъ представленіе, которое, какъ таковое, т. е. какъ независимое отъ предмета, можетъ выражаться какъ въ этомъ, такъ и во всякомъ другомъ такомъ же предметѣ. Здѣсь подъ представленіе подходитъ уже не одинъ, а неопредѣленное множество возможныхъ предметовъ: оно становится не представленіемъ именно „вотъ этого“ предмета, а „такого“ предмета вообще, такъ что „вотъ этотъ“ предметъ входитъ въ это представленіе лишь какъ единичный экземпляръ. Такъ совершается первоначальное противоположеніе общаго единичному *). Рефлексируя, далѣе, на объективное содержаніе различныхъ подобныхъ представленій, мы постепенно получаемъ понятіе вида, рода, порядка, отряда, класса и т. д. Получается цѣлая лѣст-

*) Единичные предметы въ этомъ случаѣ можно очевидно рассматривать, какъ одинаковыя копіи одинъ другаго. Объ абстракціи см. Dugal—Louve: Généralisation, въ словарѣ Фравка, стр. 606. 2-е изд.

вица понятій отъ единичныхъ до самыхъ общихъ, отъ низшихъ до высшихъ. Вся лѣствица составляетъ въ сущности одно понятіе о мірѣ, состоящее изъ многихъ понятій. Въ этомъ понятіи міръ мыслится не просто цѣлымъ, состоящимъ изъ пространственно-временныхъ частей, находящихся во (механическомъ) взаимодействіи, но какъ таковое цѣлое, взаимодействие частей коего направлено къ выраженію различныхъ понятій; онъ представляется совокупностію единичныхъ разнородныхъ существъ, изъ коихъ каждое, какъ экземпляръ, выражаетъ въ себѣ общій типъ своего вида и рода въ особенныхъ, ему свойственныхъ, чертахъ. Временно-пространственныя отношенія частей къ цѣлому служатъ здѣсь выраженіемъ логическихъ отношеній единичнаго къ общему, а потому предметы съ этой точки зрѣнія относятся между собою, какъ понятія. Вселенная мыслится здѣсь, слѣдовательно, какъ совокупность существъ, стремящихся къ осуществленію въ себѣ понятій, а понятія, какъ космосъ, осуществляющійся во вселенной. Природа съ этой точки зрѣнія разумна и цѣлесообразна, ибо каждое существо въ своемъ бытіи стремится осуществить свое собственное общее понятіе, какъ свою внутреннюю цѣль, отъ чего оно и имѣетъ тѣ, а не иныя свойства. Эти внутреннія цѣли и общія свойства природа однако никогда не въ силахъ осуществить вполнѣ, ибо ни одно единичное существо, именно въ силу своей единичности, не можетъ сравняться съ общимъ понятіемъ, которое всегда обнимаетъ неопредѣленное множество подобныхъ предметовъ. Вслѣдствіе этой диспропорціональности возникаетъ вопросъ объ отношеніи общихъ понятій къ единичнымъ предметамъ, который можетъ допускать различныя рѣшенія: реалистическое, номиналистическое и концептуалистическое, отъ чего и построеніе философскихъ системъ съ разсматриваемой точки зрѣнія получаетъ тотъ или иной оттѣнокъ. Какъ бы впрочемъ этотъ вопросъ ни рѣшался, вся эта система понятій или цѣлей природы, въ ихъ отвлеченіи отъ пространства и времени, представляется съ этой точки зрѣнія всегда себѣ равною, неизмѣнною системою вѣчныхъ формъ, законовъ или истинъ, въ противоположность измѣнчивому бытію единичныхъ предметовъ, бытіе коихъ ограничено пространственно-временными условіями.

59. Такое понятіе о мірѣ, очевидно, зиждется на распредѣленіи существующаго по родамъ и видамъ, на томъ, что мы теперь называемъ классификаціей предметовъ, явленій или ихъ отношеній. Здѣсь, конечно, необходимо подведеніе каждаго явленія подъ общее понятіе или воспріятіе общаго въ частномъ, а частнаго подъ общимъ видомъ или родомъ. Но такое распредѣленіе по родамъ или видамъ возможно только въ томъ случаѣ, если мы сами отличаемъ себя среди различныхъ существъ природы въ качествѣ инокродной сущности, ибо мы не можемъ мыслить двухъ разнородныхъ существъ, если не отличаемъ каждаго отъ себя въ качествѣ инокроднаго. Такъ какъ разнородность опредѣляется сравненіемъ, то прежде чѣмъ сравнить два предмета между собою, мы должны уже произвести сравненіе каждаго изъ нихъ съ нашимъ собственнымъ существомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы находимъ, что одинъ предметъ одаренъ жизнью, другой нѣтъ, то потому, что сначала замѣтили у одного изъ нихъ сходство съ собою, а у другаго не замѣтили. Если мы находимъ, что животное есть существо ощущающее, а растеніе нѣтъ, то опять лишь потому, что находимъ или не находимъ сходство между этими предметами и собственнымъ ощущающимъ существомъ. Тоже самое и относительно всѣхъ другихъ свойствъ объективнаго міра. Всегда условіемъ понятія природы оказывается пониманіе своего собственнаго существа, ибо распредѣленіе предметовъ природы по понятіямъ, по родамъ и видамъ, возможно лишь въ томъ случаѣ, если непремѣннымъ членомъ сравненія берется наше собственное существо. Природа противопоставляется намъ здѣсь лишь настолько, насколько мы не находимъ общаго между собою и ею въ актѣ сравненія себя съ нею. Такимъ образомъ центральнымъ условіемъ пониманія природы съ точки зрѣнія логическаго мышленія оказывается пониманіе собственнаго существа, которое входитъ въ понятіе каждаго предмета, насколько мы находимъ сходство или различіе этого предмета съ собою *). Но именно чрезъ это нахожденіе сход-

*) Развѣ можно было бы признавать въ природѣ, или отвергать разумъ и цѣлесообразность, если бы мы судили о ней не по сравненію съ собственнымъ разумно и цѣлесообразно дѣйствующимъ существомъ? Фикте младшій глубокой

ства и различія мы противопоставляемъ себя природѣ въ качествѣ инородной сущности. отличной отъ остальныхъ существъ природы, хотя и находящейся въ ихъ средѣ. Вслѣдствіе этого каждый изъ насъ представляетъ себя, какъ единичный предметъ извѣстнаго рода и чрезъ то самое относить къ извѣстному классу предметовъ, существующихъ на ряду съ другими подобными классами, т. е. каждый отводитъ себѣ мѣсто въ вышеупомянутой лѣствицѣ понятій сообразно понятію о себѣ. Но если сходство ведетъ къ тому, что мы себя, какъ понятіе, мыслимъ въ системѣ понятій, то различіе ведетъ къ тому, что мы противопоставляемъ себѣ все другое и себя всему другому тоже по самому понятію. Всѣ другія существа для насъ суть познаваемые предметы, объекты нашихъ понятій; сами же мы себя мыслимъ здѣсь не только, какъ такой объектъ понятій, но и какъ существо, имѣющее понятіе о своемъ пониманіи. Если прочія существа только познаются, то себя самихъ мы находимъ не только познаваемыми, но и познающими. Всѣ другія существа суть объекты познанія, а наше собственное существо является, слѣдовательно, объектомъ самосознанія. Представляя себя, какъ существо представляющее въ этомъ самосознаніи, мы по необходимости противопоставляемъ себя, какъ самосознательную инородную личность, всему другому отъ нея отличному *). Здѣсь мы, наконецъ, замѣчаемъ свое внутреннее существо въ отличіе отъ всего внѣшняго и противопоставляемъ его, какъ понятіе души, отличному отъ него понятію тѣла. Такимъ образомъ мы приходимъ къ мысли, что мы существо, состоящее изъ души и тѣла. И такъ мы видимъ, что съ точки зрѣнія мышленія наше собственное существо въ качествѣ инородной сущности, противоположной другимъ разнороднымъ существамъ природы, оказывается внутреннимъ объектомъ самосознанія или психологическимъ объектомъ, сравненіе коего съ другими внѣшними объектами служитъ условіемъ различенія вещей въ понятіяхъ.

смыслъ Кантовой „Критики чистаго разума“ видить въ томъ, что она находитъ общее между субъектомъ и объектомъ и чрезъ то, какъ чрезъ апіорное условіе, объясняетъ возможность познанія объекта. См. стр. 11—12 введенія къ французск. перев. Bouillier, Methode pour arriver a la vie bienheureuse. Paris. 1845.

*) Drbal, Lehrb. d. Emp. Psychol. § 102.

60. Сравнивая свое собственное существо съ различными существами природы, мы находимъ, что природа дѣйствуетъ по разумнымъ понятіямъ, типамъ или вѣчнымъ истинамъ; мы должны, слѣдовательно, признать въ ней разумъ и цѣлесообразную дѣятельность *). Но признать, что она есть система существъ, дѣйствующихъ по разуму, — сознательна ли будетъ эта дѣятельность, или безсознательна, — мы можемъ только въ томъ случаѣ, если мы въ тоже время мыслимъ бытіе безконечнаго дѣйствующаго разума; ибо мы понятіе о конечномъ разумномъ существѣ можемъ образовать лишь въ противоположность понятію о безконечномъ разумномъ существѣ. Если понятіе о разумности природы мы приобретаемъ по сравненію съ собою, какъ съ разумно-дѣйствующимъ существомъ, то понятіе о себѣ, какъ о конечномъ, ограниченномъ, временномъ существѣ, мы приобретаемъ лишь по сравненію себя съ безконечнымъ разумнымъ существомъ. Если мы представляемъ, что въ нашемъ умѣ знаніе существуетъ рядомъ съ незнаніемъ, то только потому, что у насъ есть понятіе о существѣ всевѣдущемъ. Если мы находимъ въ своемъ умѣ понятія ошибочныя и измѣнчивыя, то только потому, что у насъ есть мысль объ умѣ, обладающемъ вѣчною истиною. Если мы находимъ, что мы въ своей разумной дѣятельности многого осуществить не въ состояніи, то потому только, что мы имѣемъ мысль о всемогущей разумной дѣятельности, для выполненія цѣлей которой нѣтъ предѣловъ. Словомъ, если мы представляемъ себя конечною самосознательною личностію, то потому лишь, что мы противопоставляемъ себя здѣсь въ понятіи бытію личности безконечной. Понятіе о безконечной личности или безконечномъ разумѣ есть, слѣдовательно, условіе построенія всѣхъ нашихъ

*) „Если основанія вещей можно искать только въ метафизическихъ необходимостяхъ или въ вѣчныхъ истинахъ; если, далѣе, существующее можетъ происходить только отъ существующаго: то вѣчныя истины должны существовать въ нѣкоторомъ совершенно необходимомъ, существѣ, т. е. Богѣ, который дѣлаетъ дѣйствительнымъ то, что безъ Него было-бы воображаемымъ“. Leibniz, De rerum originatione radicali. 1697. p. 148. Если природа есть выраженіе понятій, то долженъ быть умъ, мыслящій эти понятія, и понятіе объ этомъ умѣ будетъ высшимъ родовымъ понятіемъ, объемлющимъ всѣ понятія; ибо *общій* признакъ, свойственный всѣмъ понятіямъ, тотъ, что они мыслятся умомъ.

понятій; ибо безъ этого понятія, мы не могли-бы образовать понятія о себѣ, какъ о личности конечной, а безъ сравненія съ собою не могли-бы образовать понятій о другихъ различныхъ существахъ природы. Поэтому оно есть первоначальное понятіе, на которомъ зиждется все построение міросозерцанія или философской системы съ точки зрѣнія мышленія *). Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе этого понятія о безконечной личности должно имѣть такое же объективное значеніе, какое имѣютъ и другія наши понятія. А потому безъ признанія объективнаго бытія безконечной личности въ сущности невозможно допускать объективнаго бытія предметовъ, служащихъ содержаніемъ нашихъ понятій вообще. Такимъ образомъ бытіе личнаго Божества есть необходимое объективное условіе построения логической философской системы, претендующей на объективное значеніе.

61. Что касается до различенія существеннаго отъ несущественнаго, то съ точки зрѣнія мышленія существеннымъ въ предметѣ считается то общее, что дѣлаетъ предметъ, именно этимъ, а не другимъ предметомъ, и что остается ему свойственнымъ по отвлеченіи его отъ всѣхъ временныхъ и пространственныхъ отношеній; напротивъ, тѣ свойства предмета, съ отнятіемъ которыхъ онъ все-таки остается тѣмъ-же пред-

*) „Я не долженъ воображать, говорить *Декартъ*, что безконечное я понимаю не чрезъ истинную идею, а только посредствомъ отрицанія конечнаго, такъ же, какъ я понимаю покой и тьму чрезъ отрицаніе движенія и свѣта; ибо, напротивъ, я вижу ясно, что больше реальности содержится въ субстанціи безконечной, чѣмъ въ субстанціи конечной, и слѣдовательно, я имѣю въ себѣ понятіе о безконечномъ прежде понятія о конечномъ, т. е. понятіе о Богѣ предшествуетъ во мнѣ понятію о себѣ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ-бы образомъ я могъ познать, что я сомнѣваюсь и желаю, т. е. что мнѣ чего-то недостаетъ и что я неполнѣ совершенъ, если-бы у меня не было идеи о существѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ я самъ, чрезъ сравненіе съ которымъ я познаю недостатки собственной природы“. *Descartes, Oeuvres*, par Jule Simon. p. 90. Въ бесѣдѣ Сократа съ Аристодемомъ, которую сообщаетъ намъ *Ксенофонтъ*, Сократъ, чрезъ разсмотрѣніе видимаго міра, хочетъ пробудить въ Аристодемѣ именно это сознаніе *высочайшаго* разума, какъ высочайшаго, служащее условіемъ сознанія конечной разумности. *Methodabilia*, 1, IV. Стр. 3, 4, 10. Въ этой бесѣдѣ онъ прямо уподобляетъ дѣятельность конечнаго и дѣятельность всеобщаго разума одну другой. Но „Божество, по сравненіи съ конечнымъ умомъ, такъ велико и такими свойствами обладаетъ, что оно все видитъ, все слышитъ, вездѣ находится и обо всемъ промышляетъ“. 17—18.

метомъ и не становится инымъ, считаются несущественнымъ пространственнымъ или временнымъ выраженіемъ его существенныхъ свойствъ *). Совокупность перваго рода свойствъ составляетъ сущность предмета и выражается въ общемъ понятіи этого предмета, которое въ немъ представляется существеннымъ въ частныхъ его свойствахъ, какъ въ пространственномъ и временномъ явленіи. Если мы обратимъ вниманіе на содержаніе предмета, то существеннымъ будетъ тотъ общій субстратъ или субстанція предмета, которая составляетъ его неотъемлемую принадлежность во всѣхъ его частныхъ отношеніяхъ и положеніяхъ, если-же обратимъ вниманіе на форму, то существеннымъ будетъ тѣ общія свойства, которыя характеризуютъ эту субстанцію. Если обратимъ вниманіе на отношенія, то существенны будутъ тѣ отношенія, которыя всеобщы и которыя лишь находятъ свое выраженіе въ частныхъ отношеніяхъ, какъ частныхъ случаяхъ. Эти отношенія мыслятся здѣсь въ формѣ законовъ сосуществованія и послѣдовательности. Въ самомъ несущественномъ съ этой точки зрѣнія существенно то общее свойство, что оно служитъ лишь несущественною принадлежностью существеннаго. Ясно, что существенное въ отличіе отъ несущественнаго опредѣляется здѣсь по схемамъ, которыя схоластиками, на основаніи Аристотеля, были формулированы подъ именемъ предикабилій, собственныхъ каждому отдѣльному объекту понятія **), и которыя Кантомъ сформулированы въ видѣ „правилъ“ чистаго разума ***). Ясно также, что это зависитъ отъ самой формы понятія, которая направлена къ представленію частнаго черезъ общее, а слѣдовательно къ опредѣленію частнаго общимъ чрезъ подведеніе. Не менѣе ясно также и то, что опредѣленное та-

*) На этомъ основывается ученіе о первичныхъ и вторичныхъ качествахъ предметовъ, господствовавшее въ XVII ст. и позднѣе.

**) Praedicabilia, у Аристотеля—*κατηγορηματᾶ*,—это такъ называемыя *quinque voces*: genus, species, differentia, proprium, accidens. Унаге: *quinque universalia*.

***) Kant, (Werke, II, 5, 510): находитъ три основоположенія разума при различеніи вещей по родовымъ и видовымъ понятіямъ: 1) основоположеніе однородности, 2) основоположеніе различія (*Varietät*) и 3) основоположеніе сродства (того и другаго). Эти основоположенія онъ называетъ *Maximen*. Ib. 5. 517.

ѣимъ образомъ частное, какъ взятое въ его всеобщности, въ отвлеченіи отъ пространства и времени, совершенно совпадаетъ съ понятіемъ вещи внѣ отношеній ея къ данному пространству и времени. Выраженное въ формѣ представленія, это, не имѣющее отношенія ко времени, обыкновенно обозначается, какъ вѣчное или вѣчная истина *) въ противоположность временному явленію. Такимъ образомъ все приводитъ насъ къ тому, что сущность вещей съ точки зрѣнія мышленія полагается въ вѣчныхъ понятіяхъ или въ вѣчномъ разумѣ.

М. Остроумовъ.

(Продолженіе будетъ).

*) De natura rationis est, res sub quadam aeternitatis specie percipere. Eth. Propos. 44. Coroll. 2. Spinoza. Дѣйствительно, если естествоиспытатель желаетъ познать растеніе, онъ, самъ того не замѣчая, стремится къ познанію вѣчной мысли Божества, въ этомъ растеніи выраженной. Ср. Schelling. Werke I, S. 577.

УЧЕНИЕ ФЕЙЕРБАХА

о

СУЩНОСТИ И ПРОИСХОЖДЕНИИ РЕЛИГИИ.

Главные сочинения Фейербаха по философии религии вышли въ свѣтъ въ началѣ текущаго столѣтія; поэтому не поздно-ли писать о Фейербахѣ? Своевременно-ли, вообще, заниматься теперь матеріализмомъ? Наше время—время господства позитивизма: Спенсеръ, а не Фейербахъ, не Молешоттъ, не Бюхнеръ и др.—идолъ нашего времени. Такъ; но для Фейербаха все-таки приходится сдѣлать исключеніе. Его объясненіе религии никогда не утратитъ своего значенія для атеистовъ; его теорія о сущности и происхожденіи религии представляетъ самое серьезное, какое только можно представить себѣ, логическое оправданіе атеизма. Всѣмъ другимъ атеистическимъ объясненіямъ религии недостаетъ одного: они низводятъ религію въ рядъ случайныхъ явленій въ жизни человѣчества. Но нужно быть слишкомъ уже поверхностнымъ, чтобы согласиться съ этимъ взглядомъ на религію; несообразность его сама собою бросается въ глаза. Серьезный атеистъ не будетъ и слушать тѣхъ, которые объясняютъ религію выдумкою жрецовъ, невѣжествомъ первобытнаго человѣчества, выдумкою правителей и т. п.,—не удовлетворится и Контомъ, который считаетъ религію только за одну изъ низшихъ ступеней нашего умственнаго развитія, замѣняющуюся высшею культурною формою. Всѣ эти объясненія до наивности уже просты: они по-

казываютъ лишь въ своихъ изобрѣтателяхъ стремленіе поскорѣе какъ-нибудь раздѣлаться съ религіею, этою „досадною“ религіею, ставшею имъ поперегъ дороги... Нѣтъ, религія такой фактъ, къ которому нельзя легко относиться. Это признавалъ Фейербахъ; онъ не сказалъ: религія—это вещь случайная, лишняя, ненужная, во всякомъ случаѣ—временная; напротивъ, онъ признавалъ въ религіи необходимое явленіе, обусловленное самою природою души человѣческой, и въ этомъ тайна его вліянія среди атеистовъ, — тѣхъ атеистовъ, которые стыдятся вышеуказанныхъ поверхностныхъ взглядовъ на религію ¹⁾).

Теорія Фейербаха это—психологія атеизма, это—изложеніе въ формѣ философской того естественнаго психическаго процесса, который совершается въ душѣ дѣйствительнаго атеиста. Кажется, каждый атеистъ будетъ думать такъ, какъ думалъ Фейербахъ. Неудивительно послѣ этого, что Фейербаха знаютъ и теперь, и при томъ у насъ, въ Россіи, въ интеллигентной средѣ. Отголоски того вліянія, какимъ пользуется у насъ Фейербахъ по вопросамъ религіознымъ, проходятъ тамъ и сямъ по различнымъ литературнымъ произведеніямъ. Въ романѣ Э. М. Достоевскаго „Братья Карамазовы“ выступаютъ лица, на религіозныхъ воззрѣніяхъ которыхъ можно до нѣкоторой степени замѣтить вліяніе идей Фейербаха: иногда говорятъ они совершенно по-фейербаховски, особенно Ив. Фед. Карамазовъ. Вотъ, напримѣръ, одно мѣстечко изъ его разсужденій на тему о Богѣ. „Былъ одинъ страшный грѣшникъ въ XVIII ст., который изрекъ, что если-бы не было Бога, то слѣдовало-бы его выдумать, *s'il n'existait pas Dieu, il faudrait l'inventer*. И дѣйствительно, *человѣкъ выдумалъ Бога*“ (т. 1, изд. 1881 года, стр. 369). Такая популярность Фейербаха оправдывается, такъ сказать, появленіемъ на свѣтъ нашего труда. Тѣмъ, которые захотѣли-бы признать нашъ трудъ излишнимъ на томъ основаніи, что философія и богословіе давно сказали свое слово о Фейербахѣ и безъ насъ,—и сказали, разумѣется, много дѣльнаго, не опустивъ ничего существеннаго, тѣмъ мы позволимъ

¹⁾ Выходить-ли дѣйствительно изъ общихъ началъ Фейербаха необходимость религіи, увидимъ ниже.

себѣ сказать слова два—три въ свою защиту. Правда, трудно въ настоящее время говорить „новыя слова“; на всякій почти вопросъ умъ человѣческій сказалъ свое слово. Каждый изслѣдователь поэтому обязанъ знать, что сказали по его вопросу другіе до него, чтобы, по крайней мѣрѣ, не повторяться; отсюда господство историческаго пріема почти во всѣхъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Но исключительное господство этого пріема свидѣтельствовало-бы объ упадкѣ умственной энергіи въ людяхъ, о робости и рабствѣ мысли. Неужели мысль человѣческая дошла уже до своего зенита, истощилась до такой степени, что ей по всякому вопросу приходится только перетряхивать старье? Это перетряхиванье стараго, при томъ, можетъ создать ненужное осложненіе въ дѣлѣ научнаго знанія; оно обязываетъ нашу мысль не прямо подходить къ вопросу, но прежде заняться обзорѣніемъ всего, что сказано по нему и умными, и неумными; каждая нелѣпость, когда-либо, кѣмъ-либо сказанная, предъявляетъ въ этомъ случаѣ полное право на вниманіе изслѣдователя, и кто знаетъ, на что-бы стала расходоваться мысль изслѣдователя: на самый-ли вопросъ, или на тѣ односторонности и странности, которыя созданы попытками другихъ, рѣшить его.

I.

Нельзя, разумѣется, излагать въ связной логически стройной формѣ мысли того человѣка, который думаетъ нелогично, безсвязно, т. е. постоянно противорѣчитъ себѣ, путается; но такъ именно Фейербахъ думаетъ о религіи ¹⁾. Оттого существующія въ нѣмецкой и нашей литературѣ изложенія теоріи Фейербаха не даютъ о ней настоящаго понятія: въ изложеніи теорія Фейербаха всегда кажется умнѣе, если, позволительно такъ выразиться, чѣмъ какова она на самомъ дѣлѣ. Мы не беремся рѣшать, чѣмъ объясняется неясность, спутанность Фейербаха во взглядахъ на религію. Быть можетъ, виной этому не крѣп-

¹⁾ Взглядъ его на религію выраженъ имъ, главнымъ образомъ, въ „Das Wesen d. Christenthums“, „Vorlesungen über das Wesen der Religion“, „Philosophie und Christenthum“ и „Erläuterungen und Ergänzungen zum Wesen d. Christenthums“ 1846. В. 1.

кая въ логическомъ отношеніи голова Фейербаха ¹⁾, или то обстоятельство, что въ ней не выработалось и не сформировалось надлежащимъ образомъ никакого опредѣленнаго философскаго міровоззрѣнія. Какъ-бы тамъ ни было, но точную и вѣрную передачу теоріи Фейербаха мы считаемъ дѣломъ первой важности: этого требуетъ справедливость и любовь къ истинѣ; что-же касается истины, то въ настоящемъ случаѣ она боляе, чѣмъ гдѣ-либо, еще можетъ выиграть отъ этой справедливости,—отъ точной передачи теоріи. Изложеніе будетъ сопровождаться указаніемъ встрѣчающихся въ теоріи Фейербаха тамъ и сямъ противорѣчій, не касаясь посылокъ, на которыхъ Фейербахъ строить тѣ или иныя изъ своихъ положеній.

Существуетъ только одна матерія, т. е. то, что можно нюхать, осязать, видѣть и т. п. Поэтому огромная сумма идей, предметомъ которыхъ является что-либо сверхчувственное, не достовѣрны: нѣтъ Бога, нѣтъ безсмертія. Все сверхчувственное это только отвлеченія отъ чувственной реальности, все это навидумано умомъ и фантазією человѣка. „Только то истинно, дѣйствительно существуетъ, что можетъ подлежать чувственному воспріятію, что обнаруживается въ чувственной формѣ; область, лежащая за нашими чувствами, это область фантазіи и абстракціи“, говоритъ Фейербахъ ²⁾. Всѣ идеи сверхчувственнаго характера земнаго происхожденія; мать ихъ—все этотъ-же матеріальный чувственный міръ; онѣ копіи этого міра, только копіи плохія,—до того плохія, что въ нихъ остается лишь тѣнь этого міра; это можетъ выразиться сравненіемъ почти до неузнаваемости стертой монеты чувственнаго воспріятія; монета настоящая—чувственное воспріятіе. Всѣ объекты рели-

¹⁾ Въ сочиненіяхъ Фейербаха, дѣйствительно, видишь не столько логику, сколько фантазію и чувство; изложеніе поэтому живое, но нѣтъ стройности логической и глубины мысли. Лапге такъ отзывался о Фейербахѣ. „Фейербахъ никогда не возвышался до ясной логики. Первомъ его философіи, какъ и всюду въ идеалистическую эпоху, оставался мистицизмъ. Его система поэтому окутана мистическимъ туманомъ, который не въ состояніи разогнать конкретный, наглядный формы ея“. (Geschichte d. Materialismus 1866. S. 284.)

²⁾ „Erläuterungen und Ergänz. zum W. d. Chr.“. B. 1, S. 400.

гій—то, во что вѣруеть и вѣровало челоуѣчество,—„стертыя монеты“. Какая-же настоящая монета Бога? Челоуѣкъ. Матеріаломъ, изъ котораго умъ и фантазія построили понятіе Бога, послужилъ самъ челоуѣкъ. Въ религіи челоуѣкъ поклоняется себѣ самому. „Религія есть отношеніе челоуѣка къ собственному своему существу“ ¹⁾. Боги, которымъ кланялись и кланяются люди, тѣ-же челоуѣческія существа, со всѣми челоуѣческими свойствами. Все, что считаетъ челоуѣкъ за самое хорошее въ себѣ, то онъ приписываетъ и своимъ богамъ; поэтому понятіе челоуѣка о богахъ совпадаетъ съ тѣмъ понятіемъ, какое онъ имѣеть о самомъ себѣ. Богъ совпадаетъ съ представленіемъ о лучшемъ челоуѣкѣ, идеальномъ челоуѣкѣ. Богъ дикаря еще ничѣмъ не отличается отъ дикарей, боги грековъ уже гораздо выше этого рода боговъ, но и они еще подвержены челоуѣческимъ слабостямъ и порокамъ; Богъ послѣдняго культурнаго періода, христіанскій Богъ, высшій и достоѣнѣйшій изъ всѣхъ боговъ, которыхъ когда-либо чтили люди; но, вѣроятно и этотъ Богъ не послѣдній... Богъ—это, такъ сказать, показатель той духовной высоты, на которой стоитъ челоуѣкъ даннаго времени; христіанскій Богъ это—торжество челоуѣческаго самопознавія (пока), вообще—это духовное торжество челоуѣка. Въ христіанскомъ Богѣ челоуѣчество ыразило такое представленіе о челоуѣкѣ, до котораго оно прежде не доходило. Конечно, христіанское умозрѣніе, богословіе, старается изо-всѣхъ силъ замаскировать челоуѣка въ своемъ Богѣ, особенно прибавкою ко всѣмъ Его свойствамъ слова „абсолютный“, но это плохо удается ему: за всѣми умозрѣніями христіанскаго богословія о Богѣ видишь все-таки челоуѣка,—только свойства этого челоуѣка увеличены фантазіею въ безконечность. „Безконечность Бога въ религіи“, говоритъ Фейербахъ, „есть количественная безконечность; въ Богѣ содержится все, что и въ челоуѣкѣ, но въ безконечно увеличеныхъ размѣрахъ... Богъ есть чувственное существо, но отдѣленное отъ всѣхъ границъ чувственности—безпредѣльное чувственное существо. Богъ есть вѣчное бытіе, т. е. бытіе, не прерывающееся

¹⁾ „Wesen. des Christ“. S. 269.

во вся времена; Богъ бытіе вездѣ присутствующее, т. е. бытіе во всяхъ мѣстахъ; Богъ всевѣдущее существо, т. е. существо, предметомъ сознанія котораго является все бытіе безъ различія, знаніе котораго не ограничивается ни временемъ, ни мѣстомъ“¹⁾ Чтобы лучше представлять себѣ дѣло, покажемъ, въ частности, какъ Фейербахъ анализируетъ свойства вездѣприсутствія, вѣчности и всевѣдѣнія. „Вѣчность и вездѣприсутствіе чувственные свойства, ибо ими не отрицается бытіе во времени и пространствѣ; ими отрицается только ограниченіе извѣстнымъ временемъ, извѣстнымъ пространствомъ. Даже всевѣдѣніе чувственное свойство, чувственное знаніе. Религія не стѣсняется приписывать Самому Богу благороднѣйшія чувства: Богъ видитъ и слышитъ все. Но божественное всевѣдѣніе есть чувственное знаніе, отъ котораго отбрасываются существенныя признаки дѣйствительнаго, человѣческаго знанія. Мои чувства представляютъ мнѣ предметы только *со внѣ и другъ за другомъ* (въ пространствѣ и времени); но Богъ представляетъ все чувственное разомъ... Различіе между моимъ и божественнымъ знаніемъ только количественное, а не качественное“²⁾. И такъ христіанскій Богъ—тоже человѣкъ, только замаскированный; качественного, существеннаго различія между Богомъ и человѣкомъ нѣтъ и здѣсь, хотя богословіе и стремится создать его. Но это стремленіе—антирелигіозное, противное духу, существу религіи: въ религіи человѣкъ всегда выражалъ и выражаетъ тождество свое съ Богомъ; чувство тождества съ Богомъ—существенное свойство всѣхъ религій. Предметомъ его поклоненія никогда не было какое-нибудь вышечеловѣческое, сверхчувственное существо, не что-нибудь неизмѣримо и существенно большее человѣка было предметомъ его поклоненія, но самъ человѣкъ; въ религіи человѣкъ представляетъ себѣ Бога отдѣльнымъ только по бытію (*der Existenz nach*), но не по существу. Это чувство тождества человѣка съ Богомъ тѣмъ свѣжѣе, чѣмъ дальше мы восходимъ къ началу религіи и исторіи человѣчества. „Чѣмъ ближе религія къ своему началу, чѣмъ она истиннѣе, правильнѣе, тѣмъ менѣе замаскирована въ

¹⁾ „Das W. d. Chr. Ss.“ 290, 291. ²⁾ Ibidem, S. 291.

ней эта ея сущность, т. е. въ началѣ религіи совсѣмъ нѣтъ качественного или существеннаго различія между Богомъ и человекомъ. И этимъ религіозный человекъ нисколько не смущался, ибо его разумъ былъ еще въ гармоніи съ религіею“¹⁾. Это явленіе вполне понятно по самому ходу культурнаго развитія человека. Человекъ въ своей познавательной дѣятельности ближе стоитъ тамъ къ реальной, чувственной дѣйствительности, гдѣ онъ руководится только чувствами; онъ все болѣе и болѣе отрывается отъ конкретной дѣйствительности, его знанія болѣе и болѣе утончаются, становятся, такъ сказать, эфирными по мѣрѣ умственнаго развитія, способности отвлеченія и обобщенія. Поэтому наибольшая степень сходства Бога съ человекомъ въ религіи дикарей, умственное развитіе которыхъ стоитъ на самой низкой степени. Утонченіе представленія о Богѣ уже замѣтно въ религіи грековъ времени Гомера, хотя разница между богами и людьми и здѣсь еще незначительна. Въ религіи философовъ она достигаетъ максимума; вмѣстѣ съ тѣмъ тождество Бога и человека понижается до минимума. Если провести мысль Фейербаха дальше, то выйдетъ, что наступитъ время, когда религія должна прекратить свое существованіе на землѣ. Однако Фейербахъ такихъ выводовъ не дѣлаетъ; онъ не включаетъ въ естественный процессъ религіознаго развитія, не относитъ къ существу религіи все увеличивающееся по мѣрѣ умственнаго развитія различіе между Богомъ и человекомъ. Онъ объявляетъ это явленіе ненормальнымъ, противнымъ существу религіи. Въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ исключительно только и можно найти всю аргументацію Фейербаха за его главную мысль, что боги—люди. Ходъ мыслей его слѣдующій. Всякій предметъ есть не что иное, какъ только совокупность своихъ свойствъ, опредѣленій; предметъ безъ свойствъ, субъектъ безъ предикатовъ—ничто, онъ не существуетъ. Будемъ говорить словами самого Фейербаха. „Что не имѣетъ никакихъ свойствъ, то не имѣетъ и никакихъ дѣйствій на меня; что не имѣетъ дѣйствій, то и не существуетъ для меня. Уничтоженіе всѣхъ свойствъ равно-

¹⁾ Ibidem, S. 270.

сильно уничтоженію самаго существа (предмета). Существо безъ опредѣленій есть не существующее существо“ ¹⁾. Еще въ другомъ мѣстѣ: „Необходимость субъекта заключается въ необходимости предиката. Ты существуешь, ты—существо лишь постольку, поскольку ты человѣческое существо; достовѣрность и дѣйствительность твоего существованія зависятъ только отъ достовѣрности и дѣйствительности твоихъ человѣческихъ свойствъ. Поэтому отрицаніе предикатовъ есть отрицаніе субъекта. Что останется отъ человѣческаго существа, когда ты отнимешь отъ него человѣческія свойства? Даже въ разговорномъ языкѣ употребляютъ для выраженія Божественнаго существа названія божественныхъ свойствъ: промысль, премудрость, всемогущество“ ²⁾. Если такъ, то Богъ, который во всѣхъ религіяхъ имѣетъ свойства человѣческія, есть ни больше, ни меньше, какъ человѣкъ; если предикаты Божественнаго существа человѣческіе, то и субъектъ этихъ предикатовъ, Божественное существо, есть человѣческое существо. „Если рѣшено“, говоритъ Фейербахъ, „что субъектъ равнозначущъ своему предикату, т. е. что предикатъ есть истинный субъектъ, то доказано и то, что, если божественныя свойства суть свойства человѣческаго существа, то и субъектъ ихъ человѣческое существо“ ³⁾. Отсюда поэтому отрицаніе божественныхъ человѣческихъ предикатовъ Бога есть отрицаніе субъекта ихъ, Бога. А таково, въ существѣ своемъ, то, проявляющееся въ различныхъ формахъ, различеніе между Богомъ и человѣкомъ, которое является въ религіозномъ сознаніи людей культивированныхъ, у которыхъ рефлексія получаетъ преобладающее значеніе въ религіи. Отрицаютъ человѣческія свойства въ Богѣ тѣ, которые говорятъ, что Богъ больше того, что знаетъ о немъ человѣкъ, что человѣческія свойства Бога вызваны невозможностію человека познать Бога иначе, какъ только въ этой формѣ; такова мысль, что Богъ выше всякаго человѣческаго познанія, что никакой умъ не въ состояніи объять Божественнаго существа, что Богъ неисчерпаемая полнота бытія и т. п. Но всѣ подобныя мысли—плодъ богословской софистики; стрем-

¹⁾ Ibid. S. 41. ²⁾ Ibid 47. ³⁾ Ibid 54.

леніе видѣть за человѣческими свойствами Бога существо, во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо высшее, чѣмъ человѣкъ — ни больше, ни меньше, какъ скрытый атеизмъ или религіозный скептицизмъ; это „только плодъ позднѣйшаго времени, продуктъ современнаго невѣрія“ ¹⁾, ибо отрицаніе человѣческихъ предикатовъ въ Богѣ равносильно отрицанію Бога; „Богъ, который не благъ, несправедливъ, не мудръ, не есть Богъ“ ²⁾, и „только не послѣдовательностію трусости и умственной слабости можно объяснить себѣ то обстоятельство, что отрицаніе предикатовъ въ Богѣ не всегда соединяется съ отрицаніемъ лежащаго въ основѣ ихъ субъекта, т. е. Бога“ ³⁾. Кто говоритъ, что Богъ не познаваемъ, тотъ просто не хочетъ лишь знать о Богѣ. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, „когда человѣкъ всей душой своей уходитъ въ эту земную дѣйствительность, когда только эта дѣйствительность получаетъ для него значеніе существеннаго, абсолютнаго, божественнаго предмета, но вмѣстѣ съ тѣмъ еще сохраняется въ душѣ слѣдъ, остатокъ религіозности въ противорѣчіе этому душевному тяготѣнію къ землѣ. Непознаваемостію Бога человѣкъ извиняетъ предъ своею еще неугасшею совѣстію свое пристрастіе къ міру, свое пренебреженіе къ Богу; онъ отрицаетъ Бога практически, дѣломъ; онъ обращенъ всѣми мыслями и чувствами своими къ міру, но не отрицаетъ его теоретически“ ⁴⁾. Словомъ, вѣра въ абсолютное существо, по Фейербаху, есть плодъ высокой умственной культуры или низкой нравственности, грубой чувственности, привязанной къ міру внѣшнему и отвращающейся неба. Если принять во вниманіе послѣднее обстоятельство, то нужно было-бы искать вѣры въ абсолютное или въ атеизмъ, по Фейербаху, у дикарей, людей первобытныхъ (кто можетъ отрицать ихъ грубую чувственность и тяготѣніе къ земному?); но оказывается, что они-то и есть самые религіозные люди. Впрочемъ, различіе между Богомъ и человекомъ по существу (слѣдовательно нерелигіозное явленіе) можно замѣчать и въ религіи некультурныхъ народовъ, хотя источникъ его не рефлексія, какъ у народовъ позднѣйшихъ, а

1) Ibid. 41. 2) Ibid. 50. 3) Ibid. 45. 4) Ibid. S. 42.

чувство, аффектъ. Вотъ какъ говоритъ самъ Фейербахъ: „Первоначально въ религіи непознаваемость Бога (по-нѣмецки Unbegreiflichkeit) имѣетъ смыслъ только непосредственнаго, не произвольнаго выраженія аффекта. И мы въ аффектъ, вызванномъ какимъ-нибудь страшнымъ явленіемъ, восклицаемъ: это непонятно, это превышаетъ всякое понятіе, хотя послѣ, какъ пораздумаемъ, мы ни чуть не находимъ непонятнымъ предметъ, вызвавшій наше удивленіе“ ¹⁾. Мало того, если мы дальше пойдемъ за Фейербахомъ, то мы должны будемъ признать его настоящимъ представителемъ религіи, т. е. дикарей за самыхъ отчаянныхъ атеистовъ. Фейербаху понадобилось (зачѣмъ—послѣ будетъ видно) высказать ту мысль, что, хотя существу религіи противно различіе между Богомъ и человѣкомъ не по бытію только, а и по качеству, однако всюду въ религіозномъ сознаніи человечества можно прослѣдить стремленіе до непереходимой пропасти раздвинуть различіе между человѣческимъ существомъ и Божественнымъ, возвышать Бога насчетъ самаго человѣка. И это явленіе особенно встрѣчается въ тѣхъ религіяхъ, которыя имѣютъ наиболѣе грубый, чувственный характеръ, боги которыхъ болѣе походятъ на людей. „Чѣмъ ближе по существу своему Богъ къ человѣку, тѣмъ большее различіе полагается между нимъ и человѣкомъ, т. е. тѣмъ болѣе богословіемъ отрицается тождество, единство Божественнаго и человѣческаго существа, а человѣческое унижается“ ²⁾. Или: „чѣмъ субъективнѣе, человѣкообразнѣе Богъ, тѣмъ болѣе человѣкъ отказывается отъ своей субъективности, человѣчности“ (въ пользу Бога) ³⁾. Всѣмъ этимъ Фейербахъ обрекаетъ самъ древнѣйшіе народы, самые религіозные по его мнѣнію, на справедливое названіе народовъ атеистическихъ, вслѣдствіе наиболѣе грубо антропоморфическаго характера ихъ религіозныхъ вѣрованій. И такъ, не одни богословы лишь атеисты. Оказывается, что на всѣхъ ступеняхъ человѣческаго развитія съ религіею неразрывно связывается вѣра въ абсолютное существо, высшее человѣка; всюду человѣкъ отличаетъ себя отъ того существа, въ которое онъ вѣруетъ, какъ абсо-

¹⁾ Ibid. 290. ²⁾ ib. 55. ³⁾ ibid. 62.

лютное, всесовершенное, отъ ограниченнаго и конечнаго. Словомъ, выражаясь примѣнительно къ Фейербаху, религія всегда и вездѣ не была религіею, т. е. ея нѣтъ и никогда не было..

На вопросъ объ источникѣ религіи Фейербахъ даетъ два логически-непримиримыхъ между собою отвѣта, общая черта которыхъ, впрочемъ, та, что ими утверждается необходимость религіи какъ явленія, въ основѣ котораго лежатъ вѣчные, неизмѣнные законы духовной жизни человѣка.

У животныхъ нѣтъ религіи, только у человѣка есть религія. Этимъ только и отличается человѣкъ отъ животнаго. Несомнѣнно отсюда, что это отличие вытекаетъ изъ какой-нибудь духовной особенности, свойственной только человѣку и отличающей его отъ животныхъ. Это—самосознаніе; у животныхъ только сознаніе (міросознаніе), но нѣтъ самосознанія. Самосознаніе и есть источникъ, начало религіи. Происхожденіе религіи изъ самосознанія не слѣдуетъ здѣсь представлять себѣ въ формѣ какого-нибудь процесса, — нѣтъ: самое самосознаніе-то и есть религія. „Сознаніе Бога есть самосознаніе человѣка, познаніе о Богѣ есть самопознаніе человѣка“ ¹⁾. „Но религія есть сознаніе безконечнаго; поэтому она есть и не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ сознаніемъ человѣка о своемъ, именно не конечномъ, но безконечномъ существѣ“ ²⁾. Но, кажется, самъ Фейербахъ не даетъ особеннаго значенія только что изложенному нами отвѣту на вопросъ объ источникѣ религіи. Какъ было замѣчено выше, у него есть другой отвѣтъ, далеко немирящійся съ этимъ. На послѣдній отвѣтъ мы въ правѣ смотрѣть, какъ на поправку перваго: онъ помѣщенъ въ дополненіяхъ и разъясненіяхъ къ соч. „Wes. d. Chr.“, т. е. въ *Erläuterungen und Ergänzungen zum Wesen des Christenthums*, — въ сочиненіи, появившемся послѣ „Wes. d. Chr.“, гдѣ изложенъ первый отвѣтъ. Фейербахъ выводитъ здѣсь религію изъ эгоизма, источникъ религіи онъ видитъ въ явленіи общемъ человѣку и животнымъ. На теоріи эгоизма Фейербахъ останавливается съ особенною любовью, т. е. въ ней гораздо больше восклицательныхъ знаковъ, чѣмъ въ разсмотрѣнной выше.

¹⁾ Wes. d. Chr. 40. ²⁾ Ibid. 25.

Сущность этой теоріи кратко можно выразить такъ: религія — продуктъ эгоистическаго стремленія къ счастью, неудовлетворяющагося наличною дѣйствительностью. „Только въ потребностяхъ коренится религія“ ¹⁾. Божество есть любовь къ жизни, самолюбіе, эгоизмъ человѣка. Человѣкъ хочетъ быть счастливымъ, независимымъ, неограниченнымъ, всемогущимъ, словомъ онъ хочетъ быть Богомъ. Такимъ образомъ то, чѣмъ онъ самъ быть хочетъ, дѣлается существомъ, отличнымъ отъ него“ ²⁾. Еще: „религія—продуктъ несовершенства человѣческаго, несовершенства внѣшняго его положенія. Такъ какъ добродѣтель здѣсь не всегда награждается, такъ какъ вообще жизнь полна противорѣчій, то поэтому должны быть Богъ, небо. Но большая часть страданій и наиболѣе крупныя страданія зависятъ отъ самихъ же людей. Слѣдовательно, только на недостаткѣ человѣческой справедливости, любви и мудрости основываются не; обходимость и бытіе Бога“ ³⁾. Приведенными мѣстами достаточно показывается сущность теоріи. Указанный нами взглядъ Фейербаха на источникъ религіи стоитъ, конечно, въ неразрывной связи съ понятіями философа о человѣкѣ, какъ нравственной личности. Въ нравственномъ отношеніи человѣкъ эгоистъ, ибо самая жизнь уже есть эгоизмъ: жить—значитъ поддерживать свое бытіе насчетъ другихъ существъ, сущность самой жизни—эгоизмъ; поэтому эгоизмъ господствуетъ вездѣ, гдѣ есть жизнь, начиная съ нисшихъ формъ жизни и включительно до высшей—человѣка. Вездѣ эксплуатація: растеніе эксплуатируетъ воздухъ, почву, влагу, свѣтъ; животныя—растенія и другъ друга—люди—все живое и не живое, и другъ друга. Эгоизма только тамъ нѣтъ, гдѣ нѣтъ жизни. Среди людей „только мертвый не эгоистъ“. Эгоизмъ такъ или иначе кроется въ самыхъ высокихъ проявленіяхъ духа человѣческаго, на какія только способенъ послѣдній. Конечно, не себя одного человѣкъ любить,—кромѣ сердца самолюбиваго (Herz), у человѣка есть другое, альтруистическое сердце (Gemüth), есть потребность любить другихъ. Но любви въ полномъ смыслѣ слова, любви безкорыстной (interessantlos) нѣтъ; такая любовь иллюзія, ибо

¹⁾ Erläut. und Ergänz. 131. S. 208. ²⁾ ib. 362. ³⁾ ib. 381. 382.

въ любви къ другимъ всегда выражается жажда личнаго счастья, удовольствія. Любовь безъ удовольствія немислима, это — не любовь, а одно лицемеріе (въ „Erläut. и Ergänz.“ В. 1. SS. 395, 396). Но наибольшей напряженности, крайняго предѣла, дальше котораго ужъ и идти некуда, эгоизмъ или жажда личнаго счастья достигаетъ въ религіи ¹⁾. Здѣсь безуміе эгоизма; подъ кровь религіи человѣкъ несетъ самыя несбыточныя мечты, самыя безумныя желанія. Для религіи нужно, чтобы жажда счастья въ человѣкѣ разрослась до изступленной страсти, выросла въ одинъ стремительный, жгучій аффектъ, гдѣ холодный разумъ отказывается служить человѣку и человѣкъ перестаетъ разсуждать, что возможно и что нѣтъ, перестаетъ понимать себя и все его окружающее. Въ самомъ дѣлѣ, въ религіи человѣкъ требуетъ невозможнаго, онъ обращается къ религіи тогда, когда отчаявается удовлетворить своимъ желаніямъ обыкновеннымъ, естественнымъ путемъ: религія беретъ подъ свою защиту всѣ наши мечты, идеалы, стремленія, разбивающіяся о желѣзную, несокрушимую силу природы. Человѣкъ въ религіи хочетъ стать выше природы, этой равнодушной къ нему природы, не сообразующейся съ его желаніями, дающей дождь, когда нужно ведро и наоборотъ, холодъ вмѣсто тепла и т. п., — убивающей безжалостно труды земледѣльца, среди даровъ безъ разбора сыплющей несчастія: болѣзни, моръ, смерть, землетрясенія, наводненія и проч. Чего не можетъ сдѣлать человѣкъ, то дѣлаютъ за него боги: они даютъ ему дождь и ведро, когда нужно, они благословляютъ трудъ земледѣльца, они охраняютъ человѣка отъ разрушительныхъ дѣйствій стихій и т. д. Отсюда во всѣхъ религіяхъ — вѣра въ Промыслъ, гдѣ выражается стремленіе человѣка стать выше законовъ природы и вмѣстѣ съ тѣмъ эгоистическое убѣжденіе его въ своей исключительной цѣнности среди всего существующаго. „Промыслъ“, говоритъ Фейербахъ, „есть преимущество человѣка; онъ выражаетъ достоин-

¹⁾ Эгоизмъ религіозный опаснѣе всякаго другаго. „Религія не только не улучшаетъ человѣка, но она ведетъ его къ самообману, прикрывая его дѣйствія якобы высшими мотивами“ (ib. 393), ибо „въ религіи человѣкъ любитъ себя подъ именемъ Бога, а внѣ религіи подъ собственнымъ своимъ именемъ“ (ib. 363).

ство человѣка въ отличіе отъ другихъ существъ и вещей природы; онъ вырываетъ человѣка изъ законосообразной цѣлости мірозданія (Weltganze). ВѢра въ Промыслъ есть вѢра въ собственную цѣнность. Заботливость Бога въ отношеніи ко мнѣ не что иное, какъ обоготворенное самолюбіе¹⁾. Человѣку мало господства надъ природою. Въ сознаніи своего безсилія онъ хотѣлъ-бы раздавить, уничтожить этотъ міръ съ его несокрушимыми законами, чтобы лишь не стыдиться своего-то ничтожества, чтобъ не чувствовать ни откуда своего ограниченія. Отсюда христіанскій догматъ о твореніи міра изъ ничего. „Творецъ міра не что иное, какъ человѣкъ, который сознаніемъ тварности, ничтожества бытія, обезпечиваетъ себѣ собственное значеніе, истинность и безконечность... Когда ты говоришь, что міръ произошелъ изъ ничего, то ты мысленно считаешь самый міръ за ничто, возвышая тѣмъ себя, ибо міръ есть ограниченіе твоей воли, твоего сердца; только міръ стѣсняетъ (begränzt) твою душу. Ты, слѣдовательно, субъективно отрицаешь міръ..., представляешь себѣ душу, которая довольствуется лишь собою, не нуждаясь въ мірѣ и ничего не зная объ узахъ матеріи“²⁾. ВѢра въ чудеса во всѣхъ религіяхъ имѣетъ тотъ-же источникъ, что Промыслъ (ибо и Промыслъ—чудо) и догматъ о твореніи міра изъ ничего. „Чудо“, часто повторяетъ Фейербахъ, „есть объективированное супранатуралистическое желаніе“. Это—иллюзія сердца, горячія желанія человѣка, ставшія для него фактомъ. „Чудо питаетъ голоднаго, исцѣляетъ слѣпаго отъ рожденія, глухаго и хромаго, спасаетъ отъ опасностей, оживляетъ даже мертваго по просьбѣ его родственниковъ. Оно, такимъ образомъ, удовлетворяетъ человѣческимъ желаніямъ“, которыя „не терпятъ никакихъ границъ: ни законовъ, ни времени... Сила чудесная не что иное, какъ сила воображенія“³⁾. Но всего рельефнѣе сущность религіи выражается въ молитвѣ: молитва есть монологъ человѣка, молитва—это вопль сердца, этого человѣческаго бога, до безумія самонадѣяннаго въ своихъ безпредѣльныхъ желаніяхъ,—сердца, „въ сравненіи съ которымъ весь міръ съ его преле-

1) „Das Wesen d. Chr.“ S. 153. 2) *ibid.* 159. 3) *ibid.* 184.

стію и великолѣпіемъ—ничто“¹⁾. „Молитва есть безусловная увѣренность человѣческаго сердца въ абсолютномъ тождествѣ субъективнаго и объективнаго,—увѣренность, что сила сердца превосходитъ силу природы, что потребность сердца есть могучая (allsgebietende) необходимость (Nothwendigkeit), рокъ (Schicksal) міра. Молитва измѣняетъ теченіе природы (Naturlauf); Богъ по молитвѣ дѣлаетъ то, что противорѣчитъ законамъ природы. Молитва—отношеніе человѣческаго сердца къ самому себѣ, къ собственному своему существу; въ молитвѣ человѣкъ забываетъ, что есть границы его желаніямъ, и въ этомъ забвеніи находитъ свое блаженство“²⁾. Сущность молитвы исполнѣ, такимъ образомъ, выражаетъ сущность религіи. Вершины своей эгоизмъ достигаетъ въ Богѣ. Богъ это реализовавшийся эгоистъ, нашедшій себѣ полное, абсолютное удовлетвореніе; онъ—абсолютный эгоистъ, самодовольный, абсолютно блаженный; это человѣкъ, всѣ желанія котораго удовлетворены въ безконечной мѣрѣ: онъ абсолютно могучъ, все ему покорено; милуетъ и наказываетъ, кого и какъ хочетъ, абсолютно уменъ, никогда не умретъ, но наслаждается вѣчнымъ бытіемъ; міръ, люди—все прахъ передъ нимъ и проч. Послушаемъ, скрѣпя сердце, Фейербаха: „Богъ человѣка есть самолюбивое, эгоистическое существо, которое во всемъ ищетъ лишь себя самого, лишь свою честь, свою выгоду наблюдаетъ; богъ есть именно самоудовлетвореніе ко всѣмъ другимъ недоброжелательной, любви къ себѣ (Seibstichkeit), богъ—самодовольство (Selbstgenuss) эгоизма“³⁾. Богъ—удовлетвореніе всѣхъ желаній человѣка—и дурныхъ, и хорошихъ. Въ Богѣ человѣкъ пополняетъ всѣ свои несовершенства; оттого въ содержаніе понятія о Богѣ входитъ и все хорошее въ человѣкѣ, но лишь въ абсолютной мѣрѣ. „Богъ—другое я человѣка, его другая половина; въ Богѣ онъ покоится: только въ Богѣ—онъ совершенный человѣкъ. Богъ для него необходимъ, онъ связанъ съ существомъ его“⁴⁾ „Богъ—это то, чѣмъ не бываютъ люди (по крайней мѣрѣ, не всѣ и не всегда), но чѣмъ они должны

1) *ib.* 173. 2) *ibid.* 177. Поправка: „и въ этомъ забвеніи находитъ для себя блаженство“. 3) *ibid.* 58. 4) В. 1. S. 267.

быть“ ¹⁾. „Богъ есть записная книга, въ которой человѣкъ отмѣчаетъ свои высшіе чувства и мысли“ (Das Wes. d. Chr. S. 104).

Такова по существу религія человѣка. Кажется, если-бы у животныхъ было столько-же эгоизма, какъ въ человѣкѣ, то и у нихъ была-бы религія; но животные не такъ капризны и требовательны, какъ человѣкъ, довольствуясь лишь тѣмъ, что есть; человѣкъ-же хочетъ быть Богомъ.

Какъ мы видѣли выше, эта теорія Фейербаха находитъ для себя основаніе въ его не очень-то лестномъ мнѣніи о человѣкѣ, какъ эгоистѣ. Поэтому-то, можетъ быть, у него нѣтъ почти подробной аргументаціи. Аргументація его въ данномъ случаѣ не идетъ дальше тѣхъ поверхностныхъ заявленій, что де въ религіи люди ищутъ удовлетворенія своимъ нуждамъ, эгоизму (будь то нужда физическая — пища, одежда и т. д. или нравственная, все равно—эгоизму), что они не могутъ обойтись безъ религіи, что особенно обращаются къ богамъ въ нуждѣ, а какъ минетъ бѣда, и боговъ своихъ забываютъ ²⁾; находитъ намекъ на справедливость своей теоріи въ томъ историческомъ яко-бы фактѣ, что боги, религія измѣнялись по той мѣрѣ, по какой измѣнялись люди, ихъ желанія въ зависимости отъ той или иной степени культурности. „Каковы желанія человѣка, таковы и боги“ ³⁾,—вотъ его аргументъ. „Какъ отличается религіозный культъ цивилизованнаго народа отъ культа дикарей? Такъ-же, какъ пиръ какого-нибудь язычника отъ убогой трапезы эскимоса, самоѣда или остяка. Человѣкъ культурный хочетъ не односторонняго, а всесторонняго удовлетворенія въ религіи; ему хочется удовлетворить не только чрево, но и голову, не только желудокъ, но и чувства“ ⁴⁾

¹⁾ *ibid.* 382.

²⁾ „Люди особенно въ нуждѣ прибѣгаютъ къ религіи и вспоминаютъ о Богѣ, но эго-то явленіе и приводитъ насъ къ источнику религіи“. В. 1. S. 444. „Неудивительно, что язычникъ даже колотитъ и швыряетъ своихъ боговъ, когда они не помогаютъ ему. Но и христіане съ іудеями презирали языческихъ идоловъ лишь за то, что отъ нихъ, какъ бессильныхъ и безжизненныхъ произведеній человѣческой руки, нельзя ждать помощи. Они не могутъ, говорится въ Библии, помочь человѣку въ нуждѣ, не жалѣютъ ни вдовъ, ни мудрыхъ, не даютъ дождя“ и т. п. *Ibidem.* S. 375.

³⁾ В, 1. S. 483. ⁴⁾ *Ibidem.* 363.

У народа эстетическаго (каковы греки) и религія эстетическая. „Негръ плюетъ разжеваннымъ хлѣбомъ въ фивіономію истукановъ,— и это жертва; а остякъ обмазываетъ жиромъ и кровью своихъ истукановъ и набиваетъ ихъ носъ нюхательнымъ табакомъ. Какъ отвратительны эти жертвы въ сравненіи съ жертвами грековъ!“ Кажется, въ глазахъ самого Фейербаха значеніе главнаго аргумента или послылки, изъ котораго выведена раскрытая теорія, имѣетъ цѣлое его сочиненіе „Das Wesen des Christenthums“ (по крайней мѣрѣ, такую догадку позволяетъ сдѣлать его предисловіе къ этому сочиненію, стр. 10). Но краткую оцѣнку этого аргумента, вмѣстѣ съ краткимъ изложеніемъ его, мы постараемся представить ниже въ своемъ мѣстѣ. А теперь намъ остается показать, какъ Фейербахъ объясняетъ происхожденіе религіозной иллюзіи, т. е. того явленія, что мы въ религіи принимаемъ свои субъективныя представленія, мечты за явленія реальныя, дѣйствительно существующія: Богъ для насъ не мысль, а дѣйствительное существо, отдѣльное отъ насъ; безсмертіе для вѣрующаго такъ-же достовѣрно, какъ любой фактъ. Подобное явленіе, т. е. иллюзію принято считать знакомъ душевнаго разстройства, сумасшествія. Думаетъ-ли Фейербахъ, что религія своимъ происхожденіемъ обязана поголовному сумасшествію людей и лишь одни атеисты психически здоровые люди? Этому въ сочиненіяхъ Фейербаха не видно; напротивъ, онъ считаетъ иллюзію дѣломъ вполне естественнымъ и для здоровыхъ людей. Хотя онъ не посвящаетъ спеціальному объясненію религіозной иллюзіи особаго изслѣдованія, однако изъ разсѣянныхъ тамъ и сямъ по его сочиненіямъ указаній на этотъ счетъ можно до нѣкоторой степени ясно представить себѣ, какъ понимаетъ дѣло Фейербахъ. Сущность его объясненій по нашему вопросу удобно выразить его-же, нѣсколько фигурально, фразою: „слезы *сердца* только на небѣ *фантазіи* сгущаются въ облако божественнаго существа“, т. е. для иллюзіи необходимо требуются два элемента: сердце или желанія (Gemüth, Selbstsucht) и фантазія, двѣ за одно неразрывно дѣйствующія въ религіи психическія силы. Сердце обладаетъ удивительными свойствами: на свои требованія оно заставляетъ смотрѣть

человѣка, мало сказать, какъ на законъ,—и бѣтъ, какъ на фактъ, пожалуй и какъ на законъ, но такой настоятельный, принудительный, что пограничная линія между закономъ и фактомъ исчезаетъ; сердце—деспотъ, оно не любитъ разсужденій; тамъ разсудокъ молчитъ, но за то работаетъ услужливая фантазія, нелюбящая стѣснять себя чѣмъ-либо: въ угоду сердцу она безапелляціонно принимаетъ его требованія и рисуетъ ихъ нашему сознанію чѣмъ-то дѣйствительнымъ, несомнѣнно существующимъ. Эти два акта сливаются въ одинъ нераздѣльный актъ. Гдѣ сердце получаетъ преобладающее значеніе, тамъ неизбежны иллюзіи, потому что тамъ, обыкновенно, молчитъ разсудокъ, который, пожалуй, и говоритъ, но лишь въ согласіи съ сердцемъ: сердце и разсудокъ подкупаетъ въ свою пользу. Но лишь одинъ разсудокъ показываетъ человѣку, что возможно и невозможно, дѣйствительно и недѣйствительно, истинно и ложно. Безъ него человѣкъ—какъ во снѣ: различіе между субъективнымъ и объективнымъ, между мечтой собственнаго воображенія и дѣйствительностію прекращается. Указанный психологическій законъ иллюзіи Фейербахъ раскрываетъ по поводу анализа вѣры въ откровеніе (W. d. Ch. 278—289), въ чудеса (ib. 179—199) и еще анализа молитвы (171—179) ¹⁾. Если примѣнить этотъ законъ къ религіи, то окажется вполне естественнымъ, что религія представляетъ особенно удобную почву для иллюзій, безъ которыхъ она не мыслима: въ религіи ютятся самыя горячія желанія, стремленія сердца человѣческаго; она есть, если не исключительно, то преимущественно дѣло сердца, а не разсудка; а для сердца не существуетъ никакихъ законовъ дѣйствительнаго, необходимаго, возможнаго: разнузданная фантазія, которая тоже не любитъ законовъ, ограниченной себѣ, спѣшитъ представить нашему сознанію желанія, какъ фактъ. Разсудокъ молчитъ,—изобличить фантазію некому; происходитъ иллюзія. Область иллюзіи Фейербахъ раздвигаетъ очень широко,—чуть-ли не всякое желаніе, по нему, соединяется съ иллюзіею: субъективное и объективное слились въ одно что-то нераздѣльно-безразличное; границы между

¹⁾ Есть еще у него нѣсколько указаній въ этомъ родѣ, напр. S. 284 ib. S. S. 367, 445. В. 1. „Erl. u. Erg. zum W. d. Ch.“ и др.

тѣмъ и другимъ ступеваны. „Фактъ“, говоритъ Фейербахъ, „есть представленіе, въ истинѣ котораго не сомнѣваются, ибо предметъ его—дѣло не ума, но сердца, которое желаетъ; то, чего оно желаетъ, во что вѣрить, то и фактъ, непогрѣшимая истина..., словомъ—фактъ все то, что не подлежитъ сомнѣнію, по той очень простой причинѣ, что самаго сомнѣнія не существуетъ и не должно существовать“ ¹⁾. Религія—вся изъ желаній; въ ней желанія достигаютъ большей, чѣмъ гдѣ-либо, напряженности; оттого-то въ цѣломъ своемъ вся религія не что иное, какъ одна сплошная иллюзія. „Религіозное сердце не знаетъ различія между субъективнымъ и объективнымъ“ ²⁾, вотъ ея психологическая сущность. Религію можно сравнить со сновидѣніемъ, гдѣ также различіе между субъективнымъ и объективнымъ вполне отсутствуетъ. „Религія“, говоритъ Фейербахъ, „есть сновидѣніе бодрствующаго сознанія; сновидѣніе—ключъ къ тайнамъ религіи“ ³⁾.

Этимъ можно и покончить изложеніе ученія Фейербаха о религіи въ ея существѣ и происхожденіи. Изложеніе теоріи Фейербаха мы сопровождали указаніемъ на встрѣчающіяся въ ней капитальныя противорѣчія; такихъ оказалось не мало. О противорѣчійхъ детальныяхъ, мелкыхъ мы не упоминаемъ: ими богата чуть не каждая страница сочиненій Фейербаха. Мы со всѣмъ еще не касались послыловъ, на которыхъ Фейербахъ строитъ свою теорію; разсмотримъ и послылки, чтобы покончить совсѣмъ съ Фейербахомъ и болѣе къ нему не возвращаться.

П. Святловъ.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ W. d. Ch. 280. ²⁾ Ib. 278. ³⁾ Ibid. 198.

⁴⁾ Это особенно вѣрно, по Фейербаху, по отношенію къ развитію людей некультурныхъ, менѣе развитыхъ умственно. §§ 189—190 Ibid.

ИЗРЕЧЕНІЯ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ГРЕЧЕСКИХЪ МЫСЛИТЕЛЕЙ,

ВЫБРАННЫЯ ИЗЪ СОЧИНЕНІЙ

Діогена Лаэртія, Плутарха, Стобея и др.

(Продолженіе *).

11. ФЕРЕКИДЪ.

Ферекидъ, сынъ Вавія, Сиріецъ ¹⁾, былъ слушателемъ Питтака. О немъ рассказываемо было еще болѣе чудеснаго, нежели объ Эпименидѣ. Онъ считался настоящимъ прорицателемъ, предсказателемъ будущаго. По таинственному ученію своему онъ примыкалъ къ орфикамъ ²⁾. Древніе приписывали ему большое сочиненіе теогоническаго характера подъ заглавіемъ: „Семь галлерей“ или „Теогонія“, которое было полно таинственнаго ученія о происхожденіи боговъ и міра въ духѣ восточнаго языческаго вѣроученія ³⁾. Съ его именемъ соединяются слѣдующія изреченія:

Прогуливаясь однажды по берегу моря на островѣ Самосѣ и видя корабль, несшійся по морю на всѣхъ парусахъ, Ферекидъ сказалъ: немного спустя этотъ корабль потонетъ: и корабль потонулъ на его-же глазахъ.

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1885 г. № 10

¹⁾ По другимъ— Сиросецъ, т. е. происходившій съ острова Сироса, лежащаго въ Эгейскомъ морѣ между Паросомъ и Делосомъ.

²⁾ Срав. сказанное въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 18. отд. филос. стр. 257 и 262 и дал.

³⁾ Diog. L. I, 116—122.

Выпивая воду, взятую изъ одного колодца, мудрецъ сказалъ, что чрезъ три дня будетъ землетрясеніе—и землетрясеніе дѣйствительно было.

Отправляясь на Олимпійскія игры чрезъ Мессинію ¹⁾, онъ посоветовалъ жившему здѣсь Перилаю выселиться отсюда вмѣстѣ съ семьєю; но Перилай не послушался его совѣта: спустя немного времени послѣ того Мессинія занята была непріателями.

Онъ же совѣтовалъ Лакедемонянамъ не льститься ни на золото, ни на серебро, говоря, что этотъ совѣтъ внушилъ ему явившійся во снѣ Геркулесъ: и въ ту же ночь Геркулесъ, также во снѣ, далъ повелѣніе царямъ Лакедемонскимъ послушаться совѣта Ферекида.

Не задолго до смерти Ферекида возгорѣлась война между Ефесянами и Магnezійцами ²⁾. Ферекидъ желалъ побѣды Ефесянамъ. Уже больной лежалъ онъ при дорогѣ. Проходитъ мимо его какой-то человекъ. Ферекидъ спросилъ его, откуда онъ; и когда тотъ отвѣтилъ: изъ Ефеса, сказалъ ему: „ну, такъ возьми меня за ноги и перетащи на землю, принадлежащую Магnezійцамъ. Потомъ возвѣсти согражданамъ твоимъ, чтобы они похоронили меня, послѣ того какъ одержать побѣду, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ты положишь меня; при этомъ добавь, что такъ приказалъ тебѣ сдѣлать Ферекидъ“. Прохожій такъ и сдѣлалъ. Ефесяне, ободренные словами знаменитаго мудреца и предсказателя, побѣдили Магnezійцевъ, отняли у нихъ ту землю, на которой положенъ былъ Ферекидъ, и такъ какъ оказалось, что онъ уже померъ, то здѣсь-же великолѣпно похоронили его.

Сочиненіе Ферекида: *Семь галлерей* начиналось словами: „Зевсъ, время и земля были всегда“.

Ферекидъ писалъ Thalесу: „ты спокойно умрешь, когда наступитъ для тебя часъ смерти“ ³⁾.

¹⁾ Олимпійскія игры совершались на Пелопонезѣ въ Элейской области (Элидѣ), а Мессинія лежала на томъ-же полуостровѣ въ югу отъ Элиды.

²⁾ Ефесъ—городъ на берегу Средиземнаго моря въ Малой Азій; Магnezія—также городъ, лежавшій неподалеку отъ Ефеса, къ юго-востоку отъ него, въ Каріи.

³⁾ Diog. L. I, 116--119; 122.

12. АНАКСИМАНДРЪ.

Анаксимандръ, сынъ Праксиада, изъ Милета, былъ ученикъ и преемникъ Thalеса въ Ионійской философской школѣ. Такимъ образомъ время жизни его относится къ VII—VI в. до Р. Хр. Время же процвѣтанія его относятъ къ эпохѣ Поликрата, тиранна Самосскаго. Страбонъ приписываетъ Анаксимандру составленіе первой географической карты; другіе приписываютъ ему нѣкоторыя иныя изобрѣтенія по части астрономіи, географіи и т. д. Древнимъ извѣстно было и его сочиненіе „О природѣ“, до насъ не дошедшее, но служившее въ свое время главнымъ источникомъ свѣдѣній о философскихъ воззрѣніяхъ его ¹⁾. Ему приписывались слѣдующія мнѣнія и изреченія:

„Онъ говорилъ, что начало и основная стихія всего есть неопредѣленное, части котораго измѣняются, но которое въ цѣломъ остается неизмѣннымъ.

Онъ-же говорилъ, что неопредѣленное объемлетъ все и всѣмъ управляетъ и что это неопредѣленное есть Божество: ибо оно бессмертно и вѣчно.

Когда однажды онъ пѣлъ, то мальчишки смѣялись надъ нимъ. Замѣтивъ это, онъ сказалъ; значить, я долженъ пѣть лучше, нежели какъ пѣлъ при мальчишкахъ“ ²⁾.

13. ГЕРАКЛИТЪ.

Гераклитъ, сынъ Влисона или, какъ нѣкоторые говорятъ, Иракіонта, изъ Ефеса, процвѣталъ около 500 г. до Р. Хр. Онъ не вмѣшивался въ общественныя дѣла, всецѣло предавшись наукѣ вообще и въ частности философіи. О жизни его мало извѣстно, но нѣкоторыя черты его характера согласно передаются всѣми древними писателями, особенно его угрюмость, мрачность и необщительность. Когда его сограждане

¹⁾ Diog. L. II, 1—2; conf. Ciceronis, Acad. quaest. II, 37; Strabonis, Geogr. I, et. all.

²⁾ Diog. L. II, 1—2; conf. Aristotelis, Phys. III, 4; Simplicii Comment. in Arist. Phys. fol. 6; Plutarchi, De placit. phil. I, ч. II, 25 et alibi.

просили его принять участіе въ управленіи городомъ, онъ рѣшительно отказалъ имъ въ просьбѣ. Столь-же рѣшительнымъ отказомъ отвѣтилъ онъ и на приглашеніе персидскаго царя Дарія Истаспа — прибыть въ Персію и посвятить царя въ греческую мудрость. Онъ оставилъ одно только сочиненіе, которое не дошло до насъ въ цѣломъ видѣ и носило заглавіе, по однимъ: „Музы“, а по другимъ: „О природѣ“. Это сочиненіе отличалось такою темнотою по изложенію, что уже древніе называли Гераклита: *σχοτεινός* — темный. Темнота эта, впрочемъ, настолько-же зависѣла отъ необработанности языка, насколько и отъ глубины философскаго созерцанія Гераклита. Только такіе великіе умы, какъ Сократъ и Платонъ съ Аристотелемъ, понимали Гераклита и, понявъ, не могли не удивляться этой глубинѣ созерцанія. Философское ученіе Гераклита, примыкая отчасти къ ученію Іонійской школы, въ то же время отличается и своеобразностью. Основнымъ началомъ всякаго бытія онъ полагалъ происхожденіе, жизненное теченіе (*πάντα ῥεῖ*) и отсюда выводилъ всѣ отдѣльныя явленія бытія ¹⁾. Въ связи съ его личнымъ характеромъ и характеромъ его философіи находятъся и приписываемыя ему изреченія, которыя суть:

Многознаніе ума не научаетъ.

Высокомѣріе болѣе должно стараться угадать, нежели по-жарь.

Народъ долженъ не менѣе мужественно сражаться за цѣ-лость закона, какъ и за цѣлость стѣны.

Онъ очень колко отозвался объ Ефесянахъ, когда они изгнали друга его Гермодора. Именно онъ сказалъ: „Ефесяне заслуживаютъ смерти всѣ поголовно, начиная съ юношескаго возраста, послѣ чего городъ остался-бы для малолѣтнихъ. Этой кары заслуживаютъ они потому, что изгнали Гермодора, наилучшаго изъ всѣхъ ихъ, говоря: никто изъ насъ не долженъ быть наилучшимъ; а если кто оказывается таковымъ, то онъ долженъ быть въ другой странѣ и жить съ другими людьми“.

Когда граждаве ефесскіе просили его составить для нихъ законы, онъ съ пренебреженіемъ отказался отъ сего, сказавъ:

¹⁾ Diog. L. IX, 1 sqq. Ciceronis, De natura rerum I, 26, 74 et all.

что городъ живетъ слишкомъ дурною жизнью, чтобы могли улучшить ее законы.

Однажды онъ, удалившись въ храмъ Артемиды ¹⁾, игралъ тамъ съ дѣтьми; а когда Ефесяне съ любопытствомъ обступили его, онъ сказалъ: „чему вы удивляетесь, негодные? Не лучше-ли дѣлать то, что я дѣлаю, нежели управлять вами?“

Въ концѣ жизни своей Гераклитъ совсѣмъ удалился изъ города, жилъ въ горахъ и питался травою и растеніями. Отъ этого у него образовалась водянка. Тогда онъ возвратился въ городъ и прикровенно сталъ спрашивать у врачей, могутъ-ли они изъ дождливой погоды сдѣлать засуху; а когда они не поняли его загадки, онъ удалился въ коровье стойло и тамъ окопался навозомъ, надѣясь, что развивающаяся въ навозѣ теплота осушитъ избытокъ влаги въ его тѣлѣ. А Гермиппъ говоритъ, что будто Гераклитъ сказалъ врачамъ, можетъ-ли кто-нибудь изъ нихъ, сдавивъ его внутренности, выжать изъ нихъ влагу; а когда они отказывались, тогда онъ самъ легъ противъ солнца и велѣлъ дѣтямъ обмазывать его навозомъ, съ тою же цѣлю, какъ о томъ сказано выше.

Онъ былъ страненъ съ дѣтства. Будучи юношею, онъ говорилъ, что ничего не знаетъ, а будучи въ мужескомъ возрастѣ, говорилъ, что все знаетъ.

Онъ не былъ ничѣмъ слушателемъ, но говорилъ, что занимался изученіемъ лишь самого себя и все узналъ самъ собою ²⁾.

Онъ говорилъ, что все находится въ движеніи и ничто не остается на своемъ мѣстѣ: все уподобляется теченію рѣки ³⁾.

Онъ же говорилъ, что все составляется изъ огня и въ огонь разрѣшается.

Все бываетъ по опредѣленію судьбы и все приводится къ согласію чрезъ противорѣчіе.

Все полно душъ и божествъ.

Предѣловъ души,—говорилъ онъ,—никто не можетъ найги,

¹⁾ Это знаменитый ефесскій храмъ Артемиды, въ послѣдствіи сожженный Геростратомъ.

²⁾ Diog. L. IX, 1—5 Conf. Athenaci, Deipnosoph. XIII.

³⁾ Platonis, Cratyl. pag. 402 A ed. Steph.

какимъ бы путемъ ни пошелъ для отысканія ихъ: такъ глубоко основаніе ея.

Онъ же говорилъ, что самопѣніе есть Богомъ посылаемая болѣзнь и что зрѣніе обманываетъ человѣка.

Измѣненіе есть всеобщій путь, и міръ произошелъ благодаря такому измѣненію.

Когда кто-то спросилъ Гераклита, для чего онъ молчитъ, то философъ отвѣтилъ: для того, чтобы вы говорили ¹⁾.

Невѣжество,—говорилъ Гераклитъ,—лучше скрывать; но это трудно при слабоуміи и подъ вліяніемъ вина.

Собаки лаютъ на того, кого не знаютъ.

Два раза быть въ одной и той же рѣкѣ невозможно: ибо при вторичномъ погруженіи текутъ уже инныя воды. Такъ точно и смертное существо не можетъ быть дважды осязаемо въ одномъ и томъ же состояніи. Быстрота и скорость измѣненія способствуетъ то расторженію частей его, то обратному соединенію ихъ; или лучше сказать, здѣсь вѣтъ послѣдовательности моментовъ; здѣсь все вмѣстѣ составляетъ и исчезаетъ, прибываетъ и убываетъ. Такимъ образомъ никогда не прекращается и не останавливается процессъ происхожденія.

Прекрасно сказалъ Гераклитъ, что души въ аду имѣютъ тотъ или другой запахъ.

Смерть огня есть рожденіе воздуха, а смерть воздуха есть рожденіе воды.

Солнце не преступитъ мѣры своей; иначе Эриніи, блюстительницы правосудія, отыщутъ и накажутъ его.

Гармонія міра также измѣнчива, какъ гармонія лиры и лука, испускающаго стрѣлы.

Невидимая гармонія лучше видимой, ибо въ ней Богъ сокрылъ и заключилъ соединенными вмѣстѣ различія и разнообразіе тоновъ.

Мертвые трупы больше заслуживаютъ того, чтобы ихъ выбрасывать, нежели навозъ.

Одна только есть истинная мудрость, заключающаяся въ томъ, чтобы познавать умъ, всѣмъ чрезъ все управляющій.

¹⁾ Diog. L. IX, 7—8; 12; conf. Stobei, Florilegium, serm XXXVIII; XXI et all.

Самая мудрая душа есть какъ бы сухой блескъ молніи, проникающей чрезъ тѣло.

Глупый человѣкъ обыкновенно боится всякаго слова ¹⁾

Складъ мыслей человѣка зависитъ отъ Божества.

Гераклитъ вмѣсто того, чтобы гнѣваться, обыкновенно плакалъ.

Сколько я ни слушалъ людей,—говорилъ Гераклитъ,—никто не приходилъ къ признанію того, что мудрость заключается въ удаленіи отъ всѣхъ и всего ²⁾.

14. АНАКСАГОРЪ.

Анаксагоръ, сынъ Игсивула или, по другимъ, Еввула, происходилъ изъ Клазоменъ ³⁾. Родился онъ около 500 г. до Р. Хр. Рано отказавшись отъ занятія какихъ-бы то ни было общественныхъ должностей, онъ всецѣло посвятилъ себя наукамъ и особенно философіи, для чего много путешествовалъ. Во время своего путешествія онъ прибылъ около 456 г. до Р. Хр. и въ Аѣны, въ самое цвѣтущее время дѣятельности Перикла, съ которымъ вскорѣ вошелъ въ дружескія отношенія. Онъ первый перенесъ философское ученіе Іонійской школы изъ Малой Азіи въ материковую Грецію и именно въ Аѣны,—важнѣйшій въ то время центръ просвѣщенія и политическаго могущества греческой націи. Въ Аѣнахъ его учениками были между прочими Еврипидъ и Ѳукидидъ. Многимъ однакоже не нравилось его философское ученіе, состоявшее въ признаніи безчисленнаго количества безконечно малыхъ частицъ (оміомерій), изъ которыхъ, силою и дѣйствіемъ высочайшаго разума, образовалось и развилось все существующее. Онъ былъ обвиненъ въ безбожій. Его философское со-

¹⁾ Plutarchi, Conviv. disput. lib. III, init. IV, 4; De auditione, cap. 7; An seni sit ger. resp. cap. 7. De ei apud Delphos, cap. 18; Quaest. Nat. 2; De facie in orb. lun. cap. 28; De exsilio, cap. 11; De Isid. et Osir. cap. 45; De animae proireat. cap. 27; Romul. cap. 28; De audiendis poëtis cap. 8. Conf. Stobei, Florileg. serm. XVII.

²⁾ Stobei, Floril. serm. III; XX; CII.

³⁾ Іонійская колонія на берегу Средиземнаго моря въ Малой Азіи, близъ Смирны.

чиненіе: „О природѣ“ было сожжено публично и самъ онъ, только благодаря вліянію Перикла, избавился отъ смерти, на которую осужденъ былъ народнымъ собраніемъ, заплатившись лишь изгнаніемъ изъ Аѳинъ. Остатокъ дней своихъ онъ провелъ въ Лампсакѣ, гдѣ и умеръ на 72 году своей жизни, въ 428 г. до Р. Хр. ¹⁾. Вотъ между прочими мнѣнія и изреченія Анаксагора:

„Всѣ вещи,—говорилъ онъ,—были соединены вѣкогда въ одно, будучи безчисленны и весьма малы. Всѣ эти вещи обнималъ воздухъ и эфиръ, которые оба безпредѣльны. Въ воздухѣ-же и эфирѣ всѣ ихъ распредѣлил и расположилъ въ порядкѣ разумъ.

Неправильно говорятъ,—высказывалъ онъ,—что рождается что-либо и умираетъ. Ничто не рождается и не умираетъ, а только соединяется съ другимъ чѣмъ-либо или отдѣляется отъ него. Это-то соединеніе и называютъ рожденіемъ, а отдѣленіе—умираніемъ.

Отдавъ все свое наслѣдственное имущество роднымъ и имъ же упрекаемый въ небреженіи о немъ, онъ сказалъ имъ: почему-же сами вы не заботитесь объ этомъ имуществѣ?

Не заботясь ни объ имуществѣ, ни о дѣлахъ общественныхъ, ради созерцанія природы, Анаксагоръ былъ укоряемъ кѣмъ-то въ такомъ небреженіи объ интересахъ отечества. На эту укоризну философъ отвѣчалъ: напротивъ, я очень забочусь объ отечествѣ, и при этомъ указалъ на небо.

Когда кто-то спросилъ его, будутъ-ли когда-либо Лампсакскія горы морскимъ дномъ ²⁾, онъ отвѣтилъ: будутъ, если на то достанетъ времени.

Когда его спросили о томъ, для чего онъ родился на свѣтъ, онъ отвѣтилъ: для созерцанія солнца, луны и неба.

Когда кто-то, по изгнаніи Анаксагора изъ Аѳинъ, замѣтилъ ему: ты лишился Аѳинянъ, онъ на это сказалъ: вѣтъ, они лишились меня.

¹⁾ Diog. L. II, 6—15; conf. Ciceronis, De orat. 3, 34; Tuscul. 3, 14 et all.

²⁾ Лампсакъ лежалъ на возвышенности, омываемый водами Геллеспонта.

Увидѣвъ знаменитый надгробный памятникъ Мавзола ¹⁾, философъ сказалъ: этотъ многоцѣнный надгробный памятникъ есть образъ богатства, обращеннаго въ камень.

Когда какой-то больной высказывалъ тягостное чувство по случаю того, что ему приходится умирать на чужбинѣ, Анаксагоръ замѣтилъ: изъ всѣхъ мѣстъ сходъ въ преисподнюю одинаковъ.

Когда Анаксагору возвѣстили объ осужденіи его самого на смерть и вмѣстѣ съ тѣмъ о смерти дѣтей его, онъ выразился относительно перваго извѣстія: „и судей моихъ и меня уже давно осудила на смерть природа“, а относительно втораго: „я зналъ, что родилъ дѣтей смертными“.

Когда, передъ смертію философа въ Лампсакѣ, начальники городскаго управленія спрашивали его, что могли-бы они сдѣлать для него послѣ его смерти, онъ сказалъ: „дозвольте дѣтямъ ежегодно, въ мѣсяцъ смерти моей, производить игры“ ²⁾.

Ц. Ж.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Мавзолъ былъ царь мало-азійской области Каріи и жилъ во времена Ксеркса, царя персидскаго (въ V в. до Р. Хр.). По смерти его, супруга его Артемизія поставила ему богатѣйшій надгробный памятникъ въ Галкарнассѣ. Этотъ памятникъ потому и получилъ названіе Мавзолея.

²⁾ Simplicii, Comment. in Aristot. Phys. fol. 33—34, Diog. I. II, 7—8: 10—11; 13—14; conf. Stobei, Florilegium, Serm. CVI.

ЛИСТОКЪ

• Д Л Я

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

30 Іюня № 12. 1885 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода. — Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго общества. — Разрядный списокъ воспитанниковъ Харьковской духовной семинаріи послѣ годичныхъ испытаній за 1884 и учебный годъ. — Епархіальныя извѣщенія. — Списокъ лицъ, утвержденныхъ епархіальнымъ начальствомъ въ должности наблюдателей за правильнымъ ходомъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ. — Пожертвованіе въ пользу церковно-приходской школы. — Отъ правленія Купянскаго духовнаго училища. — Отъ Харьковскаго Епархіальнаго женскаго училища. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 10-го — 22-го мая 1885 года, за № 976, о порядкѣ замѣщенія должностей законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенную г. товарищемъ синодальнаго Оберъ-Прокурора копию съ предложенія министра народнаго просвѣщенія попечителю Московскаго учебнаго округа, касательно точнаго исполненія правилъ о порядкѣ замѣщенія должностей законоучителей въ учебныхъ заведеніяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Въ означенной копіи изъяснено: по дѣйствующимъ уставамъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія законоучители и преподаватели закона Божія избираются по предварительному соглашенію съ епархіальнымъ начальствомъ, изъ лицъ какъ имѣющихъ духовный санъ, такъ и не имѣющихъ онаго, но получившихъ образованіе въ духовныхъ семинаріяхъ и академіяхъ. На семъ основаніи учебнаго начальства, по избраніи кандидата для замѣщенія открывшейся вакансіи законоучителя или преподавателя закона Божія въ одномъ изъ низшихъ, среднихъ или высшихъ заведеній, должны входить въ сношеніе съ мѣстнымъ преосвященнымъ объ изъясненіи имъ своего согласія на

утвержденіе избраннаго лица въ должности. Между тѣмъ, изъ полученнаго въ министерствѣ отзыва управляющаго однимъ изъ учебныхъ округовъ видно, что вслѣдствіе ходатайства кандидата духовной академіи, о представленіи ему мѣста законоучителя въ учительской семинаріи, начальствомъ сего заведенія, ранѣе сношенія съ подлежащимъ епархіальнымъ начальствомъ, было объявлено просителю, что просимое мѣсто онъ можетъ получить по посвященіи его въ санъ священника. Находя, съ своей стороны, что въ данномъ случаѣ было допущено отступленіе отъ установленнаго закономъ порядка замѣщенія должностей законоучителей, министръ народнаго просвѣщенія просилъ попечителя того учебнаго округа предложить начальникамъ заведеній этого округа на будущее время въ точности руководствоваться существующимъ на сей предметъ требованіемъ уставовъ. Приказали: О вышеизъясненномъ предложеніи министра народнаго просвѣщенія попечителю одного изъ учебныхъ округовъ относительно назначенія законоучителей въ учебныя заведенія, напечатать для свѣдѣнія по духовному вѣдомству въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, для чего и сообщить редакціи сего журнала по принятому порядку.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ мартѣ мѣсяцѣ сего 1885 года поступило: отъ Ольги Павловны Кавказицовой 10 р., собрано священникомъ Александромъ Лонгиновымъ отъ разныхъ лицъ 1 р. 64 к., собрано священникомъ Іоанномъ Стефановскимъ 36 коп., собрано священникомъ Африканомъ Червонецкимъ отъ разныхъ лицъ 4 р. 15 к., получено отъ семинарской Іоанно-Богословской церкви 4 р. 80 к., получено кружечнаго сбора отъ церквей 2 округа Ахтырскаго уѣзда 8 р. 2 к., священникъ Григорій Хижняковъ 3 р., собрано священникомъ Василиемъ Яновскимъ отъ разныхъ лицъ 2 р., священникъ Александръ Малишевскій 3 р., священникъ Павелъ Санжаревскій 3 р., чрезъ него же отъ разныхъ лицъ 1 р. 60 к., священникъ Георгій Стаховскій 3 р., священникъ Леонтій Кухановскій 3 руб., церковный староста Иванъ Тещенко 3 р., священникомъ Николаемъ Авксентьевымъ собрано отъ разныхъ лицъ 4 р. 5 к., священникъ Николай Яковлевъ 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 3 р. 24 к., священникъ Павелъ Щербина 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ

2 р., священникъ Георгій Бородаевъ 3 р., чрезъ него-же отъ разныхъ лицъ 2 р., Алексѣй Петровичъ Сахаровъ 3 р., Анисимъ Петровичъ Красниковъ 3 руб., собрано священникомъ Василиемъ Полтавцевымъ отъ разныхъ лицъ 14 р 50 к., священникъ Григорій Проскурниковъ 3 р., священникъ Василій Ѳедоровъ 3 р., церковный староста Григорій Головченко 3 р., собрано священникомъ Василиемъ Ѳедоровымъ отъ разныхъ лицъ 4 р., священникъ Петръ Стеллецкій 3 р. Итого въ мартѣ мѣсяцѣ 1885 г. поступило 107 р. 36 к. А всего съ поступившими съ 1 января 1885 года 2352 р. 68 к.

Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ.

Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей или-же одновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

РАЗРЯДНЫЙ СПИСОКЪ

воспитанниковъ Харьковской Духовной Семинаріи, составленный послѣ годовыхъ испытаній за 1884/5 учебный годъ.

VI класса.

Окончившіе курсъ семинаріи:

Разрядъ I-й: 1. Скубачевскій Петръ, Пономаревъ Иванъ, Арефьевъ Василій—за отличные успѣхи и поведеніе награждаются медалями, Ковалевскій Григорій, 5. Никулищевъ Дмитрій—награждаются книгами, Вахнинъ Георгій, Бѣлоусовъ Гавріиль, Евецкій Александръ, Торанскій Иванъ, 10. Покровскій Василій.

Разрядъ II-й: Бѣляевъ Александръ, Мартиновичъ Яковъ, Шосте Николай, Тимоеевъ Павелъ, 15. Павловскій Александръ, Николаевскій Григорій, Подольскій Иванъ, Яковлевъ Иванъ, Лукашевъ Петръ, 20. Агнивцевъ Павелъ, Мухинъ Петръ, Москалевъ Ѳедоръ, Лихницкій Иванъ, Кохаповъ Михаилъ, Дюковъ Павелъ. Безъ причисленія къ разряду—26. Ревскій Иванъ, діаконъ.

V класса.

Переводятся въ VI классъ:

Разрядъ I-й: 1. Жадановскій Андрей, Станиславскій Алексѣй, Пономаревъ Михаилъ—награждаются книгами, Грековъ Василій, 5. Рудинскій Егоръ.

Разрядъ II-й: Филевскій Иванъ, Дашкiевъ Леонидъ, Доброславскій Алексѣй, Флоринскій Василій, 10. Краснокутскій Алексѣй, Ильинскій Стефанъ, Рудинскій Алексѣй, Филевскій Александръ, Леонтовичъ Павелъ, 15. Доброславскій Николай, Чебановъ Владимiръ, Царевскій Василій, Мощенковъ Николай, Лавденковъ Сергѣй, 20. Самойловъ Николай, Стефановъ Яковъ, Жадановскій Алексѣй, Флоринскій Викторъ, Оедоровъ Иванъ. Безъ причисленія къ разряду: Инноковъ Алексѣй, 26. Козьменко Стефанъ.

IV класса

Переводятся въ V классъ:

Разрядъ I-й: 1. Поповъ Данилъ, Ооминъ Петръ—награждаются книгами, Поповъ Михаилъ, Каплуненко Димитрій.

Разрядъ II-й. 5. Навродскій Димитрій, Петровъ Моисей, Пономаревъ Леонидъ, Стеллецкiй Петръ, Посельскiй Сергѣй, 10. Жуковскiй Константинъ, Артемьевъ Стефанъ, Бугуцкiй Иванъ, Оедоровскiй Андрей, Сапухинъ Иванъ, 15. Рубинскiй Николай, Крохатскiй Стефанъ, Линицкiй Владимiръ, Поповъ Иванъ, Браяловскiй Иванъ, 20. Черняевъ Антонъ, Сушковъ Василій, Любарскiй Яковъ 2-й, Котляревскiй Иванъ, Колосовскiй Иванъ, 25. Касьяновъ Иванъ, Торанскiй Александръ, Гумилевскiй Николай, 28. Рогальскiй Михаилъ.

Допускаются къ перекэзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Бондаревъ Илья, 30. Трипольскiй Поликарпъ—по обзору философскихъ ученiй, Дмитрiевъ Сергѣй, Лазаревскiй Митрофанъ, Сукачевъ Василій, Ковалевскiй Иванъ—по физикѣ. Сверхъ сего Лазаревскiй допускается къ написанiю греческаго упражненiя, Сукачевъ—къ написанiю русскаго сочиненiя, Ковалевскiй—къ написанiю двухъ русскихъ сочиненiй—по Священному Писанiю и по обзору философскихъ ученiй, 35. Евецкiй Яковъ, Крутьевъ Митрофанъ, Навродскiй Александръ—по греческому языку, послѣднiе два съ написанiемъ греческаго упражненiя; Горбачевскiй Оедоръ, Гладковъ Зиновiй, Любарскiй Яковъ I-й—къ написанiю экзаменнаго русскаго сочиненiя, 41. Грековъ Оедоръ удостоивается перевода въ V-й классъ подъ условiемъ сдачи экзамена по церковному пѣнiю послѣ каникулъ.

III класса

Переводятся въ IV классъ:

Разрядъ I-й: 1. Раевскiй Иванъ, Чебановъ Григорiй—награждаются книгами, Протополовъ Стефанъ, Слюсаревъ Димитрій.

Разрядъ II-й: 5. Мураховскiй Стефанъ, Никулищевъ Егоръ, Ковалевъ Михаилъ, Гогинъ Иванъ, Соколовъ Николай, 10. Чаговцевъ Андрей, Лю-

барскій Алексѣй, Перцовъ Сергѣй, Клечновъ Михаилъ, Самойловъ Павелъ, Пестряковъ Поликарпъ, Кузнецовъ Григорій, Рокитянскій Ивацъ, Никулицевъ Пиколай, 20. Щербина Петръ, Клементьевъ Тихонъ, Поповъ Владиміръ, Орловъ Михаилъ, Юшковъ Михаилъ, Твердохлѣбовъ Николай, Чижевскій Лука, 27. Данилевскій Дмитрій.

Допускается къ экзамену по всемъ предметамъ послѣ каникулъ:

Соколовскій Дмитрій.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Колосовскій Михаилъ,—по Священному Писанію и русской гражданской исторіи, съ написаніемъ экзаменнаго русскаго сочиненія.

30. Гончаревскій Аполлонъ—по логикѣ и латинскому языку, Сокольскій Сергѣй—по логикѣ и греческому языку, Хижняковъ Павелъ—по русской гражданской исторіи и греческому языку, Александровъ Григорій, Кирилловъ Александръ—по греческому языку съ написаніемъ греческаго упражненія, послѣдній сверхъ того и по церковному пѣнію, 35. Полтавцевъ Антонъ—по греческому и латинскому языкамъ, съ написаніемъ латинскаго упражненія, Цюмаревъ Ивацъ, Синеоковъ Петръ—къ написанію экзаменнаго русскаго сочиненія. Томашевскій Василій, 39. Яковлевъ Александръ—будутъ переведены въ IV й классъ, если сдадутъ экзаменъ по церковному пѣнію послѣ каникулъ.

II нормальнаго класса

Переводятся въ III-й классъ:

Разрядъ I: 1. Горбуновъ Василій—награждается книгою, Пряходьковъ Арсеній, Соколовскій Василій.

Разрядъ II-й: Щепинскій Александръ, 5. Лобковскій Иванъ, Лукашевъ Василій, Стаховскій Алексѣй, Панкратьевъ Федоръ, Арефьевъ Николай, 10. Полянскій Никифоръ, Юрченко Василій, Горавицъ Иванъ, Артюховскій Алексѣй, Матвѣевъ Тимошей, 15. Кибальниковъ Федоръ, Мигулицъ Константинъ, Ильинскій Павелъ, Анисимовъ Никандръ, 19. Ракшевскій Евгений.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Сукачевъ Василій, Лашенко Федоръ—по Свящ. Писанію, Бѣляковъ Аристархъ, Посельскій Порфирій—по Священному Писанію и математикѣ, Оружинскій Венедиктъ—по Священному Писанію и нѣмецкому языку, 25. Панкратьевъ Евменій—по математикѣ, Кибальниковъ Константинъ—по греческому и французскому языкамъ.

Остается въ томъ же классѣ по малоуспѣшности:

27. Илларионовъ Ксенофонтъ.

II параллельнаго класса

Переводятся въ III классъ:

Разрядъ I-й: 1. Мухинъ Николай.

Разрядъ II-й: Котляревскій Михаилъ, Акимовъ Иванъ, Быковъ Адрианъ, 5. Смирнскій Александръ, Васильковскій Михаилъ, Яновскій Александръ, Василевскій Иванъ, Веселовскій Николай, 10. Навродскій Алексѣй, Мощенковъ Александръ, Мухинъ Ѳедоръ, Волобуевъ Егоръ, Титовъ Петръ, Юрченко Александръ, 16. Смирновъ Михайлъ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Гревизирскій Стефанъ—по словесности, Левандовскій Алексѣй—по словесности и греческому языку, съ написаніемъ греческаго упражненія, Филевскій Евсигней—по всеобщей гражданской исторіи, Евфимовъ Викторъ—по латинскому письменному упражненію.

Оставляется въ томъ же классѣ по малоустыжности:

21. Бутковскій Стефанъ.

I-го нормальнаго класса

Переводятся во II-й классъ:

Разрядъ I-й: 1. Эвенховъ Иванъ, Ястремскій Василій—награждаются книгами, Лисенко Яковъ.

Разрядъ II-й: Ситенко Василій, 5. Григоренко Михаилъ, Слюсаревъ Илья, Королевъ Игнатій, Ѳедоровъ Константинъ, Мухинъ Андрей, 10. Завадовскій Ѳедоръ, Ткаченко Филиппъ, Войтовъ Михаилъ, Ѳоминъ Павелъ, Найдовскій Яковъ, 15. Клементьевъ Сергій, Чиркинъ Стефанъ, Ковалевскій Александръ, Давидовскій Алексѣй, Чудновскій Семень, 20. Титовъ Владиміръ, Даневскій Яковъ, Фисенко Владиміръ, Рогальскій Василій, Чебановъ Георгій, 25. Сулима Ѳедоръ.

Допускаются къ переекзаменовкѣ послѣ каникулъ:

Лазаревскій Сергѣй, Бутковскій Александръ—по латинскому языку, послѣдній съ написаніемъ латинскаго упражненія, Черняевъ Павелъ—по греческому языку, съ написаніемъ греческаго упражненія, Мухинъ Сергѣй, 30. Стахевичъ Яковъ—по греческому письменному упражненію, Смирнскій Виссаріонъ—по нѣмецкому языку, Мухинъ Николай—по математикѣ и греческому языку, съ написаніемъ греческаго упражненія. Цовомаревъ Петръ—по словесности и по греческому письменному упражненію, 34. Григоревичъ Андрей—по математикѣ, гражданской исторіи и греческому письменному упражненію.

I-го параллельнаго класса переводятся

во II-й классъ:

Разрядъ I-й: 1. Малиженовскій Николай—награждается книгою, Быковъ Антоній, Сукачевъ Василій, Капустинъ Николай, 5. Фаворовъ Николай.

Разрядъ II-й: Оеденко Θεоктистъ, Вышемирскій Павелъ, Мещеряковъ Стефанъ, Субботинъ Александръ, 10. Навродскій Петръ, Торанскій Георгій, Щепинскій Николай, Ястремскій Никслай, Ильинскій Иванъ, 15 Щербина Митрофанъ, Бѣляковъ Петръ, Загурскій Владиміръ, Агнвицевъ Евлампій, Черняевъ Елеазаръ, 20. Загурскій Веніаминъ, Волобуевъ Владиміръ, Ветуховъ Михайль, Шебатинскій Яковъ.

Допускается къ экзамену послѣ каникулъ:

Ципенко Фодоръ, по французскому языку.

Допускаются къ переэкзаменовкѣ послѣ каникулъ:

25. Дзюбановъ Николай—по русскому сочиненію, Калюжный Николай—по нѣмецкому языку, Курганскій Иванъ, Поповъ Георгій, Склабинскій Петръ—по греческому языку, послѣдніе два съ записаніемъ греческаго упражненія, 30. Щербина Тимофей—по греческому письменному упражненію, Петровскій Иванъ—по гражданской исторіи, Фальченко Михайль—по греческому и нѣмецкому языкамъ.

Увольняется изъ семинаріи по прошенію:

33. Логвиновъ Василій.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Въ Москвѣ существуетъ періодическое изданіе профессора *Субботина* „Братское слово“, посвященное исключительно изслѣдованію старообрядческаго раскола. Изданіе это единственное въ своемъ родѣ и должноствовало-бы служить необходимымъ пособіемъ и руководствомъ для всѣхъ лицъ, призванныхъ къ просвѣтительной дѣятельности посреди раскольничьяго населенія; но и независимо отъ практическихъ цѣлей, оно по содержанію своему представляетъ живой интересъ для всѣхъ читателей, интересующихся состояніемъ раскола въ Россіи. Изданіе это слѣдитъ постоянно за всѣми замѣчательными явленіями въ средѣ раскола, въ особомъ отдѣлѣ: „Лѣтопись происходящихъ въ расколѣ событій“, и въ немъ помѣщаются сочиненія архимандрита Павла, изъ коихъ нѣкоторыя (какъ напр. „Наставленіе православному священнику, что нужно для успѣха въ обращеніи

глаголемыхъ старообрядцевъ“, и „Краткія извѣстія о существующихъ въ расколѣ сектахъ“) существенно необходимы для духовенства, въ средѣ раскола дѣйствующаго.

Къ прискорбію оказывается, что это изданіе, столь необходимое по своему значенію, весьма мало распространено въ средѣ духовенства, причиною чего служатъ, безъ сомнѣнія, отчасти невѣдѣніе объ немъ, а отчасти равнодушіе.

Признавая распространеніе этого изданія въ средѣ духовенства весьма полезнымъ, Его Преосвященство, вслѣдствіе отношенія г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, приглашаетъ оо. настоятелей церквей и монастырей Харьковской епархіи, особенно тѣхъ мѣстностей, гдѣ существуетъ расколъ, къ подпискѣ на означенное изданіе, какъ необходимое пособіе и руководство для всѣхъ лицъ, призванныхъ къ просвѣтительной дѣятельности.

Журналъ „Братское слово“ выходитъ книжками по 2 въ мѣсяцъ, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, и стоитъ съ пересылкою шесть рублей въ годъ. Подписчики обращаются въ Редакцію, въ Сергіевомъ посадѣ Московской губерніи.

— Священникъ Рождество-Богородичной церкви села Михайловки, Лебедянского уѣзда, *Іоаннъ Ступницкій* награжденъ набедренникомъ.

— На праздное священническое мѣсто къ Николаевской церкви слободы Грушевахи, Изюмскаго уѣзда, переимѣненъ священникъ Успенскаго молитвеннаго дома селенія Гречишкина, Старобѣльскаго уѣзда, *Іоаннъ Оглоблинъ*.

— На праздное священническое мѣсто къ Константино-Еленовской церкви Харьковскаго дѣтскаго приюта, опредѣленъ священникъ Преображенской церкви слободы Панъ-Ивановки, Харьковскаго уѣзда, *Василій Любчинскій*.

— Псаломщикъ діаконъ Георгіевской церкви слободы Барвенковой, Изюмскаго уѣзда, *Павелъ Ѳедоровскій* утвержденъ штатнымъ діакономъ при сей-же церкви; на мѣсто-же его опредѣленъ къ той церкви псаломщикомъ учитель сельскаго народнаго училища, *Константинъ Сокальскій*.

— Псаломщикъ Василювской церкви села Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда, *Илья Жуковъ* посвященъ въ санъ діакона и опредѣленъ штатнымъ діакономъ при сей церкви.

— Псаломщикъ Троицкой церкви слободы Охочей, Зміевскаго уѣзда, діаконъ *Григорій Мухинъ* утвержденъ штатнымъ діакономъ при означенной церкви.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви села Алексѣевского, Зміевскаго уѣзда, діаконъ *Василій Протопоповъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ при означенной церкви.

— Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви села Караванскаго, Валковскаго уѣзда, діаконъ *Семенъ Чумаковъ* опредѣленъ штатнымъ діакономъ при означенной церкви.

— Псаломщикъ Волчанской соборной Троицкой церкви, *Алексѣй Краснокутскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Рождество-Богородичной церкви села Губаровки, Богодуховскаго уѣзда.

— Священническій сынъ *Василій Збукаревъ* опредѣленъ на праздное псаломщическое мѣсто къ Екатерининской церкви села Поличковки, Богодуховскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Троицкой церкви села Проруба, Сумскаго уѣзда, *Стефанъ Сиренко* 5 іюня н. г. посвященъ въ стихарь.

— Священническій сынъ *Иванъ Орловъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Георгіевской церкви села Филенкова, Богодуховскаго уѣзда.

— Уволенный изъ средняго отдѣленія семинаріи, *Теодосій Кириченко* опредѣленъ псаломщикомъ къ Николаевской церкви слободы Царе-Борисовой, Изюмскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ въ Харьковскомъ духовномъ училищѣ, *Александръ Краснокутскій* опредѣленъ псаломщикомъ къ Троицкой церкви города Славянска.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Константино-Еленовской церкви Харьковскаго дѣтскаго приюта опредѣленъ исправляющимъ должность псаломщика, окончившій курсъ въ Ахтырскомъ духовномъ училищѣ, *Михаилъ Томашевскій*.

— Псаломщикъ діаконъ Іоанно-Богословской церкви слободы Шандроголовой, Изюмскаго уѣзда, *Сергій Кунцынъ*, утвержденъ штатнымъ діакономъ при оной церкви.

— Награждены: священникъ Николаевской церкви слободы Дергачей, Харьковскаго уѣзда, *Трофимъ Антоновъ* набодренникомъ; похвальнымъ листомъ церковный староста Архангело-Михайловской церкви села Пересѣчнаго, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Григорій Кадиробъ* за долготѣльную и усердную службу; преподано архипастырское благословеніе церковному старостѣ Николаевской церкви слободы Гіевки, Харьковскаго уѣзда, землевладѣльцу *Евгенію Чекалову* за усердіе и пожертвованія.

— Утверждены штатными діаконами: къ Преображенской церкви слободы Преображенской, Купянскаго уѣзда, діаконъ *Іоаннъ Мусинъ*; къ Рождество-Богородичной церкви села Удѣ, Харьковскаго уѣзда, діаконъ *Іоаннъ Сильванскій*; къ Петро-Павловской церкви слободы Дружелюбовой, Купянскаго уѣзда, діаконъ *Гаврилъ Поповъ*.

— Утверждены церковными старостами: къ Преображенской церкви села Пянь-Ивановки, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Стефанъ Стрѣльничъ* на 1-е трехлѣтіе; къ Николаевской церкви слободы Наугольновки, Купянскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Пузинъ* на 1-е трехлѣтіе; къ Крестовоздвиженской церкви слободы Черкасско-Лозовой, Харьковскаго уѣзда, крестьянинъ *Иванъ Ткаченко* на 4-е трехлѣтіе; утвержденъ катихизаторомъ 2-го округа Харьковскаго уѣзда, священникъ села Пересѣчнаго, *Александръ Вертловскій*; старостою къ Георгіевской церкви села Воробьевки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Антоній Бражничъ*; старостою къ Георгіевской церкви села Степановки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Тимоей Варуха*; старостою къ Владимірской церкви села Могрицы, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Павель Деменко*; старостою къ Преображенской церкви села Гречаяковки, Сумскаго уѣзда, утвержденъ крестьянинъ *Глѣбъ Мироненко*; крестьянинъ *Семень Соломка* утвержденъ церковнымъ старостою къ Покровской церкви слободы Алисовки, Изюмскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе; Харьковский купецъ *Леонтій Яковлевичъ Поповъ* утвержденъ церковнымъ старостою къ Христо-Рождественской церкви г. Харькова на второе трехлѣтіе.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а

Діаконскія: 1) при Троицкой церкви слободы Крючковъ, Изюмскаго уѣзда; 2) при Успенской церкви слободы Бѣлокуракина, Старобѣльскаго уѣзда; 3) При Иоанно-Предтечевской церкви въ слободѣ Основѣ, Харьковскаго уѣзда.

— *Цесаломшицкія*: 1) при Николаевской церкви слободы Боровеньки Старобѣльскаго уѣзда; 2) при Богородичной церкви въ селѣ Кочинѣ, того-же уѣзда; 3) при Николаевской церкви въ слободѣ Никольской, того-же уѣзда; 4) при Покровской церкви въ слободѣ Хотомлѣ, Волчанскаго уѣзда; 5) при Преображенской церкви въ слободѣ Большомъ Бурлукѣ, того-же уѣзда; 6) при Петро-Павловской церкви слободы Дружелюбовки, Купянскаго уѣзда; 7) при Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда; 8) при Рождество-Богородичной церкви села Удѣ, Харьковскаго уѣзда; 9) при Василювской церкви села Сергѣевки, Изюмскаго уѣзда; 10) при Покровской церкви въ городѣ Чугуевѣ.

СПИСОКЪ

лицъ, утвержденныхъ Харьковскимъ епархіальнымъ начальствомъ въ должности наблюдателей за правильнымъ ходомъ учебныхъ занятій въ церковно-приходскихъ школахъ епархіи.

Въ городѣ Харьковѣ—священникъ Николай Гутниковъ, въ 1-мъ Харьковскомъ округѣ—священникъ Поликарпъ Пономаревъ, во 2-мъ—священ. Николай Житловъ, въ 3-мъ—свящ. Дмитрій Регишевскій, въ 4-мъ—священ. Іоаннъ Нечасвъ; въ 1-мъ Лебединскомъ округѣ—священникъ Стефанъ Прокоповичъ, во 2-мъ—священникъ Николай Туранскій, въ 3-мъ—протоіерей Стефанъ Краснопольскій; въ 1-мъ Ахтырскомъ округѣ—священникъ Василій Хижняковъ, во 2-мъ—священникъ Николай Яковлевъ, въ 3-мъ—свящ. Михайлъ Циткевичъ; въ 1-мъ Сумскомъ округѣ—священникъ Іаковъ Яценковъ, во 2-мъ священникъ Павелъ Чугаевъ; въ 1-мъ Богодуховскомъ округѣ—священ. Андрей Салухинъ, во 2-мъ—священникъ Іоаннъ Колосовскій; въ 1-мъ Валковскомъ округѣ—священ. Андрей Пономаревъ, во 2-мъ—священникъ Петръ Антоновъ; въ 1-мъ Зміевскомъ округѣ—протоіерей Алексѣй Илларионовъ, во 2-мъ—свящ. Варсонофій Антоновскій, въ 3-мъ—священникъ Василій Збукиревъ; въ 1-мъ Волчанскомъ округѣ—священ. Василій Евецкій, во 2-мъ—священ. Іаковъ Поповъ, въ 3-мъ—свящ. Василій Самойловъ; въ 1-мъ Купляскомъ округѣ протоіерей Евгенийъ Квитницкій, во 2-мъ священ. Петръ Торанскій; въ 1-мъ Изюмскомъ округѣ—свящ. Александръ Анисямовъ, во 2-мъ—священ. Евгенийъ Титовъ, въ 3-мъ—свящ. Петръ Щербина, въ 4-мъ священ. Дмитрій Твердохлѣбовъ; въ 1-мъ Старобѣльскомъ округѣ—священникъ Василій Аристовъ, во 2-мъ—свящ. Николай Касьяновъ, въ 3-мъ—свящ. Василій Капустянскій, въ 4-мъ—священ. Іосифъ Реутскій, въ 5-мъ—протоіерей Михайлъ Павловъ.

Пожертвованіе въ пользу церковно-приходской школы.

Вдова штабсъ-капитана Анна Даниловна Матушинская пожертвовала въ пользу церковно-приходской школы, что при Рождество-Богородичной церкви въ селѣ Дергачахъ, Харьковскаго у., сто рублей.

Отъ Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Харьковскій Епархіальный Училищный Совѣтъ, во исполненіе резолюціи Его Пресвященства, преосвященнѣйшаго Амвросія, епископа Харьковскаго и Ахтырскаго, просить о.о. наблюдателей доставить въ Совѣтъ къ началу будущаго учебнаго года, т. е. къ 1-му

Августа и ежегодно доставлять къ сему числу нижеслѣдующія свѣдѣнія о церковно-приходскихъ школахъ: 1) названіе церковно-приходской школы (въ какомъ городѣ, селеніи и приходѣ она находится); 2) время открытія или переименованія школы; 3) на какія средства содержится школа; 4) гдѣ помѣщается школа; 5) кто занимается обученіемъ въ школѣ; 6) количество учащихся въ школѣ (мальчиковъ и дѣвочекъ) и 7) сколько въ школѣ отдѣленій, что пройдено въ каждомъ отдѣленіи и по какимъ руководствамъ и пособиямъ.

Отъ Правленія Харьковской Духовной Семинаріи.

Правленіе Харьковской духовной семинаріи изъявляетъ искреннюю признательность и благодарность священнику слободы Черкасской-Лозовой Харьковскаго уѣзда о. Митрофану Котляревскому за пожертвованныя имъ 10 р. въ пользу семинарской Іоанно-Богословской церкви, пострадавшей отъ пожара въ 1884 г.

Отъ Правленія Купянскаго духовнаго училища.

Правленіе Купянскаго духовнаго училища, на основаніи журнальнаго постановленія своего отъ 3 минувшаго мая, утвержденнаго Его Преосвященствомъ, извѣщаетъ, что имъ для переэкзаменовъ назначены 2 и 3 числа будущаго августа, а для пріемныхъ экзаменовъ въ приготовительный классъ 5 августа, въ прочіе-же классы—7-е число августа.

Отъ Совѣта Харьковскаго Епархіального женскаго училища.

По случаю производства капитальной ремонтировки и исправленія оказавшихся въ главномъ училищномъ корпусѣ поврежденій, пріемные экзамены и ученіе начнутся не въ августѣ мѣсяцѣ, какъ было объявлено раньше, а въ октябрѣ; именно: экзамены для поступающихъ въ первый классъ и передержки экзаменовъ воспитанницами I класса будутъ произведены 2 и 3 октября, передержки экзаменовъ воспитанницами остальныхъ классовъ—4 и 5 октября. Классныя занятія начнутся непременно 7 октября.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

Содержаніе: Годичное общее собраніе Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго общества.— Мнѣніе свѣтской печати о церковно-приходской школѣ.— Годичное собраніе членовъ Православнаго Палестинскаго общества.— По поводу возобновляемаго храма въ Якобштадтѣ.— О. Наумовичъ.— Новое папское посланіе.— Сборъ съ доходовъ съ девежныхъ капиталовъ.— Правила и форма для студентовъ университета.

Въ воскресенье 5 мая, послѣ божественной литургіи, которую совершалъ Преосвященнѣйшій Амвросій въ Харьковскомъ кафедральномъ соборѣ, въ помѣщеніи Его Преосвященства собрались члены Харьковскаго отдѣленія Православнаго Миссіонерскаго общества. Въ часть дня засѣданіе было открыто пѣніемъ стиха: „Днесь благодать Св. Духа насть собра“. Предсѣдатель комитета Преосвященнѣйшій Геннадій, епископъ Сумскій, викарій Харьковскій предложилъ присутствующимъ выслушать отчетъ о дѣятельности мѣстнаго отдѣленія общества за девятый (1884) годъ его существованія. Дѣятельность и средства отдѣленія и его комитета за истекшій годъ по отчету представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ настоящее время Харьковскій Миссіонерскій Комитетъ составляютъ слѣдующія лица: предсѣдатель Комитета, Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Геннадій, епископъ Сумскій, викарій Харьковскій; товарищъ предсѣдателя сенаторъ, тайный совѣтникъ Николай Ивановичъ Лянге; члены Комитета: 1) отецъ Ректоръ Харьковской духовной семинаріи, протоіерей Іоаннъ Кратировъ, 2) протоіерей Іоаннъ Лукичъ Чижевскій, 3) протоіерей (имеонъ) Алексѣевичъ Илларионовъ, 4) протоіерей Андрей Григорьевичъ Дюковъ, 5) протоіерей Василій Іоанновичъ Добротворскій, 6) протоіерей Димитрій Іоанновичъ Оедоровскій, 7) предсѣдатель Харьковскаго окружнаго суда, Александръ Николаевичъ Бурнашевъ и 8) надворный совѣтникъ Михаилъ Павловичъ Звѣринскій. Должность казначея исполняетъ священникъ Стефанъ Ивановичъ Петровскій, а дѣлопроизводителемъ состоитъ титулярный совѣтникъ Сергѣй Николаевичъ Соколовскій. Дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго общества въ Харьковской епархіи къ 1 января 1885 года состояло 651 лицо, въ томъ числѣ лицъ мужскаго пола 600 и лицъ женскаго пола 51. Ежегодный членскій взносъ за отчетный годъ обезпечили процентами со внесенныхъ на вѣчное время вкладовъ и такимъ образомъ сдѣлались постоянными или непремѣнными членами Миссіонерскаго общества: 1) Преосвя-

шенный Геннадій, епископъ Сумскій, викарій Харьковскій, внесшій 100 р. и 2) титулярный совѣтникъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Галкинъ 100 руб.

Дѣятельность Комитета въ отчетномъ году выражалась: 1) въ поддержаніи установленныхъ въ прошедшіе годы способовъ къ умноженію денежныхъ средствъ на пользу православныхъ миссій, 2) въ принятіи, храненіи и расходованіи миссіонерскихъ суммъ и 3) въ исполненіи порученій Московскаго Миссіонерскаго Совѣта.

Комитетъ принимаетъ всѣ зависящія мѣры къ усиленію денежныхъ средствъ Миссіонерскаго общества. Для этого къ настоятелямъ и настоятельницамъ монастырей, благочиннымъ и ко всѣмъ церквамъ епархіи, своевременно, при началѣ года, были разосланы отъ Комитета подписные листы съ приглашеніемъ на посильную жертву въ пользу миссій.

Принятіе, храненіе и расходы суммъ производились Комитетомъ въ порядкѣ, установленномъ въ прошедшіе годы. Поступившія деньги, по мѣрѣ ихъ накопленія, согласно указу Святѣйшаго Синода отъ 5 февраля 1883 года за № 3, или вкладывались для приращенія процентами въ Харьковскую контору государственнаго банка, или были обращаемы на покупку государственныхъ процентныхъ бумагъ. Списки пожертвованій были напечатаны въ „Харьковскомъ Епархіальномъ Листкѣ“, въ „Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ“ и въ газетѣ „Южный Край“.

Движеніе суммъ Комитета за отчетный годъ выражаютъ слѣдующія цифры:

Осталось отъ 1883 года:

а) неприкосновеннаго капитала	1600 р. —
б) запаснаго капитала	1387 р. 58 к.
в) расходной суммы	1967 р. 80 к.
	<hr/>
Итого	4955 р. 38 к.

Въ отчетномъ 1884 году поступило:

А) наличными.

а) отъ двухъ членовъ на вѣчное время	200 р. —
б) отъ 651 годичнаго члена	2081 р. —
в) отъ ста единовременныхъ жертвователей	1669 р. 78 к.
г) процентовъ съ капитала принадлежащаго Комитету	271 р. 40 к.
д) кружечнаго сбора	1029 р. 39 к.
и Б) билетами	200 р. —
	<hr/>
Итого	5451 р. 57 к.
А всего съ остаточными	10406 р. 95 к.

Въ теченіе отчетнаго года особенное предъ другими усердіе по сбору пожертвованій въ пользу Миссіонерскаго общества оказали:

1) Настоятель Святоторской Успенской пустыни, архимандритъ Германъ и 2) епархіальное духовенство и прихожане церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи о.о. благочинныхъ: 1 округа г. Харькова, протоіерея Іоанна Чижевскаго, 4 округа Старобѣльскаго уѣзда, протоіерея Григорія Максимова и 2 округа Сумскаго уѣзда, священника Алексѣя Чугаева.

Въ отчетное время израсходовано:

а) отправлено на содержаніе миссій Иркутской епархіи 1967 р. 80 к. и уполчено Харьковской конторѣ государственнаго банка за переводъ сихъ денегъ 3 р. 94 к., всего	1971 р. 74 к.
б) отослано въ Совѣтъ православнаго Миссіонерскаго общества 1387 р. 58 к. и уполчено почтовой конторѣ за пересылку сихъ денегъ 5 р. 25 к., всего	1392 р. 83 к.
в) выдано вознагражденіе дѣлопроизводителю	150 р. —
г) на канцелярскіе расходы	17 р. 90 к.
д) израсходовано на гербовыя марки при взносѣ денегъ въ банкъ	2 р. —
е) отправлено въ банкъ для выдачи на оныя билеты банка	200 р. —
Итого	3794 р. 47 к.

Затѣмъ къ 1-му января 1885 г. остается:

а) неприкосновеннаго капитала	1800 р. —
б) запаснаго капитала	1797 р. 78 к.
в) расходной суммы	3074 р. 70 к.
Итого	6672 р. 48 к.

Въ утѣшеніе благочестивыхъ жертвователей на пользу миссій Комитетъ считаетъ долгомъ привести въ извлеченіи изъ отчета совѣта Миссіонерскаго общества за 1883 годъ о состояніи и дѣятельности миссій нѣкоторыя свѣдѣнія, наиболѣе заслуживающія вниманія: „Миссіонерское общество имѣло дѣйствительныхъ членовъ свыше 7000, всѣхъ пожертвованій поступило 141,992 р. 91³/₄ коп., а всего съ остаткомъ отъ 1882 года къ 1 января 1883 года въ 580,064 р. 63¹/₄ к.. На приходъ было 722,057 р. 55 коп., расходъ Миссіонерскаго общества простирается до 163,979 руб. 56¹/₂ коп., остатокъ къ 1 января 1884 года 558,078 р. 98¹/₂ коп.

„Трудами нашихъ отечественныхъ миссій обращено въ христіанскую вѣру язычниковъ-инородцевъ 3358 человекъ. Для утвержденія въ вѣрѣ обращенныхъ миссіонеры наши старались по возможности часто навѣщать ихъ и бесѣдовать съ ними, говѣть и причащаться съ ними, строить церкви и молитвенныя дома для нихъ,

заводить училища для ихъ дѣтей, пріюты для ихъ сиротъ, переводить на инородческіе языки богослужебныя, учебныя и духовно-правственныя книги.

„Учебное дѣло особенно хорошо поставлено въ Алтайской миссіи. На миссіонерскія училища обращено надлежащее вниманіе и въ прочихъ миссіяхъ, и въ поволжскихъ епархіяхъ, гдѣ мѣстные комитеты православнаго Миссіонерскаго общества стараются дѣйствовать на инородцевъ преимущественно чрезъ школы.

„Переводами на инородческіе языки занимались особенно въ миссіяхъ Алтайской и Камчатской, и въ этомъ дѣлѣ незамѣнимой помощницей оказывалась, какъ и прежде, комиссія переводчиковъ при братствѣ Св. Гурія въ Казани.

„Отъ начальника Россійской духовной миссіи въ Японіи преосвященнаго Николая доставлены отрадныя свѣдѣнія о состояніи православной Церкви въ Японіи. Изъ нихъ видно, что количество христіанъ за прошлый годъ увеличилось на 1252 человекъ (всего христіанъ болѣе 8000 человекъ) и что проповѣдь въ странѣ не возбранно продолжается.

„Учебная часть идетъ обычнымъ порядкомъ. Въ катихизаторскихъ училищахъ въ Тоокео было 20 учениковъ, въ Оосакѣ 14. Въ семинаріи 80 учениковъ. Въ причетнической школѣ 11 учениковъ, въ женскомъ училищѣ 37 ученицъ. Въ Хокодатскихъ миссійскихъ училищахъ для мальчиковъ и дѣвочекъ было 103 учащихся.

„Миссіею отпечатаны переведенныя съ русскаго на японскій языкъ книги богословскаго содержанія и принятыя въ тамошнихъ училищахъ въ качествѣ учебныхъ пособій или учебниковъ, учебныя картины изъ св. исторіи Новаго Завѣта и св. иконы. Всѣ изданія свидѣтельствуютъ о тонкости вкуса и изяществѣ работъ въ живописномъ и типографскомъ отношеніи.

„Смѣта расходовъ на будущій годъ утверждена общимъ собраніемъ Миссіонерскаго общества въ суммѣ 155025 р. 60 коп. (см. 22 № „Московскихъ церковныхъ вѣдомостей“ за 1884 годъ).

По прочтеніи отчета Предсѣдатель Комитета Преосвященнѣйшій Геннадій пригласилъ собраніе къ выборамъ трехъ уполномоченныхъ для повѣрки отчета въ финансовомъ отношеніи. По объявленіи баллотировки, произведенной посредствомъ написанія именъ на билетахъ, оказались избранными: протоіерей Аполлонъ Ковалевскій и священники Василій Поповъ и Андрей Рудинскій. Уполномоченные отъ собранія, по повѣркѣ отчета Комитета, нашли, что

отчетъ въ финансовомъ отношеніи составленъ правильно, что показанная въ отчетѣ сумма находится въ цѣлости и что записи прихода и расхода денегъ по приходорасходной комитетной книгѣ велись своевременно и итоги и транспорты выведены вѣрно.

— Довольно любопытное и поучительное явленіе представляетъ собою отношеніе свѣтской печати къ вопросамъ о церковно-приходской школѣ. Читателя свѣтскихъ журналовъ прежде всего поражаетъ то обстоятельство, что нѣкоторыя газеты совершенно игнорируютъ вопросъ объ этихъ школахъ и считаютъ его, должно быть, не заслуживающимъ того, чтобы хоть съ какой-нибудь стороны касаться его на своихъ громадныхъ столбцахъ; другіе же—хотя по временамъ и заговариваютъ о церковно-приходскихъ школахъ, но какъ-то неопредѣленно и вскользь, повторяя болѣею частію то, что уже давнымъ давно извѣстно, въ родѣ того напр., что церковно-приходскія школы, хотя дѣло очень полезное и необходимое, но для осуществленія этого дѣла нужны прежде всего матеріальныя средства, подготовленные учителя, сочувствіе общества и т. п. Но нигдѣ почти не встрѣчается до сей поры принципиальнаго обсужденія этого вопроса, съ точки зрѣнія педагогической и практической постановки дѣла. Точно церковно-приходскія школы есть фактъ, ниспосланный намъ свыше въ совершенно готовой и законченной формѣ, точно эта школа не имѣетъ никакихъ внутреннихъ педагогическихъ вопросовъ о томъ, чему и какъ въ ней учить, какимъ образомъ возбудить къ ней общественное вниманіе и сочувствіе, привлечь духовенство, найти для школы необходимыя средства и т. п. А вѣдь безъ этого, кажется, совершенно невысказаны не только правильный ростъ, но и вообще какое-либо развитіе школьнаго дѣла. Но при всей недостаточности и неопредѣленности отношенія печати къ вопросамъ о церковно-приходской школѣ нельзя не подмѣтить въ ней общаго вывода, что возлагать всю тяжесть школьнаго дѣла на однихъ лишь священниковъ, не измѣнивши существенно ихъ матеріальной и нравственной обстановки—крайне рискованно и для развитія и для результатовъ этого дѣла. Такъ напр. „Кіевлянинъ“ (№ 112), передавая содержаніе одной статьи объ организаціи церковно-приходскихъ школъ (помѣщенной въ „Трудахъ Кіевской духовной академіи“), дѣлаетъ между прочимъ такое заключеніе: „Матеріальная обеспеченность школы безспорно одно изъ важныхъ, но не единственное условіе успѣха народнаго образованія. Розысканъ постоянный матеріальный источникъ для поддержки школы, является другой вопросъ—кто будетъ руководите-

лемъ этой школы, на кого должно лечь бремя обученія въ ней? Дѣло первоначальнаго обученія вообще дѣло нелегкое, задача-же становится еще серьезнѣе, когда рѣчь идетъ о первоначальномъ обученіи малоразвитыхъ крестьянскихъ дѣтей, ничего не видѣвшихъ, никогда не бывавшихъ дальше своего роднаго села. Поэтому вся тяжесть преподаванія въ церковно-приходской школѣ необходимо должна лечь на священниковъ или діаконѳвъ, какъ на лицъ сельскаго причта съ высшимъ образовательнымъ цензомъ, а отнюдь не на нашихъ причетниковъ. Но, чтобы священникъ могъ сдѣлаться главнымъ и непосредственнымъ руководителемъ школы, необходимо измѣнить условія его жизни. Въ настоящее время, вслѣдствіе необеспеченности въ нѣкоторыхъ приходахъ сельскаго духовенства, священникъ долженъ удѣлять значительную часть своего времени на веденіе хозяйства. Съ другой стороны его часто отвлекаетъ исправленіе требъ. Для предоставленія священникамъ большаго досуга, необходимо дать имъ иное обезпеченіе, а съ другой стороны обратить болѣе серьезное вниманіе на діаконскій чинъ, который для школьнаго дѣла имѣлъ бы весьма серьезное значеніе“.

Въ „Недѣль“ (№ 21) помѣщена корреспонденція изъ Литвы, авторъ которой относясь чрезвычайно сочувственно къ возникновенію въ западномъ краѣ церковно-приходскихъ школъ, какъ лучшаго средства противъ „ополяченія и окатоличенія“ крестьянъ, между прочимъ тоже высказываетъ слѣдующее: „началось дѣло у насъ хорошо, но прочно-ли оно въ будущемъ—это вопросъ... Мы должны сказать, что сомнѣваемся въ прочности дѣла, которое хогятъ вести на даровщинку, возложивъ его, во всей его великой тяготѣ, на достаточно уже обремененныя житейскою ношею рамена сельскаго духовенства. Это духовенство и здѣсь и вездѣ озабочено прежде всего своею церковною службою, особенно зимой, въ великомъ посту, когда крестьянскія дѣти только и могутъ учиться, затѣмъ требами по приходу, а главнѣе всего — своимъ полевымъ хозяйствомъ, т. е. заботами о хлѣбѣ насущномъ для себя и для своей семьи. Слѣдовательно, для церковно-приходскихъ школъ нѣтъ прежде всего контингента учителей“.

— 29 мая, во дворцѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, въ Петербургѣ состоялось годовое общее собраніе членовъ Православнаго Палестинскаго общества. Послѣ молебна, собраніе было открыто въ большомъ залѣ Августѣйшимъ предсѣдателемъ. Въ числѣ присутствовавшихъ находились: Его Императорское Высочество Великій Князь Павелъ

Александровичъ, архіепископъ Волинскій Палладій, епископы: Самарскій Серафимъ и Ладожскій Арсеній, протопресвитеръ І. І. Янышевъ, Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ, товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ А. Г. Влангали и другія лица. Число членовъ возросло до 615, изъ которыхъ 75 почетныхъ, 180 дѣйствительныхъ и 362 сотрудника. Ея Императорское Высочество принцесса Евгенія Максимилиановна Ольденбургская соизволила принять званіе почетнаго члена Православнаго Палестинскаго общества. Неприкосновенный капиталъ возросъ до 90,100 р., а общая сумма поступленій съ 1 марта 1884 г. по 1 марта 1885 г. была 125,815 р., израсходовано-же за это время 84,526 р. Изъ наиболѣе крупныхъ пожертвованій нельзя не отмѣтить 5,000 р., внесенныхъ М. М. Киселевой съ тѣмъ, чтобы проценты съ этой суммы были употребляемы на содержаніе вновь сооружаемой церкви въ Назаретѣ; 2,100 р. внесены А. Н. Журавлевымъ на устройство при русскихъ постройкахъ въ Іерусалимѣ чайной и снабженія паломниковъ кипяткомъ 2 марта послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытіе отдѣловъ общества въ городахъ имперіи.

Дѣятельность Православнаго Палестинскаго общества въ высшей степени благотворна, и въ отчетномъ году она ознаменовалась значительными успѣхами въ осуществленіи преслѣдуемыхъ имъ цѣлей — производства археологическихъ раскопокъ, удешевленія проѣзда въ Святую землю и поддержанія въ ней православія. Раскопки, производимыя за счетъ общества, привели къ блестящимъ результатамъ. Все болѣе и болѣе растетъ убѣжденіе, что въ нашемъ мѣстѣ проходила конечная часть крестнаго пути. Съ этимъ начинаютъ соглашаться не только протестантскіе, но даже католическіе писатели. Для покрытія откопаннаго мѣста особымъ сооруженіемъ уже начинаютъ стекаться пожертвованія, которыхъ собрано до 5,000 р. Дѣятельность втораго отдѣленія общества по пособію паломникамъ, между прочимъ, расширилась въ томъ, что съ 1 іюня сего года открыта продажа паломническихъ книжекъ отъ Петербурга до Яффы и обратно, какъ для III класса, которыя будутъ стоить 62 р. 50 к., такъ и смѣшанныя (III класса по желѣзнымъ дорогамъ и II класса на пароходѣ), стоящія безъ продовольствія 126 р. и съ продовольствіемъ 183 р. Съ 1 марта 1884 года по 1 марта 1885 года продано паломническихъ книжекъ 1,695, по преимуществу III класса, за которыя заплачено 65,549 р. Переходя къ третьему отдѣленію — поддержанію православія въ Святой землѣ, отчетъ упоминаетъ, что сооруженная въ селеніи Муджилѣ церковь вполнѣ окончена

и 10 марта освящена во имя св. преподобнаго Сергія Радонежскаго. Существующія на счетъ общества въ Святой землѣ школы были посѣщены и подробно осмотрѣны В. Н. Хитрово во время послѣдней поѣздки его въ Святую землю. Въ нихъ было 125 учениковъ." По выслушаніи отчета было рѣшено увеличить число дѣйствительныхъ членовъ общества до 300, вмѣсто опредѣленныхъ уставомъ 200. Затѣмъ въ почетные члены избраны: Антоній, епископъ Пензенскій и Ѡ. П. Корниловъ. Въ дѣйствительные члены, между прочимъ, избраны архіепископъ Волинскій Палладій, епископъ Костромской Александръ и протопресвитеръ І. Л. Янышевъ. Общество заслуживаетъ самаго теплаго сочувствія со стороны русскихъ людей.

— Въ настоящее время по всей Россіи идетъ подписка на возобновленіе православной церкви въ Якобштадтѣ, недавно взорванной неизвѣстными злоумышленниками. Недоброжелатели всего русскаго въ западномъ краѣ всячески агитируютъ противъ этого дѣла и распустили въ заграничныхъ газетахъ даже наглую клевету, что виновникомъ якобштадтскаго святотатства является самъ настоятель этой церкви о. Родіонъ Пойшъ съ своимъ сыномъ. По поводу перепечатки этой клеветы на страницахъ газеты „Свѣтъ“, одинъ мѣстный „православный“ пишетъ въ „Моск. Вѣдомости“:

„Возмутительное явленіе представляетъ подобное извѣстіе, напечатанное на столбцахъ русской газеты. Прежде чѣмъ перепечатать его, „Свѣтъ“ долженъ былъ-бы взять на себя трудъ провѣрить гнусную клевету, появившуюся въ иностранныхъ газетахъ. Всякій истинно русскій въ Якобштадтѣ ни одной минуты не можетъ находиться въ подавляющемъ настроеніи въ силу вышеупомянутаго извѣстія, ибо неусыпная дѣятельность отца Родіона, образцоваго духовнаго представителя русской и православной идеи въ краѣ, слишкомъ хорошо извѣстна Якобштадту. За свои честные, свѣтлые взгляды онъ нажилъ себѣ враговъ въ иновѣрческихъ кругахъ города, которымъ дѣятельность отца Пойши ненавистна, какъ ненавистно здѣсь все русское. Дѣятельность отца Родіона отлично извѣстна и оцѣнена прибалтійскимъ братствомъ и всѣми истинно православными Якобштадта и его окрестностей. Какъ проповѣдникъ, отецъ Пойшъ представляетъ собою образецъ священнослужителя, каждое слово его идетъ изъ глубины истинно русской души. Какимъ самоотверженнымъ героемъ явился отецъ Пойшъ въ моментъ послѣ взрыва, бросившись въ церковь, когда толпа не рѣшалась отворить двери — видѣли очевидцы. Въ эту минуту отецъ Пойшъ забылъ всю опасность ему грозившую и примѣромъ своимъ

побудилъ къ помощи толпу, вслѣдъ за нимъ бросившуюся спасать иконы и церковныя вещи. И на такого человѣка такая страшная клевета! Желательно было-бы, чтобы русскія газеты перепечатали наше сообщеніе и тѣмъ уничтожили клевету на истинно честнѣйшаго духовника труженика на пользу русской православной идеи въ краѣ. Мы можемъ поручиться, что корреспондентъ, помѣстившій ложь въ иностранную газету, не русскій и не православный“.

— Изъ Львова сообщаютъ, что извѣстный галиційскій-патріотъ о. Наумовичъ на дняхъ получилъ ультиматумъ изъ Рима. „Congregation de propaganda fide“, въ отвѣтъ на аппелляцію, посланную недавно о. Наумовичемъ въ Римъ, требуетъ отъ него пространнаго исповѣданія вѣры (confessio fidei), составленнаго на латинскомъ языкѣ. Если онъ подпишетъ такой документъ, то онъ будетъ только подвергнутъ „реколекціи“ въ Добромиль, послѣ чего послѣдуетъ еще „время пробы“, послѣ чего уже ему будетъ снова поручена паства. Если же о. Наумовичъ не приметъ этихъ условій, то курія грозитъ отнять у него приходъ и утвердить отлученіе отъ церкви. Изъ послѣдняго заявленія Ватикана можно думать, что отнятіе прихода у отца Наумовича въ 1883 году и изгнаніе его изъ Скалата было сдѣлано безъ вѣдома папы. На размышленіе данъ о. Наумовичу одинъ мѣсяць. Въ исповѣданіи вѣры требуется отъ него: „вѣрить во всю славу, величіе и власть папы“. Требованіе Ватикана вручено о. Наумовичу чрезъ посредство митрополита Сембратовича. Сообщая это извѣстіе, львовское „Слово“ замѣчаетъ, что письмо римской куріи указываетъ, что конгрегация de propag. fide ничего искреннѣе не желаетъ, какъ воссоединенія о. Наумовича съ православною Церковью, потому что уніатство его для римской куріи болѣе невыгодно, чѣмъ отпаденіе отъ него.

— Религіозный скептицизмъ и безвѣріе, столь быстро и повсюду развивающіеся на западѣ, немало, повидимому, озабочиваютъ католичество и побуждаютъ его прибѣгнуть для борьбы съ ними къ новымъ средствамъ. Такъ недавно опубликовано папское посланіе, въ которомъ проводится взглядъ, что для пріобрѣтенія и усиленія вліянія на образованные классы необходимо поднять научный уровень католическаго духовенства, — для чего признается нужнымъ не только основательное изученіе историческихъ и философскихъ наукъ, греческихъ и латинскихъ классиковъ, но и вообще литературное образованіе, обладаніе красотой формы, блестящимъ стилемъ и проч. Съ этою цѣлью открытъ ватиканскій архивъ, основана ватиканская школа, сдѣланъ починъ изданія историческихъ

документовъ и не для какого-либо узкаго объективнаго освѣщенія католической исторіи новыми изслѣдованіями, но „для приобрѣтенія новаго оружія католицизму, для утвержденія и оживленія вѣры въ скептикахъ, для соглашенія противорѣчій между вѣрою и званіемъ, для возвышенія слугителей церкви, которые только тогда могутъ совершенно выполнить свое призваніе, когда стоятъ въ уровень съ современной наукой“. Посланіе прежде всего имѣетъ въ виду римскую семинарію и говоритъ объ открытіи специальныхъ курсовъ для научнаго усовершенствованія тѣхъ молодыхъ людей, которые, при прохожденіи обычнаго курса, отличились особенными способностями и рвеніемъ. Но кромѣ этого, заслуживаетъ вниманія еще одно мѣсто посланія, гдѣ говорится объ изученіи греческой литературы. Литература эта—сказано тамъ.—„сохранила всю свою жизненность у народовъ востока и представляетъ себя тамъ какъ въ области церкви, такъ и въ практической жизни“. По поводу всего этого „Новое Время“ (№ 3316) замѣчаетъ:

„Если это научное движеніе окажется на практикѣ жизненнымъ, то доля пользы отъ него борьбѣ съ современнымъ западно-европейскимъ скептицизмомъ, быть можетъ, будетъ. Но научныя-ли только, обще-ли христіанскія цѣли имѣются въ виду? Въ этомъ можно сомнѣваться, если припомнить развитіе, особенно въ послѣдніе годы, дѣятельности католицизма въ направленіи на востокъ, о чемъ даже есть, какъ сказано, намекъ и въ самомъ посланіи. Востокъ и его простое, не умудренное цивилизаціей населеніе вотъ—ближайшая арена новыхъ духовныхъ рыцарей, вооруженныхъ мощнымъ орудіемъ науки“.

И затѣмъ газета заключаетъ:

„Такъ какъ на этой аренѣ, а частію и въ нашихъ предѣлахъ православному духовенству придется не разъ сталкиваться съ католическими миссіонерами, то естественно предложить вопросъ: насколько первое, по научнымъ доспѣхамъ, по умственному развитію, можетъ соперничать съ сильнымъ уже латинствомъ, которое собирается стать еще сильнѣе. Вопросъ этотъ мы ставимъ не для обсужденія, но лишь, какъ выводъ изъ папскаго посланія“.

Дѣйствительно, обсуждать этотъ вопросъ, т. е. сравнивать *научность* того и другаго духовенства нельзя, потому что это значило бы сравнивать два совершенно противоположныхъ предмета. Степень теперешняго научнаго образованія нашего православнаго духовенства можно разсматривать только *исторически*, съ точки зрѣнія быстраго и успѣшнаго его саморазвитія среди общихъ условій русской жизни. Но въ обществѣ и печати часто приходится

слышать указаніе на неудовлетворительность въ учебномъ отноше-
ніи нашихъ духовныхъ заведеній, на необходимость и у насъ—
подобно западу—особыхъ мѣръ къ возвышенію научнаго уровня
русскаго духовенства. Не согласиться со всѣмъ этимъ конечно
нельзя, но въ то же время необходимо указать, что въ настоящее
время условія, почва и цѣли дѣятельности русскаго духовенства
совершенно иныя, чѣмъ на западѣ. Правда, безвѣріе и у насъ въ
нѣкоторыхъ классахъ общества развито сильно, но „научное“-ли
у насъ это безвѣріе, какъ на западѣ? Не чаще-ли оно просто по-
дражательное, происходящее вслѣдствіе непониманія и неумѣнья
серьезно относиться къ религіознымъ вопросамъ, словомъ вслѣдствіе
нашей умственной незрѣлости? А если это такъ, то и средства для
борьбы съ такимъ безвѣріемъ должны быть совсѣмъ иныя. Но мы
не должны забывать, что главная дѣятельность нашего духовен-
ства въ настоящее время должна состоять не столько въ борьбѣ
съ невѣріемъ, сколько въ просвѣщеніи свѣтомъ христіанскаго уче-
нія коснѣющей въ невѣжествѣ народной массы. И наше духовен-
ство къ счастью начинаетъ сознавать свой долгъ, свою главную
задачу; въ его средѣ зарождается просвѣтительная дѣятельность,
проявляющаяся чѣ формѣ открытія школъ или развитія церковной
проповѣди и внѣцерковныхъ собесѣдованій. Нужно только, чтобы
само-то общество ко всѣмъ этимъ добрымъ начинаніямъ духовен-
ства относилось вполне внимательно и сочувственно.

Къ сожалѣнію есть факты, говорящіе совершенно противное.
Такъ напр. въ „Волин. Епарх. Вѣд.“ (№ 6) было заявлено, что
устройство въ Волини духовенствомъ церковно-приходскихъ школъ
встрѣтило противодѣйствіе со стороны нѣкоторыхъ мѣстныхъ ми-
ровыхъ посредниковъ, желавшихъ имѣть исключительно личный
надзоръ за этими школами. Достоверность этого факта подтверж-
дается теперь тѣмъ, что начальникъ Волинской губерніи, какъ со-
общаетъ „Кіевлянинъ“ (№ 110), циркулярно предложилъ миро-
вымъ посредникамъ Волинской губ. установить повсемѣстную пере-
дачу сельскихъ школъ духовенству, такъ какъ „мировые посредни-
ки едва-ли могутъ имѣть достаточно систематическій надзоръ
за школами“. Газеты сожалѣютъ только, что передача эта обуслов-
лена въ циркулярѣ „согласіемъ сельскихъ обществъ“, потому что
сельскія общества находятся подъ влияніемъ и въ зависимости отъ
тѣхъ-же мировыхъ посредниковъ. (Ц. В.)

— Опубликованъ весьма важный законъ о сборѣ отъ 0/0 дохо-
довъ съ денежныхъ капиталовъ. Отнынѣ богачи-обладатели про-

центныхъ бумагъ и большихъ денежныхъ капиталовъ не будутъ, вопреки справедливости, изъяты отъ налога, соотвѣтственно ихъ доходамъ. Законъ вводится въ дѣйствіе съ 1-го іюля.

Обложенію не будутъ подлежать тѣ купоны отъ процентныхъ бумагъ, срокъ оплаты которыхъ наступитъ до 1 іюля, а также и тѣхъ процентовъ по текущимъ счетамъ и другимъ внесеннымъ въ кредитныя учрежденія вкладамъ, которые могутъ причитаться вкладчикамъ за прежнее время, т. е. до 1-го января 1885 года. Затѣмъ сдѣлано изъятіе для акцій желѣзныхъ дорогъ и для закладныхъ листовъ центрального поземельнаго банка. Министръ финансовъ внесетъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта проектъ спеціальныхъ мѣръ на этотъ счетъ. Ограниченіе, сдѣланное для желѣзнодорожныхъ акцій и для закладныхъ листовъ поземельнаго банка, объясняется двумя соображеніями. Доходъ съ желѣзнодорожныхъ акцій, какъ извѣстно, въ большинствѣ гарантированъ правительствомъ, и поэтому уменьшеніе этого дохода должно будетъ отозваться на увеличеніи доплатъ государственнаго казначейства по желѣзнодорожнымъ операціямъ. Что касается до земельного банка, то тутъ изъятіе является въ видѣ того тяжелаго положенія, въ которомъ стоятъ теперь землевладѣльцы-обладатели закладныхъ листовъ этого банка. Изъяты отъ обложенія % бумаги по внѣшнимъ займамъ, условіями ихъ выпусковъ изъяты отъ платежа налоговъ. Кромѣ того министру финансовъ предоставлено составить: а) проектъ правилъ о порядкѣ пріема частными банкирскими конторами вкладовъ и о привлеченіи доходовъ, доставляемыхъ упомянутыми вкладами, къ обложенію процентнымъ сборомъ, и б) предположенія о подчиненіи тому-же сбору доходовъ съ капиталовъ, ссужаемыхъ частными лицами подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Вѣдомствамъ и учрежденіямъ свѣтскимъ и духовнымъ, въ распоряженіи коихъ находятся капиталы, получившіе спеціальное назначеніе и на дѣла благотворительности; расходы, которые они понесутъ отъ обложенія капиталовъ сборомъ, будутъ возмѣщены изъ государственнаго казначейства.

Приводимъ самое положеніе о сборѣ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ:

1) Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ взимается въ размѣрѣ пяти процентовъ: а) съ доходовъ отъ процентныхъ бумагъ—государственныхъ, общественныхъ и частныхъ всѣхъ наименованій, и б) съ доходовъ, доставляемыхъ вкладами на текущій счетъ и другими процентными вкладами, внесенными въ банки государственные, общественные, акціонерные и общества взаимнаго кредита.

2) Обложенію не подлежатъ: а) проценты по бумагамъ, изъятымъ условіями ихъ выпусковъ отъ платежа налоговъ, перечисленныхъ въ особой вѣдомости; б) проценты по вкладамъ въ государственномъ банкѣ, оставшимся отъ бывшаго коммерческаго банка, а равно по вкладамъ, внесеннымъ въ сберегательныя кассы, ссудо-сберегательныя товарищества и сельскіе банки; в) доходы по акціямъ и паямъ промышленныхъ и торговыхъ обществъ, облагаемыхъ на особыхъ основаніяхъ (выс. утвер. 15 января 1885 г мнѣніе государственнаго совѣта).

3) Сборъ съ доходовъ отъ государственныхъ процентныхъ бумагъ взимается или посредствомъ удержанія суммы налога при выплатѣ процентовъ и выигрышей, или-же въ видѣ соотвѣтственной скидки при приѣмѣ купоновъ въ казенные платежи.

4) Сборъ доходовъ отъ процентныхъ бумагъ, выпущенныхъ общественными или частными учрежденіями, взимается съ полной суммы періодическаго платежа процентовъ по находящимся въ обращеніи бумагамъ и вносится упомянутыми учрежденіями въ казначейство въ теченіи одного мѣсяца, считая со срока, назначеннаго для выплаты процентовъ. Затѣмъ, названныя учрежденія уплаченный ими въ казну сборъ удерживаютъ съ получателей процентовъ.

5) Сборъ съ доходовъ, приносимыхъ вкладами на текуцій счетъ и другими процентными вкладками, внесенными въ кредитныя учрежденія, уплачивается или въ теченіи одного мѣсяца послѣ заключенія періодическихъ счетовъ по симъ вкладкамъ, на основаніи вѣдомости о сдѣланныхъ отчисленіяхъ по процентамъ, выданнымъ вкладчикамъ, или причисленнымъ къ принадлежащимъ имъ вкладкамъ. Затѣмъ, означенныя учрежденія уплаченный имъ въ казну сборъ удерживаютъ съ вкладчиковъ.

6) Въ случаѣ сомнѣнія относительно правильнаго исчисленія налога по ст. 4—5, министерству финансовъ предоставляется назначать своего уполномоченнаго, для повѣрки сдѣланнаго исчисленія вмѣстѣ съ чинами общественнаго управленія, или членами правленія частнаго учрежденія. Если между сими послѣдними и органами министерства финансовъ возникнетъ разногласіе, то налогъ взыскивается въ размѣрѣ, исчисленномъ министерствомъ финансовъ, съ правомъ заинтересованной стороны обжаловать, въ установленномъ порядкѣ, такое исчисленіе въ теченіи трехмѣсячнаго срока и, въ случаѣ признанія жалобы правильною, получить обратно излишне взысканную часть налога.

7) Несвоевременно уплаченный сборъ (ст. 4—5) взыскивается въ размѣрѣ 1% въ мѣсяцъ, со всей невнесенной суммы, причемъ не-

полный мѣсяць считается за полный. Въ случаѣ утайки или пропуска въ показаніи дохода подлежащаго сбору, взыскивается тройная сумма неуплаченного налога.

Слѣдующія бумаги не подлежатъ обложенію: *Внѣшніе долги*: 1-й голл. заемъ; англо-голл. займы 1864 и 1866 гг.; внѣшній 5⁰/₀ заемъ 1877 г.; 1-й и 2-й 4¹/₂⁰/₀ займы; 2-й, 6-й и 7-й 5⁰/₀ займы. *Внутренніе долги*: 6⁰/₀ золотая рента; консолид. обл. рос. жел. дор. съ I по VII вын.; обл. Николаевской желѣзн. дор. I и II вып., а также желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ собственность казны; обл. Тамбов.-Сарат. жел. дор. и Харьково-Кременчугскаго участка Харьково-Никол. жел. дор. *Внѣшніе долги*: 4-й и 5-й 4⁰/₀ займы; 1-й, 2-й, 5-й и 6-й 5⁰/₀ займы. *Внутренніе долги*: 6⁰/₀ безсрочные; 6⁰/₀ неприкосновенные; 4⁰/₀ непрерывно-доходные билеты; 5⁰/₀ вѣчные вклады. *Облигаціи желѣзныхъ дорогъ*, выпущенныя въ металлической валютѣ, гарантированныя правительствомъ: гл. общ. рос. жел. дор. I, II и III вып.; общ. Орл.-Вит.; Моск.-Брест; Моск.-Ряз.; Кур.-Кіев.; Шуйск.-Иван.; Ряз.-Козл.; Ряз.-Морш; Кур.-Харьк. (I и II вып.); Козл.-Вор.-Рост.; Варш.-Терес.; Моск. Яросл.; Орл.-Грязск. (I и II вып.); Закавказской (I и II вып.); Митавской; Донецкой; Иван.-Домбровской; Владикавказской и облигаціи, выпущенныя въ кредитной валютѣ, общества Рыбинско Бологовской жел. дор. (III вып.).

— Недавно опубликованы новыя правила для университетскихъ студентовъ и вольнослушателей, вводимыя въ дѣйствіе съ наступающаго въ августѣ учебнаго семестра. Вотъ наиболѣе важныя пункты. Лица женатыя въ число студентовъ не приписываются; а лица, поступившія въ университетъ холостыми не могутъ жениться, пока остаются студентами. Поступающій въ университетъ, кромѣ обычныхъ документовъ, долженъ представить „двѣ фотографическія карточки съ собственноручною подписью просителя на каждой“. Поступившій въ университетъ обязанъ впередъ указать тѣ лекціи, на которыя онъ желаетъ записаться и впередъ-же, за полугодіе, внести плату какъ въ пользу университета—5 р. за полугодіе, такъ и въ пользу профессоровъ, на лекціи которыхъ записывается студентъ—по 1 р. въ полугодіе за недѣльный часъ. Только тогда студенту выдается билетъ на право посѣщенія лекцій. Обыкновенно университетскіе курсы требуютъ отъ 30 до 35 учебныхъ часовъ въ недѣлю, слѣдовательно студенту, не освобожденному отъ платы, придется платить въ годъ: 10 р. въ пользу университета и отъ 60 до 70 р. въ пользу профессоровъ, т. е. приблизительно въ полтора раза больше; при этомъ никакія отсрочки во взносѣ платы

не допускаются и преподаватели не имѣютъ права ни въ какомъ случаѣ ни освобождать студентовъ отъ взноса причитающейся имъ платы за чтеніе лекцій или руководство ихъ занятіями, ни даже принимать отъ нихъ таковыхъ прошеній. Для освобожденія же отъ взноса платы положенъ максимальный предѣлъ—15% общаго числа студентовъ сверхъ тѣхъ, которые пользуются стипендіями и отъ взноса платы eo ipso свободны. Право освободить недостаточнаго, но успѣвающаго студента отъ денежныхъ взносовъ принадлежитъ попечителю, а не правленію университета, которое лишь ходатайствуетъ передъ попечителемъ за такихъ студентовъ.

Обязательность форменной одежды новыми правилами устанавливается какъ при посѣщеніи университета, такъ и внѣ его, при чемъ отъ студентовъ требуется соблюденіе приличія и вѣжливости. На лекціяхъ вошедшіе въ обычай аплодисменты профессорамъ безусловно отмѣняются. Ко времени прихода профессора на лекцію всѣ студенты должны быть на своихъ мѣстахъ, а когда началась лекція, въ аудиторію больше никто изъ студентовъ не допускается.

Въ полной силѣ остаются тѣ параграфы старыхъ правилъ, которые гласили, что „студенты считаются отдѣльными посѣтителями университета“, а потому не допускается никакое дѣйствіе ихъ, носящее на себѣ характеръ „корпоративный“ и что „внѣ зданій университета студенты подлежатъ вѣдѣнію полицейскихъ установленій на общемъ основаніи“. Новыми правилами также сохраняется старое запрещеніе сборищъ и сходокъ съ цѣлью обсужденія какихъ-либо дѣлъ сообща, произнесеніе публичныхъ рѣчей, а равно и организація какихъ-либо денежныхъ сборовъ. На ряду съ тайными обществами запрещается участвовать и въ кружкахъ, хотя-бы не имѣющихъ преступной цѣли. А самое главное — „въ зданіяхъ, дворахъ и садахъ университета безусловно воспрещается устройство студенческихъ читаленъ, столовыхъ, кухмистерскихъ, а также театральныхъ представленій, концертовъ, баловъ и другихъ подобныхъ публичныхъ собраній, не имѣющихъ научнаго характера“.

Безусловно воспрещается литографированіе лекцій и конспектовъ. Это могутъ дѣлать лишь сами профессора, и при томъ съ тѣмъ, чтобы ихъ литографированныя записки поступали въ продажу наравнѣ съ печатными книгами.

Въ числѣ дисциплинарныхъ наказаній восстановленъ карцеръ, отъ 24 часовъ до 4 недѣль, довольно строгій: простая, свѣжая пища, въ достаточномъ количествѣ, освѣщеніе до 11 часовъ вечера, свиданія только съ родными и съ лицами, заступающими оныхъ,

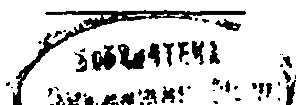
увеличеніе срока за дурное поведеніе въ карцерѣ и т. п. Въ видѣ льготы инспекторъ можетъ позволить книги, газеты, письменныя принадлежности, куреніе и посылку сторожей за разными покупками. Но „вино, пиво, вообще всѣ крѣпкіе напитки и карты безусловно воспрещаются“. Карцеръ всегда на ключѣ, а ключъ у инспекторскаго служителя. Но заключенный въ карцеръ можетъ пользоваться свободою для посѣщенія лекцій и даже для отлучки на 2 часа. Въ послѣднемъ случаѣ студентъ отпускается или „въ сопровожденіи солдата, или на честное слово студента“. Студентъ, не сдержавшій „честнаго слова студента“, считается „нарушившимъ довѣріе“, а нарушившій довѣріе не пускается болѣе на лекціи и за просрочку каждаго часа отсидживаетъ въ карцерѣ 6 лишнихъ часовъ.

За предосудительныя проступки внѣ университета, студенты подлежатъ вѣдѣнію полиціи на общемъ основаніи, но узнавъ о такихъ поступкахъ, университетское начальство имѣетъ право подвергнуть студента одному изъ установленныхъ дисциплинарныхъ взысканій, отъ выговора безъ внесенія въ штрафную книгу до исключенія изъ университета.

Всѣ стипендіи, идущія изъ суммъ государственнаго казначейства, влекутъ за собою обязательную службу по назначенію правительства—1 1/2 года службы за каждый годъ пользованія стипендіей. Лица не христіанскихъ исповѣданій, т. е. стало быть главнымъ образомъ евреи, не могутъ получать стипендій, назначаемыхъ изъ суммъ государственнаго казначейства. Этого ограниченія прежде не было.

Вольные слушатели новыми правилами допускаются, какъ и старыми, причемъ вольные слушатели обязаны подчиняться, наравнѣ со студентами, правиламъ, которыя установлены для посѣщенія аудиторій и учебныхъ кабинетовъ.

Образцы форменной одежды студентовъ Московскаго, Петербургскаго, Казанскаго, Харьковскаго, Кіевскаго и Одесскаго университетовъ, для постояннаго ношенія въ самыхъ университетахъ и внѣ оныхъ, Высочайше утверждены. Обязательно только ношеніе сюртука. На актахъ и другихъ торжественныхъ собраніяхъ, гдѣ студенты бываютъ въ сборѣ, обязательно быть имъ въ одинаковой формѣ. Форменная одежда вводится съ начала 1885—1886 года. Для вновь поступающихъ и оставшихся на первомъ семестрѣ форменная одежда обязательна; остальные, если пожелаютъ, могутъ донашивать прежнее платье. Новая форма почти одинакова съ прежней: при мундирѣ носится шага, шляпы не полагается.

СИНОДАЛЬНЫЯ КНИГИ.

Въ синодальн. книжныхъ лавкахъ въ Москвѣ и С.-Петербургѣ

(въ Москвѣ въ зданіи синадальной типографіи, въ С.-Петербургѣ въ зданіи Св. Склада)

имѣются съ продажей слѣдующія книги:

Собраніе мнѣній и отзывовъ Филарета, митрополита московскаго и коломенскаго, по учебнымъ и церковно-государственнымъ вопросамъ, издаваемое подъ редакціею преосвященнаго Саввы, архіепископа тверскаго. Т. I., гр печ, въ 8 д. л въ составѣ 33½ печатныхъ листовъ въ бум. 2 руб Въ востоящій томъ вошла бумага митрополита Филарета за время его духовно-учебной службы и службы въ должностяхъ члена духовной консисторіи, Императорскаго человеколюбиваго общества и главнаго управленія училищъ, а именно: съ 26-го января 1809 г., времени занятія имъ кафедръ высшей риторики въ С.-Петербургской духовной академіи, по 15-е марта 1819—г. времени назначенія на кафедру архіепископа тверскаго и кашинскаго, съ званіемъ члена Св Синода. Часословъ учебный въ кор. 35 коп., въ бум. 25 коп Псалтирь (учебная) въ кож. пер. 55 коп., въ кор. 45 коп., въ бум. 30 коп. Послѣднія двѣ книги предназначены исключительно для церковно-приходскихъ школъ и другихъ народныхъ училищъ; кромѣ того для той же цѣли печатается и въ скоромъ времени поступитъ въ продажу учебный Октоихъ, въ первый разъ издаваемый, съ разрѣшенія Св. Синода. Книги, служащія къ изученію и обличенію раскола. Бесѣды къ глаголемому старообрядцу. Москва 1856 г. въ кожѣ 48 коп., въ кор. 38 коп., въ бум. 28 коп. Отдѣльныя статьи изъ сей книги, а именно: а) о поклоняемомъ имени Іисусъ, б) о Символѣ вѣры, в) о четверокочечномъ крестѣ, г) дополнительная бесѣда о имени Іисусъ; д) о столбовомъ соборѣ; е) о благодати архіерейства и священства; ж) о древнихъ рукописяхъ и о Сборникѣ Святославопомъ; з) о второмъ сборникѣ Святославопомъ; и) о сложеніи перестовъ для крестнаго знаменія и для благословенія; і) о пятипросфоріи и седмипросфоріи, по 5 коп. О церкви и таинствахъ. Москва 1854 г. въ кожѣ 55 коп., въ кор. 40 коп. О клятвѣ московскаго собора 1667 г. С.-Петербургъ, 1873 г., цер. печ., въ 12 д. л. въ бум. 15 коп. О сущности и значеніи раскола въ Россіи, Сиб., 1881 г. гр печ. въ 12 д. л. 15 коп. Наставленіе священнику въ отношеніи къ раскольникамъ. вспомоательныя свѣдѣнія: гр. печ. Спб. 1884 г. въ 12 д. л., въ лепточкѣ 2 коп. Наставленіе священнику относительно заблуждающихъ отъ истины вѣры, въ 16 д. гр. печ., изд. 1884 г. въ бум. 5 коп. Увѣтъ духовный, святѣйшаго Іоакима, патріарха московскаго. Москва, 1882 г., ц. печ. въ 12 д. л. въ кожѣ 1 р. 20 коп., въ кореш. 1 р. 10 коп., въ бум. 1 р. Увѣщаніе во утвержденіи истины. цер. печ. Москва, 1882 г., въ кожѣ 55 коп. кор. 45 коп., бум. 40 коп. Истинно древняя и истинно православная Христова церковь. Григорія, митрополита новгородскаго и с.-петербургскаго, цер. печ. въ 8 д. л. въ 2 част. въ бум. 1 руб Опытъ сличенія церковныхъ чинопослѣдованій по изложенію церковно-богослужебныхъ книгъ. Геромонаха Филарета цер. печ. въ бум. 15 коп.

Находится въ продажѣ второе (1885 г.) изданіе сочиненія

КРАТКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ МЕТОДИКИ ЗАКОНА БОЖІЯ

Н. Страхова.

Св. Синодомъ, согласно опредѣленію Духовнаго Учебнаго Комитета, одобрено для бібліотекъ начальныхъ училищъ въ качествѣ пособія законоучителямъ и для духовныхъ семинарій въ качествѣ полезнаго пособия воспитанникамъ старшихъ классовъ. Для бібліотекъ начальныхъ училищъ одобрено и особымъ отдѣломъ Учебнаго Комитета М. П. Пр.

Цѣна за экземпляръ 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Складъ изданія въ г. Харьковѣ: у автора преподавателя дух. семинарій Н. Н. Страхова и въ книжномъ магазинѣ (при „публичной бібліотекѣ“) В. и А. Бутоковыхъ, Московская, 7.

УПРАВЛЕНІЕ ПРИДВОРНОЙ ПѢВЧЕСКОЙ КАПЕЛЛЫ,

съ разрѣшенія Господина Министра Императорскаго Двора, объявляетъ, что согласно съ Высочайше утвержденнымъ 17-го Марта 1884 года положеніемъ, регентскій классъ при Капеллѣ будетъ преобразованъ, съ Сентября 1884 года, на слѣдующихъ основаніяхъ:

§ 1. Желающіе получить регентское образованіе принимаются въ регентскій классъ, въ качествѣ *вольноприходящихъ* учениковъ, изъ лицъ всѣхъ сословій православнаго исповѣданія, не моложе 14 лѣтъ отъ роду, окончившіе курсъ въ учебномъ заведеніи не ниже двухкласснаго училища, и обладающіе музыкальнымъ слухомъ, знаніемъ нотъ въ скрипичномъ и басовомъ ключахъ, имѣющіе знакомство съ церковнымъ пѣніемъ и съ первоначальною степенью игры на скрипкѣ, въ размѣрѣ игры съ голосовыхъ пѣвческихъ партій.

§ 2. Приемъ въ регентскій классъ производится ежегодно отъ 1-го до 15-го сентября, занятія же продолжаютъся по іюнь мѣсяць. Пропшенія о принятіи въ классъ должны быть присланы до 1-го сентября (съ приложеніемъ свидѣтельства учебнаго заведенія согласно § 1-му) на имя *начальника придворной капеллы*, и по его распоряженію просители подвергаются испытанію въ музыкальныхъ способностяхъ и знаніяхъ, требуемыхъ для поступленія въ классъ (см § 1-й).

§ 3. Полный регентскій курсъ продолжается пять лѣтъ, изъ которыхъ первый годъ предназначается на приготовительный курсъ, а остальные четыре года на теоретическіе курсы.

§ 4. Въ *приготовительномъ курсѣ преподаются*: элементарная теорія музыки и понятія о гармоніи, сольфеджіо (пѣніе съ листа), церковное пѣніе и первоначальная степень игры на фортепиано.

§ 5. Въ *1-мъ и 2-мъ теоретическихъ курсахъ*, по одному году на каждый, преподаются: а) *Главные предметы*: гармонія, сольфеджіо, понятія о контрапунктѣ и церковное пѣніе. б) *Обязательные предметы*: игра на фортепиано и скрипкѣ и игра съ голосовыхъ партитуръ.

§ 6. Въ *3-мъ и 4-мъ теоретическихъ курсахъ*, по одному году на каждый, преподаются: а) *Главные предметы*: контрапунктъ, канонъ, fuga, изученіе формъ музыкальныхъ сочиненій и церковное пѣніе высшаго курса. б) *Обязательные предметы*: исторія церковной музыки и музыки вообще, игра съ партитуръ, управленіе хоромъ и знаніе правилъ сольнаго пѣнія.

§ 7. Для поступленія на 1-й и 2-й теоретическіе курсы требуется знаніе предметовъ приготовительнаго курса; а для поступленія на 3-й и 4-й теоретическіе курсы — предметовъ первыхъ двухъ теоретическихъ курсовъ.

§ 8. Вольноприходящіе ученики регентскаго класса должны имѣть свои скрипки съ принадлежностями, камертонъ, учебники и ноты, необходимыя для прохожденія курса.

§ 9. За обученіе въ регентскомъ классѣ взимается *сто рублей* въ годъ, съ уплатою изъ нихъ къ 1-му сентября — 50 руб. и къ 15-му января — 50 руб.

§ 10. Ученикамъ, удовлетворительно выдержавшимъ испытаніе и получившимъ изъ главныхъ предметовъ не менѣе 4-хъ (при пяти балльной системѣ), а изъ прочихъ предметовъ не менѣе 3-хъ, выдаются отъ Придворной Капеллы свидѣтельства трехъ разрядовъ: а) ученикамъ прошедшимъ приготовительный курсъ — *свидѣтельство 3-го разряда на званіе регентскаго помощника*; б) ученикамъ, прошедшимъ приготовительный, первый и второй теоретическіе курсы — *свидѣтельство 2-го разряда на званіе регента*, и в) прошедшимъ полный курсъ — *свидѣтельство 1-го разряда на званіе учителя церковнаго пѣнія и теоріи музыки*.

§ 11. Не обучившіеся въ регентскомъ классѣ, но имѣющіе право на поступленіе въ оный (см. § 1-й) допускаются, по ихъ желанію, съ 1-го сентября по 1-е іюня, съ разрѣшенія начальника придворной капеллы, къ испытанію на полученіе свидѣтельствъ, соответствующихъ ихъ познаніямъ, и съ уплатою за свидѣтельство 1-го разряда — 25 рублей, 2-го разряда — 20 рублей и 3-го разряда — 15 рублей.

§ 12. Ученики регентскаго класса обязаны исполнять всѣ дисциплинарныя правила, установленныя начальникомъ капеллы.

Въ настоящее время придворною пѣвческою капеллою изданы:

1) Пѣніе на Воскресной Всенощной. 2) Пѣніе на Литургіи Григорія Двоеслова. 3) Пѣніе на Панихидѣ. Всѣ эти переложенія извлечены изъ Обихода, употребляемаго при Высочайшемъ Дворѣ съ приложеніемъ прошеній въ порядкѣ службы, съ полнымъ текстомъ и возгласами и приспособлены какъ для пѣнія одними мужскими или одними женскими голосами такъ и для исполненія полнымъ хоромъ.

Всѣ эти изданія въ томъ же видѣ и форматѣ, какъ и прежде изданное „Пѣніе на литургіи оанна Златоустаго“.

Цѣны: „Пѣніе на Воскресной Всенощной“ 1 рубль, въсовыхъ за 2 фунта. „Пѣніе на Литургіи Григорія Двоеслова“ 20 коп., въсовыхъ 1 ф. „Пѣніе на Панихидѣ“ 20 коп., въсовыхъ за 1 фунтъ.

Изданія эти можно получать въ С.-Петербургѣ, въ библиотекѣ Придворной Капеллы, Мойка. № 18. Въ Москвѣ — у комиссіонера ея К. И. Мейкова, въ его музыкальномъ магазинѣ, на Кузнецкомъ мосту.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Вторая и третья часть книги „Права и обязанности пресвитеровъ по основнымъ законамъ христіанской Церкви и по церковно-гражданскимъ постановленіямъ русской Церкви“.

Составилъ П. П. Забѣлинъ, преподаватель Кіевской Духовной Семинаріи. Кіевъ, 1885 года.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ „Іерархическія права и обязанности пресвитеровъ“, какъ настоятелей приходскихъ церквей и административно-почетно-должностныхъ лицъ по епархіальному управленію, а третья „Уловія правоспособности и достоинства пресвитеровъ на служеніе Церкви и на іерархическія преимущества и другія отличія и привилегіи“ съ заключительною статью о матеріальномъ обезпеченіи духовенства и нѣсколькими приложеніями. Цѣна обѣихъ этихъ частей 1 р. 30 коп. безъ пересылки и 1 р. 50 коп. съ пересылкою. Продается: въ Кіевѣ, у самого автора — преподавателя Кіевской Духовной Семинаріи П. П. Забѣлина; въ редакціи журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“, издаваемаго при Кіевской Духовной Семинаріи; въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглобина (бывш. Литва) и друг.

Тамъ-же продается и первая часть той-же книги — „Служебныя права и обязанности пресвитеровъ“, по 1 р. 75 к. за экз. безъ пересылки и 2 р. съ пересылкою. Эта часть, заключающая въ себѣ каноническія постановленія христіанской Церкви и церковно-гражданскія постановленія Русской Церкви относительно учительства, духовнаго руководствованія пасомыхъ, священнодѣйствій, завѣдыванія церковною собственностію и церковнаго письмоводства, Св. Синодомъ удостоена Макарьевской преміи, а Учебнымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ признана въ начертаніи пособія по „Практическому Руководству для пастырей“ въ духовныхъ семинаріяхъ (см. Ц. В. за 1855 г. №№ 13 и 14).

Выписывающіе непосредственно отъ автора всѣ три части (до 50 печатныхъ листовъ убористаго шрифта) уплачиваютъ по 3 р. за экз. безъ пересылки и 3 р. 50 к. съ пересылкою; при требованіи отъ него не менше трехъ экземпляровъ уплачиваютъ по 3 р. за экз. съ пересылкою; при выпискѣ прямо-же отъ автора не менше 5 экз. уплачиваютъ по 2 р. 85 к. за экз. съ пересылкою; и при выпискѣ не менше 10 экз. по 2 руб. 70 коп. за экз.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ОБЩЕСТВА.

Въ торжественномъ собраніи гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества, состоявшемся 13 мая 1885 г., по случаю исполнившагося тысячелѣтія блаженной кочницы Св. Меодія, архіепископа Моравскаго, учреждень, въ память Славянскихъ первоучителей, конкурсъ, съ двумя преміями, одной въ 1500 р. и другой въ 500 р., за лучшія сочиненія, написанныя на слѣдующую тему:

Представить историческіе очерки образованія общихъ литературныхъ языковъ у древнихъ Грековъ, Италиковъ, у новыхъ народовъ романскихъ (итальянскаго, французскаго, испанскаго) и германскихъ (англійскаго и нѣмецкаго). Изложить судьбы церковно-славянскаго языка у различныхъ народовъ славянскихъ до новѣйшаго времени. Прослѣдить распространеніе чешскаго языка у Словаковъ, у Поляковъ, — польскаго въ Западной Руси: у Малоруссовъ и Бѣлоруссовъ, — сербскаго у Хорватовъ. Прослѣдить по возможности со временъ Петра Великаго или Ломоносова до нашихъ дней усиленіе русскаго языка у Болгаръ, Сербовъ, Хорватовъ, Словенцевъ, Словаковъ, Чеховъ, Сербовъ-Лужичанъ, Поляковъ. Изложить въ хронологическомъ порядкѣ и въ извѣстной системѣ разнообразныя появлявшіяся, начиная съ Крѣжанича до послѣдняго времени, среди славянскихъ писателей, мнѣнія по вопросу о взаимномъ литературномъ общеніи, объ общемъ дипломатическомъ органѣ и о литературномъ славянскомъ единствѣ. Въ заключеніе, опираясь на результаты предъидущихъ изслѣдованій и на историческихъ аналогійхъ древнихъ и новыхъ образованныхъ странъ и народовъ, авторъ долженъ самъ поставить и разсмотрѣть вопросы, возможно-ли и необходимо-ли литературное единство народностей славянскихъ? При этомъ авторъ не долженъ упускать изъ виду существованія въ Италиі, Испаниі, Франціи, Англии, Германіи литературной мѣстной обработки отдѣльныхъ нарѣчій и поднарѣчій, даже говоровъ, не-исчезнувшей и непрерывавшейся съ утвержденіемъ въ этихъ странахъ общихъ литературныхъ языковъ.

Сочиненія на вышеизложенную тему должны быть представлены въ Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества (С.-Петербургъ, площадь Александринскаго театра, № 7), не позже 11 мая 1888 года, безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта общему собранію, за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы сопскаателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Славянскаго Общества 14 февраля 1889 года.

За лучшее сочиненіе будетъ выдано 1500 р., за второе-же 500 р.

Сочиненія могутъ быть написаны по-русски, или на любомъ изъ славянскихъ нарѣчій, или даже на одномъ изъ извѣстнѣйшихъ западно-европейскихъ языковъ.

Если Славянское Общество признаетъ нужнымъ, по соглашенію съ авторомъ, издать въ свѣтъ (буде сочиненіе рукопись, а не печатная книга) премпривалное сочиненіе, — то оно его печатаетъ только на русскомъ языкѣ, хотя-бы оригиналь былъ и не русскій.

При присужденіи премій имѣются главнѣйше въ виду слѣдующія качества. точность, полнота и обработка сообщенныхъ фактовъ, ясность доводовъ и достоинство изложенія.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1885 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ по полудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.